Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой

ЛИТЕРАТУРА

Часть II

8

ДРОФА

ВЕРТИКАЛЬ

Электронное приложение
www.drofa.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 8 класса входит в серию учебных пособий, созданных по единой программе литературного образования (5—11 классов), составленной Т. Ф. Курдюмовой.

Учебник-хрестоматия соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования.

- Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть II
  - Литература XIX века
    -
    - Мотивы былого в лирике поэтов XIX века
      -
      - Василий Андреевич Жуковский
        -
        - Воспоминание
        - Песня
      - Александр Сергеевич Пушкин
        -
        - Воспоминание
        - Стансы[1]
        - Анчар
      - Денис Васильевич Давыдов
        -
        - Бородинское поле. Элегия[2]
      - Иван Иванович Козлов
        -
        - Вечерний звон
      - Фёдор Николаевич Глинка
        -
        - Москва
      - Алексей Николаевич Апухтин
        -
        - Солдатская песня о Севастополе
    - Алексей Константинович Толстой
      -
      - Василий Шибанов
      - Князь Серебряный
        -
        - Главы из романа
          - Глава 8. Пир

- Глава 14. Оплеуха
- Глава 31. Божий суд
- Вымысел и реальность в художественном произведении
- Народная речь в литературном тексте
- Александр Дюма
  - Три мушкетёра
- Лев Николаевич Толстой
  -
  - После бала
- Контраст как композиционный приём
- Время и пространство в художественном тексте

○ Литература XX века

-
- Автор и время на страницах произведений XX века
- Былины и их герои в поэзии XX века
  -
  - Иван Алексеевич Бунин
    -
    - На распутье
    - Святогор
    - Святогор и Илья
  - Константин Дмитриевич Бальмонт
    -
    - Живая вода
  - Евгений Михайлович Винокуров
    -
    - Богатырь
- Юрий Николаевич Тынянов
  -
  - Восковая персона. В сокращении
    - Глава первая
- Марк Алданов
  -
  - Чёртов мост. (Фрагменты)
- Борис Львович Васильев
  -
  - «Утоли моя печали…». В сокращении
    - Глава вторая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая

- Эпилог
- Великая Отечественная война в лирике XX века
  -
  - Анна Андреевна Ахматова
    - Клятва
    - Мужество
  - Александр Андреевич Прокофьев
    - Москве
  - Константин Михайлович Симонов
    - Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины…
  - Александр Трифонович Твардовский
    - Рассказ танкиста
  - Юлия Владимировна Друнина
    - Зинка
  - Михаил Александрович Дудин
    - Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях…
    - Алексей Александрович Сурков
      - Бьётся в тесной печурке огонь…
  - Михаил Васильевич Исаковский
    - Огонёк
  - Булат Шалвович Окуджава
    - До свидания, мальчики
  - Евгений Михайлович Винокуров
    - В полях за Вислой сонной…
  - Владимир Семёнович Высоцкий
    - Штрафные батальоны
- Леонид Максимович Леонов
  -
  - Золотая карета. Пьеса в четырёх действиях
    -
    - Действие первое
    - Действие четвёртое
- Мотивы былого в лирике поэтов XX века
  -
  - Валерий Яковлевич Брюсов
    -
    - Тени прошлого
  - Зинаида Николаевна Гиппиус
    -
    - 14 декабря
  - Николай Степанович Гумилёв

- Старина
- Прапамять
- Марина Ивановна Цветаева
  -
  - Домики старой Москвы
  - Генералам двенадцатого года
- Евгений Александрович Евтушенко
  -
  - Когда звонят колокола
- Владимир Семёнович Высоцкий
  -
  - Иногда как-то вдруг вспоминается…

- Подведём итоги
- Рекомендуемые интернет-ресурсы
- Краткий словарь литературоведческих терминов

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть II (Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой)

Литература XIX века

А. К. Толстой. А. Дюма. Л. Н. Толстой.

Мотивы былого в лирике поэтов XIX века

В лирике находят воплощение глубокие душевные переживания поэта. Каждое или почти каждое лирическое стихотворение можно назвать исповедью, в которой чувства поэта переданы во всей их искренности и непосредственности. Но эта исповедь рассчитана на сопереживание читателя, на то, что он поймёт и разделит чувства, которые овладели поэтом и нашли отражение в слове. «Великий поэт, – отмечал В. Г. Белинский, – говоря о своём я, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит всё, чем живо человечество. И потому в его грусти всякий узнаёт и свою и видит в нём не только *поэта,* но и *человека,* брата своего по человечеству».

Тематика лирики разнообразна. Лирическое стихотворение может быть вызвано любым жизненным обстоятельством, способным пробудить в душе поэта ответные чувства и мысли. К лирике гражданской, любовной, пейзажной, философской примыкают и лирические произведения, запечатлевшие былое, прошедшее. Масштаб изображения минувшего в лирическом творчестве неодинаков: поэты изображают в своих стихотворениях и значительные исторические события, и недавнее прошлое, в котором нашёл отражение личный жизненный опыт поэта. Порой короткое лирическое стихотворение говорит об эпохе, о минувшем гораздо больше, нежели самая подробная летопись или мемуары.

Независимо от широты охвата прошлого в лирических произведениях, осмысливающих былое, содержится завет последующим поколениям чутко относиться к минувшему, прожитому, беречь память об исторических событиях, хранить национальную культуру, её язык.

Прочитайте стихотворения, включённые в раздел «Мотивы былого в лирике поэтов XIX века». Ответьте на предложенные вопросы и выполните задания к тем стихотворениям, которые вам понравились.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Тема исторического прошлого занимает значительное место в поэзии В. А. Жуковского. Участник Отечественной войны 1812 года, поэт постоянно возвращается в своих произведениях к минувшим героическим дням («Бородинская годовщина», «Ночной смотр», «К Ермолову»).

С именем Жуковского связано утверждение в русской поэзии жанра баллады. В них поэт проникновенно воссоздал волновавшие его исторические события и предания.

Через всё творчество Жуковского проходит тема воспоминаний, которая находит пояснение в дневниковой записи поэта: «Минуты, в которые какою-то волшебною силой пробуждаются воспоминания, и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух старины, дом, чувство прошедшей жизни». Поэтическое слово Жуковского всегда находило сочувствие, отклик в душе его современников. Оно и сегодня близко читателю искренностью и правдой чувства, выразительностью и музыкальностью его стихотворений. Бессмертие своему учителю предсказал А. С. Пушкин:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль…

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет,*
Но с благодарностию: *были.*

Вопросы и задания

▸Почему поэт назвал своё стихотворение «Воспоминание»? Почему слова «их нет» и «были» Жуковский выделил курсивом?

▸▸1. Устаревшее, книжное слово «животворить» в «Большом толковом словаре русского языка» поясняется так: наполнять жизненной силой; оживлять. Какое значение для понимания главной мысли стихотворения имеет это слово?

▸▸▸Стихотворение «Воспоминание» представляет собой миниатюру – одну из труднейших форм лирики, отличающуюся глубиной содержания и отточенной художественной формой. В

чём вы видите глубину его содержания? Каковы особенности художественной формы стихотворения? Какое значение имеет в нём антитеза?

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде,*
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Вопросы и задания

Почему поэт назвал своё стихотворение «Песня»? В чём вы видите его музыкальность? Обратите внимание на звукопись стихотворения, повторы, синтаксис.

1. Почему слова «прежде», «живи», «будь», «один» выделены курсивом?

«Воспоминание и я одно и то же», – написал Жуковский в одном из своих стихотворений. Для поэта воспоминание – это

«память сердца», «чувство прошедшей жизни». Что волнует его в стихотворении «Песня»? Что особенно дорого поэту в минувшем? Какие синонимы использует Жуковский, воссоздавая в своей памяти картину былого?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

А. С. Пушкин много раз говорил о том, что все явления жизни достойны внимания поэта и что у русской словесности есть свой язык – «обычаи, история, песни, сказка»… Историческое прошлое глубоко осмыслено Пушкиным в прозе и драматургии. Но «слава нашей старины», пережитое нашли полнокровное воплощение и в лирике поэта. Уже в раннем своём стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин воспел славу русского оружия, военную мощь России, воздал похвалу её полководцам. К этой теме он возвращается в стихотворении «Перед гробницею святой», посвящённом великой роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Героем стихотворения «Полководец» является Барклай де Толли, о котором поэт писал, что он «останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом». Мастерски передал Пушкин суровый колорит седой русской старины в «Песни о вещем Олеге». Воспоминания об ушедших из жизни друзьях и крупных общественно-политических событиях («Чему, чему свидетели мы были!») содержатся в цикле стихотворений разных лет, посвящённых лицейской годовщине – 19 октября. В коротком стихотворении «Отрок» Пушкин воссоздаёт суровое детство М. В. Ломоносова. Безошибочное чувство истории не изменяет поэту, когда он пишет в своих произведениях о необходимости помнить и чтить минувшее.

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной

Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Вопросы и задания

Стихотворение «Воспоминание» было написано 19 мая 1828 года в Петербурге. Каким предстаёт город с его «стогнами» в первых четырёх строках стихотворения?

1. Что тревожит поэта в «часы томительного бденья»? Можно ли слова «угрызенья», «мечты», «думы», «воспоминание» выстроить в один ряд как оттенки одного поэтического переживания? Какие метафоры использует поэт, последовательно воссоздавая разные лики переживания?

2. Перечитайте заключительные четыре строки. Почему воспоминание о прошедшей жизни вызывает у поэта горькое, мучительное чувство? В какой мере повторяющиеся союзы «и» и противительный союз «но» усиливают это чувство?

Стансы[1]

В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он, неутолим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Вопросы и задания

1. Почему «дни Петра» поэт называет «славными»? В чём автор «Стансов» видит заслуги самодержца?

2. Какие личные качества Петра I отмечает поэт в стихотворении?

Какие строки стихотворения особенно выразительны в звуковом отношении?

1. В «Стансах» поэт проводит историческую параллель между царствованием Петра Великого и началом правления Николая I. В чём вы видите смысл этого сопоставления? К чему призывает поэт нового царя?

Анчар

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскалённой,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдёт – лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,

Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потёк

И к утру возвратился с ядом.
Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Вопросы и задания

▸1. Определите части, на которые распадается стихотворение.

2. Опишите содержание каждой из частей стихотворения.

3. Назовите участников событий, описанных в стихотворении.

▸▸1. Какую роль играет в стихотворении союз «но», стоящий на грани первой и второй части?

2. Подбирая эпитет к слову «пустыня», поэт выбирал из следующих определений: *глухой, знойной, мёртвой, тощей, мрачной* и остановился на слове *чахлый.* Как вы это объясните?

▸▸▸1. Проследите, как поэт выбрал эпитет для изображения приказа царя: «Послал к Анчару *властным* словом», «Послал к Анчару *самовластно»,* «Послал к Анчару *равнодушно»,* «Послал в пустыню *властным* взглядом».

2. Какую мысль утверждает поэт своим стихотворением?

Денис Васильевич Давыдов **(1784–1839)**

«Я считаю себя рождённым единственно для рокового 1812 года» – эти слова принадлежат герою Бородинской битвы, лихому гусару, прославленному руководителю партизанского движения в годы Отечественной войны Денису Давыдову. Судьбу его предугадал замечательный полководец Александр Васильевич Суворов: «Ты выиграешь три сражения». И это предсказание сбылось. Денис Давыдов выиграл сражение военное – он не сходил с седла три десятилетия. Он выиграл сражение гражданское – был предан своему отечеству и готов был отдать за него жизнь. Наконец, он выиграл сражение литературное – в пушкинскую эпоху он вошёл в литературу как самобытный поэт. «Он был поэт в душе, – утверждал В. Г. Белинский, – для него жизнь была поэзиею, а поэзия жизнью». Его гусарские песни, элегии, дружеские послания, как отмечал сам Денис Давыдов, «были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн». В его стихах утверждалось право человека на независимость, веселье и счастье. О славе Дениса Давыдова, удалого генерала и певца гусарской отваги, метко сказал Е. А. Баратынский:

Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!..

Бородинское поле. *Элегия*[2]

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы.
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу – веди меня, я твой:
О, обречённый быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю… Нет отзыва! С полей

Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

Вопросы и задания

Историческая элегия «Бородинское поле» написана в 1829 году, в период между персидской и польской военными кампаниями, когда молчали «грозы боёв» и поэт-гусар по воле «сильных» находился в глухой провинции, что и вызывает у него грустные мысли о «мече», упавшем из рук. Какие воспоминания рождаются в душе поэта в эти минуты? Каким чувством они проникнуты?

1. Проследите за общим планом стихотворения. В какой мере образы-картины, сменяющие друг друга, передают грустные размышления поэта?

2. Каких «счастливцев горделивых» вспоминает автор элегии «Бородинское поле»? Как он характеризует их? Какие слова высокого стиля употребляет поэт, размышляя о героическом прошлом, о боевых соратниках и друзьях?

В чём вы видите смысл концовки стихотворения?

Иван Иванович Козлов (1779–1840)

В литературу И. И. Козлов пришёл поздно: первое его стихотворение было опубликовано лишь в 1821 году. К шестнадцати годам он стал подпоручиком, но предпочёл гражданскую службу. Уже в молодые годы поражал своих друзей начитанностью и блестящим знанием иностранных языков. В 1818 году тяжёлая болезнь приковала Ивана Козлова к постели, а через три года он потерял зрение. Жуковский свидетельствовал, что Козлов «переносил бедственную свою участь с терпением удивительным – и Божий Промысел, пославший ему тяжкое испытание, даровал ему в то же время и великую отраду: поразив его болезнию, разлучившею его навсегда с внешним миром и со всеми его радостями, столь нам изменяющими, открыл он помрачённому взору его весь внутренний, разнообразный и неизменчивый мир поэзии, озарённый верою, очищенный страданием». Стихи, которые рождались в его чутком воображении, он диктовал своей дочери Алине.

Козлов быстро приобрёл известность благодаря элегиям,

поэмам, переводам. Страстный любитель музыки, судьбою связанный со многими композиторами, он часто обращался в своём творчестве к романсу и песне. Классическими образцами романса стали его «Венецианская ночь» и «Романс», а «Вечерний звон» стал народной песней. «Козлов, – с восхищением говорил Н. В. Гоголь, – гармонический поэт, от которого раздались какие-то дотоле не слышанные, музыкально-сердечные звуки».

Вечерний звон

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда весёлых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесёт;
Другой певец по ней пройдёт,
И уж не я, а будет он
В раздумьи петь вечерний звон!

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Вечерний звон», являющееся вольным переводом произведения английского поэта Т. Мура, проникнуто мотивами одиночества, вызванного потерей друзей, расставанием с ними. В каких словах стихотворения особенно сильно звучит чувство щемящей тоски о невозвратных днях и навсегда ушедших друзьях?

2. Как в стихотворении «Вечерний звон» создаются

«музыкально-сердечные звуки»? Проследите за особенностями рифмы стихотворения. Какую роль играют в нём короткие слова «звон», «дум», «он», «дом», «дней», «сон»?

3. В подлиннике стихотворения содержался подзаголовок «Колокола Санкт-Петербурга». Как вы думаете, почему поэт в публикациях стихотворения отказался от подзаголовка?

Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880)

За свою долгую жизнь Ф. Н. Глинка написал около 200 прозаических произведений и более 800 стихотворений. Высокую оценку поэзии Фёдора Глинки, как «может быть, самого оригинального» «изо всех наших поэтов», дал А. С. Пушкин. Широкую известность ещё в XIX столетии получили его лирические миниатюры «Узник» («Не слышно шуму городского…»), «Тройка» («Вот мчится тройка удалая…»), ставшие народными песнями. Участник многих сражений Отечественной войны 1812 года, Глинка был за храбрость награждён рядом русских и иностранных орденов и золотой саблей. В одном из стихотворений 1823 года поэт провозгласил:

Рабы, влачащие оковы,
Высоких песен не поют!

Эти слова, подхваченные многими современниками и ставшие поговоркой, во многом объясняют деятельное участие Ф. Глинки в декабристских «Союзе спасения» и «Союзе благоденствия». После поражения восстания 14 декабря 1825 года поэт был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем выслан в ссылку в город Петрозаводск. Отставленный от военной службы, он длительное время служил коллежским советником губернских правлений Петрозаводска, Твери, Орла. В своих стихотворениях, ставших известными в русской армии, Глинка откликнулся на события Крымской и русско-турецкой войн. Лирика поэта проникнута любовью к народу и отечеству.

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных…
Это *матушка Москва*!

Кто, силач, возьмёт в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернёт?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот*?!

Ты не гнула крепкой выи[3]
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полонённою,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный,* град *сердечный,*

Коренной России град!

Вопросы и задания

1. Какие исторические события отражены в стихотворении?
2. Как раскрываются в стихотворении «Москва» две темы, обозначенные в первой строке, – тема «города чудного» и тема «города древнего»?

1. Почему поэт так часто использует риторические восклицания и риторические вопросы[4]? Проследите, как они сочетаются в стихотворении. В какой мере сочетание риторических восклицаний и риторических вопросов определяет общее построение стихотворения?
2. Почему поэт выделил отдельные слова стихотворения курсивом? Что он стремился подчеркнуть, используя курсив как средство выразительности письменной речи?

Алексей Николаевич Апухтин (1840–1893)

Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!.. —

в этих поэтических строках А. Н. Апухтина, исполненных жажды иной, лучшей жизни, отразилось характерное для всего творчества поэта противоречие между жизнью реальной, повседневной и жизнью чувства, воображения. Поэзия А. Апухтина не лишена гражданского пафоса. Его поэтическое творчество питают живительные соки любви к отечеству, поэта тревожит положение народа, он осознаёт трагизм исторического пути России. Далеко не случайно влечёт поэта минувшее. Он ищет для себя опоры в пушкинской эпохе, в творчестве Пушкина. Следование поэтическим традициям великого предшественника определило творческую биографию Апухтина. В идеалах истины, красоты и добра, воплощением которых стала лирика Пушкина, поэт находит нетленные источники для творческого вдохновения.

Первая книга стихов А. Н. Апухтина, изданная по настоянию его друзей, увидела свет очень поздно – лишь в 1886 году. Но и до выхода поэтического сборника его стихи были широко известны читательской публике. Они звучали на концертах,

декламировались в камерной обстановке, распространялись в копиях и списках, послужили основой для многих популярных романсов. Многолетняя дружба поэта с П. И. Чайковским не только способствовала развитию музыкальности, звучности стиха поэта, но и привела к рождению популярных романсов, музыку к которым написал великий композитор («Ночи безумные, ночи бессонные…», «День ли царит, тишина ли ночная…»).

Солдатская песня о Севастополе

Не весёлую, братцы, вам песню пою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шёл в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабёнку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали,
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы;

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов её смелых…

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Вопросы и задания

Почему, воссоздавая в стихотворении недавнее историческое прошлое, А. Н. Апухтин обратился к жанру песни? Вам известны песни хороводные, плясовые, застольные, колыбельные, свадебные, любовные, бурлацкие, рекрутские, рабочие и т. д. Почему поэт назвал своё стихотворение «солдатской песней»? Как сам поэт характеризует сложенную им песню? Какие известные вам исторические факты героической обороны Севастополя 1854–1855 годов нашли отражение в песне-стихотворении?

⏩1. В каких словах стихотворения особенно ярко выразилось благоговение поэта перед сынами России? Как охарактеризованы в стихотворении враги? Почему в изображении врагов автор «Солдатской песни о Севастополе» использует просторечные словосочетания и выражения?

2. Какую роль в песне-стихотворении выполняют повторы? Как соотносятся начальная и конечная строфы стихотворения?

Вопросы и задания ко всей теме

1. Какое стихотворение произвело на вас наиболее сильное впечатление? Почему? Прочитайте стихотворение наизусть.

2. В каком из стихотворений наиболее ярко отражены исторические события? Как в нём выражено отношение к прошлому?

⏩⏩1. Какие слова из стихотворений русских поэтов о былом вам оказались особенно близкими? Запомните эти слова.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875)

Алексей Константинович Толстой был из тех баловней судьбы, которым даны талант, любовь ближних, знатность и богатство. Его мать была дочкой основателя Царскосельского лицея, который слушал, как Пушкин на экзамене читал «Воспоминания в Царском Селе». Отец принадлежал к знаменитому роду Толстых. Воспитывал его дядя Алексей Алексеевич Перовский (литературный псевдоним – Антоний Погорельский). Он написал для племянника сказку «Чёрная курица, или Подземные жители», которая популярна и сейчас.

Мальчик очень рано и легко стал писать стихи. «С шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи – настолько поразили моё воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике… я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но в метрическом отношении они отличались безупречностью» – так вспоминал сам Толстой. Дядя показывал его стихи Пушкину и Жуковскому, которые высоко оценили первые опыты подростка. Серьёзный воспитатель и опытный литератор, Перовский видел опасность в таком лёгком успехе и сделал так, чтобы одно из стихотворений племянника было напечатано в журнале в сопровождении строгого критического разбора. Чтение беспощадной и остроумной критики надолго отбило у мальчика охоту к торопливым публикациям.

Близость к царскому двору определяла судьбы членов семьи: его мать была пожалована во фрейлины, а Алёша представлен своему ровеснику – наследнику престола и будущему царю Александру II, что впоследствии скажется на судьбе Толстого и надолго привяжет его к светской жизни.

Десятилетним мальчиком Толстой вместе со своим дядей посетил Гёте и так понравился великому поэту, что получил в подарок кусок клыка мамонта с изображением фрегата, нарисованного великим поэтом. Заграничные поездки давали Алёше очень много: «Та или иная картина или статуя, равно как и хорошая музыка, производили на меня такое сильное впечатление, что волосы мои буквально поднимались на голове».

Окончив в 18 лет словесный факультет Московского университета, он начал служить и вести светскую жизнь. Вокруг

было много друзей. Молодых людей объединяли не только общий круг знакомств, но и развлечения, неудержимое юношеское озорство. Двоюродные братья Жемчужниковы – хорошие приятели Алексея Толстого – были талантливы и остроумны. Один из них записывал лекции по истории в виде карикатур и потом легко учил уроки и сдавал экзамены по своим рисункам, другой брат вёл нечто вроде стихотворного дневника. У этих шуток было будущее: братья Жемчужниковы впоследствии станут вместе с Алексеем Толстым создателями премудрого Козьмы Пруткова, сочинения которого издают до сих пор.

В мае 1851 года Толстого сделали «церемониймейстером Двора Его Величества». Но его всё больше тянуло к творчеству, и всё ненавистней становилась официальная служба. Толстой добился отставки только в 1861 году. Началось напряжённое и продуктивное творчество. Создавались и завершались произведения, которые до этого никак не могли быть закончены.

1862 год – опубликована драматическая поэма «Дон Жуан».

1863 год – опубликован роман «Князь Серебряный».

1866–1870 годы – опубликована историческая трилогия – трагедии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис».

1867 год – опубликовано первое собрание стихотворений.

В последнее десятилетие создавались баллады, стихотворные политические сатиры («История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сон Попова»); поэмы, лирические стихи.

Творчество Алексея Константиновича Толстого проникнуто интересом к национальной старине, неприятием политической тирании, любовью к природе родного края. Особое значение он придавал созданию своеобразных и ярких характеров исторических лиц.

Неоднократно он обращался к годам правления Ивана Грозного и к образу самого государя. Большую роль в понимании этого государя сыграл наш отечественный историк Н. М. Карамзин (1766–1826). Прочитаем фрагменты его «Истории государства Российского».

…Приступаем к описанию ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства.

И россияне современные и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве

уединённой, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обременённый делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских… Ласковый к вельможам и народу – любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урождённый царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» <…>

Вероятно ли, чтобы государь любимый, обожаемый мог с такой высоты блага, счастия, славы низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остаётся только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях. <…>

Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом ещё более острым, нежели твёрдым или основательным. Худое воспитание, испортив в нём естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной вере: ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства… Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует ещё в летах совершенных. <…>

После казней Иоанн занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, князь Афанасий Вяземский и другие любимцы. К ним приводили молодых детей боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удальством, распутством, готовностью на всё. Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях; требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, самая низость происхождения, вменялась им в достоинство. Вместо тысячи царь избрал 6000 и взял с них присягу служить ему верою и правдою, доносить на изменников, не дружить с земскими (т. е. со всеми, не записанными в опричнину), не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. <…>

Так рисует Н. М. Карамзин логику изменений в судьбе и поведении грозного государя.

Одним из первых произведений А. К. Толстого на тему русской истории была баллада «Василий Шибанов». О ней велись споры, которые выходили за рамки чисто литературных проблем

и поднимали нравственные и даже философские вопросы. Толстой, активно работавший над созданием баллад, разрушал привычное представление о драматической балладе как о произведении, которое часто изображает столкновение деспота и непокорного ему человека.

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева
бежал,
С ним Васька Шибанов,
стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный
пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдаёт воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».
И князь доскакал. Под литовским
шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздаёт;
Недаром дивится литовский
народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался
другом».
Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорблённой зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю
напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».
И пишет боярин всю ночь напролёт,
Перо его местию дышит,
Прочтёт, улыбнётся, и снова прочтёт,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,

И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.
Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмётся?
Кому не люба на плечах голова,
Чьё сердце в груди не
сожмётся?
Невольно сомненья на князя нашли…
Вдруг входит Шибанов в поту
и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали?»
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твоё серебро,
А я передам и за муки
Письмо твоё в царские руки».
Звон медный несётся, гудит над
Москвой;
Царь в смирной одежде
трезвонит;
Зовёт ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьёт,
И звону внимает московский
народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский
лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной
душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идёт,

И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»
И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налёг на костыль – и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради
грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой
войны,
Без счёта твердыни врагов
сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?
Безумный! Иль мнишись бессмертнее
нас,
В небытную ересь прельщённый?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предречённый,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьёю предстану!» —
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзённой ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный
взгляд,
Как будто исполнен печали;

И все в ожиданье молчали.
И молвил так царь: «Да, боярин твой
прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами
поправ,
Я пёс недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных
у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой
в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей
наконец?»
«Царь, слово его всё едино:
Он славит свого господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев
гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит свого господина:

„О князь, ты, который предать меня
мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный
мой час,
Язык мой немеет, и взор мой
угас,
Но в сердце любовь и прощенье,

Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный
мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово моё всё едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твёрдо жду смерти желанной!“» —
Так умер Шибанов, стремянный.

Вопросы и задания

Почему автор назвал балладу «Василий Шибанов»?

1. Как построена баллада? Найдите завязку, кульминацию и развязку.
2. Какую роль в развитии сюжета играют Курбский и царь Иоанн?
3. Какой эпизод показался вам самым убедительным для характеристики главного героя?
4. Какие художественные приёмы активно использует автор при характеристике своих героев и при описании событий?
5. Какие метафоры передают эмоциональное состояние героев?
6. Сравните первую и последнюю строки баллады. Как вы охарактеризуете их роль в развитии сюжета?

1. Создайте краткий рассказ об одном из героев баллады.
2. Составьте краткий словарь устаревших слов, которые использует автор в балладе. Объясните, с какой целью они используются в балладе.

Князь Серебряный

Историческая эпоха на страницах романа. Роман А. К. Толстого, популярный до сих пор, был опубликован в 1863 году. Работа над ним велась более десяти лет. Сам автор предпослал первому изданию предисловие, в котором говорил о своих целях и признавался в том, что отступил от некоторых конкретных исторических фактов. «В отношении к ужасам того времени, – отмечает писатель, – автор оставался постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству

читателя, он набросил на них тень и показал их по возможности в отдалении. Тем не менее он сознаётся, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук, и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иван IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования… Если удалось ему воскресить наглядно физиономию очерченной им эпохи, он не будет сожалеть о своём труде и почтёт себя достигшим желанной цели».

Что же это была за эпоха? Какие сведения об изображённом периоде стоит вам вспомнить? Прежде всего, опричнина. Название происходит от слова «опричь» – кроме, особо. Современник, который излагал царский указ об основании опричнины, писал о ней: «Особный двор». Это был специально проверенный круг людей, беспрекословно покорное царю войско. Опричнина находилась в непосредственном подчинении у царя, и на её содержание была выделена большая территория.

Конечно, земельные, финансовые и военные реформы Ивана Грозного были направлены на укрепление Русского централизованного государства. Спустя столетия можно толковать о том, что политически они обозначали прогрессивные шаги правления Ивана IV. Но те жестокие формы, которые приняла при Грозном политическая борьба со знатными боярами и с любым противодействием или предполагаемым противодействием, конечно, вызывают резкий протест. А. К. Толстой оживил несколько страниц этого страшного времени и показал, что и оно имело своих героев. На мрачном фоне ярче видны светлые судьбы, яркие характеры, достойные поступки.

Писатель смотрит на события истории глазами сочувствующего людям свидетеля. Его стремление утвердить благородство и чистоту поступков и помыслов, беспрекословная вера в возможность существования благородного человека в любую, даже самую мрачную эпоху, привлекают читателей.

Главы из романа

Глава 8. Пир

В огромной двусветной палате, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы в три ряда. В каждом ряду было по десяти столов, на каждом столе по двадцати приборов. Для царя, царевича и ближайших любимцев стояли

особые столы в конце палаты. Гостям были приготовлены длинные скамьи, покрытые парчою и бархатом; государю – высокие резные кресла, убранные жемчужными и алмазными кистями. Два льва заменяли ножки кресел, а спинку образовал двуглавый орёл с подъятыми крыльями, золочёный и раскрашенный. В середине палаты стоял огромный четвероугольный стол с поставом из дубовых досок. Крепки были толстые доски, крепки точёные столбы, на коих покоился стол; им надлежало поддерживать целую гору серебряной и золотой посуды. Тут были и тазы литые, которые четыре человека с трудом подняли бы за узорчатые ручки, и тяжёлые ковши, и кубки, усыпанные жемчугом, и блюда разных величин с чеканными узорами. Тут были и чары сердоликовые, и кружки из строфокамиловых[5] яиц, и турьи рога, оправленные в золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки странного вида, представлявшие медведей, львов, петухов, павлинов, журавлей, единорогов и строфокамилов. И все эти тяжёлые блюда, суды, ковши, чары, черпала, звери и птицы громоздились кверху клинообразным зданием, которого конец упирался почти в самый потолок.

Чинно вошла в палату блестящая толпа царедворцев и разместилась по скамьям. На столах в это время, кроме солонок, перечниц и уксусниц, не было никакой посуды, а из яств стояли только блюда холодного мяса на постном масле, солёные огурцы, сливы и кислое молоко в деревянных чашах. Опричники не начинали обеда, ожидая государя.

Вскоре стольники попарно вошли в палату и стали у царских кресел; за стольниками шествовали дворецкий и кравчий.

Наконец загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошёл сам царь, Иван Васильевич.

Он был высок, строен и широкоплеч. Длинная парчовая одежда его, испещрённая узорами, была окаймлена вдоль разреза и вокруг подола жемчугом и дорогими каменьями. Драгоценное перстяное ожерелье[6] украшалось финифтевыми изображениями Спасителя, Богоматери, апостолов и пророков. Большой узорный крест висел у него на шее на золотой цепи. Высокие каблуки красных сафьянных сапогов были окованы серебряными скобами. Страшную перемену увидел в Иоанне Никита Романович. Правильное лицо всё ещё было прекрасно; но черты обозначались резче, орлиный нос стал как-то круче, глаза горели мрачным огнём, и на челе явились морщины, которых не было прежде. Всего более поразили князя редкие волосы в бороде и усах. Иоанну было от роду тридцать пять лет; но ему казалось далеко за сорок. Выражение лица его совершенно изменилось. Так

изменяется здание после пожара. Ещё стоят хоромы, но украшения упали, мрачные окна глядят зловещим взором, и в пустых покоях поселилось недоброе.

Со всем тем, когда Иоанн взирал милостиво, взгляд его ещё был привлекателен. Улыбка его очаровывала даже тех, которые хорошо его знали и гнушались его злодеяниями. С такою счастливою наружностью Иоанн соединял необыкновенный дар слова. Случалось, что люди добродетельные, слушая царя, убеждались в необходимости ужасных его мер и верили, пока он говорил, справедливости его казней.

С появлением Иоанна все встали и низко поклонились ему. Царь медленно прошёл между рядами столов до своего места, остановился и, окинув взором собрание, поклонился на все стороны; потом прочитал вслух длинную молитву, перекрестился, благословил трапезу и опустился в кресла. Все, кроме кравчего и шести стольников, последовали его примеру.

Множество слуг стали перед государем, поклонились ему в пояс и по два в ряд отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся сотни две жареных лебедей на золотых блюдах. Этим начался обед.

Серебряному пришлось сидеть недалеко от царского стола, вместе с земскими боярами, то есть с такими, которые не принадлежали к опричнине, но, по высокому сану своему, удостоились на этот раз обедать с государем. Некоторых из них Серебряный знал до отъезда своего в Литву. Он мог видеть с своего места и самого царя, и всех бывших за его столом. Грустно сделалось Никите Романовичу, когда он сравнил Иоанна, оставленного им пять лет тому назад, с Иоанном, сидящим ныне в кругу новых любимцев.

Никита Романович обратился с вопросом к своему соседу, одному из тех, с которыми он был знаком прежде.

– Кто этот отрок, что сидит по правую руку царя, такой бледный и пасмурный?

– Это царевич Иоанн Иоаннович, – отвечал боярин и, оглянувшись по сторонам, прибавил шёпотом:

– Помилуй нас, Господи! Не в деда он пошёл, а в батюшку, и не по младости исполнено его сердце свирепства; не будет нам утехи от его царствованья!

– А этот молодой черноглазый, в конце стола, с таким приветливым лицом? Черты его мне знакомы, но не припомню, где я его видел?

– Ты видел его, князь, пять лет тому, рындою[7] при дворе государя; только далеко ушёл он с тех пор и далеко уйдёт ещё; это Борис Фёдорович Годунов, любимый советник царский.

Видишь, – продолжал боярин, понижая голос, – видишь возле него этого широкоплечего, рыжего, что ни на кого не смотрит, а убирает себе лебедя, нахмуря брови? Знаешь ли, кто это? Это Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, по прозванию Малюта. Он и друг, и поплечник[8], и палач государев. Здесь же, в монастыре, он сделан, прости Господи, параклисиархом. Кажется, государь без него ни шагу; а скажи только слово Борис Фёдорыч, так выйдет не по Малютину, а по Борисову! А вон там, этот молоденький, словно красная девица, что царю наряжает вина, это Фёдор Алексеич Басманов.

– Этот? – спросил Серебряный, узнавая жёноподобного юношу, которого наружность поразила его на царском дворе, а неожиданная шутка чуть не стоила ему жизни.

– Он самый. Уж как царь-то любит его; кажется, жить без него не может; а случись дело какое, у кого совета спросят? Не у него, а у Бориса!

– Да, – сказал Серебряный, вглядываясь в Годунова, – теперь припоминаю его. Не ездил ли он у царского саадака[9]?

– Так, князь. Он точно был у саадака. Кажется, должность незнатная, как тут показать себя? Только случилось раз, затеяли на охоте из лука стрелять. А был тут ханский посол Девлет-Мурза. Тот, что ни пустит стрелу, так и всадит её в татарскую шляпу, что поставили на шесте, ступней во сто от царской ставки. Дело-то было уж после обеда, и много ковшей уже прошло кругом стола. Вот встал Иван Васильевич, да и говорит: «Подайте мне мой лук, и я не хуже татарина попаду!» А татарин-то обрадовался: «Попади, бачка-царь! – говорит, – моя пошла тысяча лошадей табун, а твоя что пошла?» – то есть, по-нашему, во что ставишь заклад свой? «Идёт город Рязань!» – сказал царь и повторил: «Подайте мой лук!» Бросился Борис к коновязи, где стоял конь с саадаком, вскочил в седло, только видим мы, бьётся под ним конь, вздымается на дыбы, да вдруг как пустится, закусив удила, так и пропал с Борисом. Через четверть часа вернулся Борис, и колчан и налучье изорваны, лук пополам, стрелы все рассыпались, сам Борис с разбитой головой. Соскочил с коня, да и в ноги царю: «Виноват, государь, не смог коня удержать, не соблюл твоего саадака!» А у царя, вишь, меж тем хмель-то уж выходить начал. «Ну, говорит, не быть же боле тебе, неучу, при моём саадаке, а из чужого лука стрелять не стану!» С этого дня пошёл Борис в гору, да посмотри, князь, куда уйдёт ещё! И что это за человек, – продолжал боярин, глядя на Годунова, – никогда не суётся вперёд, а всегда тут; никогда не прямит, не перечит царю, идёт себе окольным путём, ни в какое кровавое дело не замешан, ни к чьей казни не причастен. Кругом его кровь так и

хлещет, а он себе и чист и бел как младенец, даже и в опричнину не вписан. Вон тот, – продолжал он, указывая на человека с недоброю улыбкой, – то Алексей Басманов, отец Фёдора, а там, подале, Василий Грязной…

Серебряный слушал с любопытством и с горестью.

– Скажи, боярин, – спросил он, – кто этот высокий кудрявый, лет тридцати, с чёрными глазами? Вот уж он четвёртый кубок осушил, один за другим, да ещё какие кубки! Здоров он пить, нечего сказать, только вино ему будто не на радость. Смотри, как он нахмурился, а глаза-то горят словно молонья. Да что он, с ума сошёл? Смотри, как скатерть ножом порет!

– Этого-то, князь, ты, кажись бы, должен знать; этот был из наших. Правда, переменился он с тех пор, как, всему боярству на срам, в опричники пошёл! Это князь Афанасий Иваныч Вяземский. Он будет всех их удалее, только не вынести ему головы! Как прикачнулась к его сердцу зазнобушка, сделался он сам не свой. И не видит ничего, и не слышит, и один с собою разговаривает, словно помешанный, а при царе держит такие речи, что индо страшно. Но до сих пор ему всё с рук сходило; жалеет его государь. А говорят, он по любви и в опричники-то вписался.

И боярин нагнулся к Серебряному, желая, вероятно, рассказать ему подробнее про Вяземского, но в это время подошёл к ним стольник и сказал, ставя перед Серебряным блюдо жаркого:

– Никита-ста! Великий государь жалует тебя блюдом с своего стола.

Князь встал и, следуя обычаю, низко поклонился царю.

Тогда все, бывшие за одним столом с князем, также встали и поклонились Серебряному, в знак поздравления с царскою милостью. Серебряный должен был каждого отблагодарить особым поклоном.

Между тем стольник возвратился к царю и сказал ему, кланяясь в пояс:

– Великий государь! Никита-ста принял блюдо, челом бьёт!

Когда съели лебедей, слуги вышли попарно из палаты и возвратились с тремя сотнями жареных павлинов, которых распущенные хвосты качались над каждым блюдом, в виде опахала. За павлинами следовали кулебяки, курники, пироги с мясом и с сыром, блины всех возможных родов, кривые пирожки и оладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки с мёдами: вишнёвым, можжевеловым и черемховым. Другие подавали разные иностранные вина: романею, рейнское и мушкатель. Особые стольники ходили взад и вперёд между

рядами, чтобы смотреть и всказывать в столы.

Напротив Серебряного сидел один старый боярин, на которого царь, как поговаривали, держал гнев. Боярин предвидел себе беду, но не знал какую и ожидал спокойно своей участи. К удивлению всех, кравчий Фёдор Басманов из своих рук поднёс ему чашу вина.

– Василий-су! – сказал Басманов, – великий государь жалует тебя чашею!

Старик встал, поклонился Иоанну и выпил вино, а Басманов, возвратясь к царю, донёс ему:

– Василий-су выпил чашу, челом бьёт!

Все встали и поклонились старику; ожидали себе и его поклона, но боярин стоял неподвижно. Дыхание его спёрлось, он дрожал всем телом. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинело, и он грянулся оземь.

– Боярин пьян, – сказал Иван Васильевич, – вынести его вон! – Шёпот пробежал по собранию, а земские бояре переглянулись и потупили очи в свои тарелки, не смея вымолвить ни слова.

Серебряный содрогнулся. Ещё недавно не верил он рассказам о жестокости Иоанна, теперь же сам сделался свидетелем его ужасной мести.

«Уж не ожидает ли и меня такая же участь?» – подумал он. Между тем старика вынесли, и обед продолжался, как будто ничего не случилось. Гусли звучали, колокола гудели, царедворцы громко разговаривали и смеялись. Слуги, бывшие в бархатной одежде, явились теперь все в парчовых доломанах. Эта перемена платья составляла одну из роскошей царских обедов. На столы поставили сперва разные студени; потом журавлей с пряным зельем, рассольных петухов с инбирём, бескостных куриц и уток с огурцами. Потом принесли разные похлёбки и трёх родов уху: курячью белую, курячью чёрную и курячью шафранную. За ухою подали рябчиков со сливами, гусей со пшеном и тетерек с шафраном.

Тут наступил прогул, в продолжение которого разносили гостям мёды, смородинный, княжий и боярский, а из вин: аликант, бастр и малвазию.

Разговоры становились громче, хохот раздавался чаще, головы кружились. Серебряный, всматриваясь в лица опричников, увидел за отдалённым столом молодого человека, который несколько часов перед тем спас его от медведя. Князь спросил об нём у соседей, но никто из земских не знал его. Молодой опричник, облокотясь на стол и опустив голову на руки, сидел в задумчивости и не участвовал в общем веселье. Князь хотел было обратиться с вопросом к проходившему слуге, но вдруг услышал

за собой:

– Никита-ста! Великий государь жалует тебя чашею!

Серебряный вздрогнул. За ним стоял, с наглою усмешкой, Фёдор Басманов и подавал ему чашу.

Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушил чашу до капли. Все на него смотрели с любопытством, он сам ожидал неминуемой смерти и удивился, что не чувствует действий отравы. Вместо дрожи и холода благотворная теплота пробежала по его жилам и разогнала на лице его невольную бледность. Напиток, присланный царём, был старый и чистый бастр. Серебряному стало ясно, что царь или отпустил вину его, или не знает ещё об обиде опричнины.

Уже более четырёх часов продолжалось веселье, а стол был только во полустоле. Отличился в этот день царские повара. Никогда так не удавались им лимонный кальп, верчёные почки и караси с бараниной. Особенное удивление возбуждали исполинские рыбы, пойманные в Студёном море и присланные в Слободу из Соловецкого монастыря. Их привезли живых, в огромных бочках; путешествие продолжалось несколько недель. Рыбы эти едва умещались на серебряных и золотых тазах, которые вносили в столовую несколько человек разом. Затейливое искусство поваров выказалось тут в полном блеске. Осётры и шевриги были так надрезаны, так посажены на блюда, что походили на петухов с простёртыми крыльями, на крылатых змиев с разверстыми пастями. Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночною подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном. Но вот, по знаку стольников, убрали со столов соль, перец и уксус и сняли все мясные и рыбные яства. Слуги вышли по два в ряд и возвратились в новом убранстве. Они заменили парчовые доломаны летними кунтушами из белого аксамита с серебряным шитьём и собольею опушкой. Эта одежда была ещё красивее и богаче двух первых. Убранные таким образом, они внесли в палату сахарный кремль, в пять пудов весу, и поставили его на царский стол. Кремль этот был вылит очень искусно. Зубчатые стены и башни, и даже пешие и конные люди, были тщательно отделаны. Подобные кремли, но только поменьше, пуда в три, не более, украсили другие столы. Вслед за кремлями внесли около сотни золочёных и крашеных деревьев, на которых вместо плодов висели пряники, коврижки и сладкие пирожки. В то же время явились на столах львы, орлы и всякие птицы, литые из сахара. Между городами и птицами возвышались груды яблоков, ягод и волошских орехов. Но плодов никто уже не трогал, все были сыты. Иные допивали кубки романеи, более из

приличия, чем от жажды, другие дремали, облокотясь на стол; многие лежали под лавками, все без исключения распоясались и расстегнули кафтаны. Нрав каждого обрисовался яснее.

Царь почти вовсе не ел. В продолжение стола он много рассуждал, шутил и милостиво говорил с своими окольными. Лицо его не изменилось в конце обеда. То же можно было сказать и о Годунове. Борис Фёдорович, казалось, не отказывался ни от лакомого блюда, ни от братины крепкого вина; он был весел, занимал царя и любимцев его умным разговором, но ни разу не забывался. Черты Бориса являли теперь, как и в начале обеда, смесь проницательности, обдуманного смирения и уверенности в самом себе. Окинув быстрым взором толпу пьяных и сонных царедворцев, молодой Годунов неприметно улыбнулся, и презрение мелькнуло на лице его.

Царевич Иоанн пил много, ел мало, молчал, слушал и вдруг перебивал говорящего нескромною или обидною шуткой. Более всех доставалось от него Малюте Скуратову, хотя Григорий Лукьянович не похож был на человека, способного сносить насмешки. Наружность его вселяла ужас в самых неробких. Лоб его был низок и сжат, волосы начинались почти над бровями; скулы и челюсти, напротив, были несоразмерно развиты, череп, спереди узкий, переходил без всякой постепенности в какой-то широкий котёл к затылку, а за ушами были такие выпуклости, что уши казались впалыми. Глаза неопределённого цвета не смотрели ни на кого прямо, но страшно делалось тому, кто нечаянно встречал их тусклый взгляд. Казалось, никакое великодушное чувство, никакая мысль, выходящая из круга животных побуждений, не могла проникнуть в этот узкий мозг, покрытый толстым черепом и густою щетиной. В выражении этого лица было что-то неумолимое и безнадёжное. Глядя на Малюту, чувствовалось, что всякое старание отыскать в нём человеческую сторону было бы напрасно. И подлинно, он нравственно уединил себя от всех людей, жил посреди их особняком, отказался от всякой дружбы, от всяких приязненных отношений, перестал быть человеком и сделал из себя царскую собаку, готовую растерзать без разбора всякого, на кого Иоанну ни вздумалось бы натравить её.

Единственною светлою стороной Малюты казалась горячая любовь его к сыну, молодому Максиму Скуратову; но то была любовь дикого зверя, любовь бессознательная, хотя и доходившая до самоотвержения. Её усугубляло любочестие Малюты. Происходя сам от низкого сословия, будучи человеком *худородным,* он мучился завистью при виде блеска и знатности и хотел, по крайней мере, возвысить своё потомство, начиная с

сына своего. Мысль, что Максим, которого он любил тем сильнее, что не знал другой родственной привязанности, будет всегда стоять в глазах народа ниже тех гордых бояр, которых он, Малюта, казнил десятками, приводила его в бешенство. Он старался золотом достичь почестей, недоступных ему по рождению, и с сугубым удовольствием предавался убийствам: он мстил ненавистным боярам, обогащался их добычею и, возвышаясь в милости царской, думал возвысить и возлюбленного сына. Но независимо от этих расчётов кровь была для него потребностью и наслаждением. Много душегубств совершил он своими руками, и летописи рассказывают, что иногда, после казней, он собственноручно рассекал мёртвые тела топором и бросал их псам на съедение. Чтобы довершить очерк этого лица, надобно прибавить, что, несмотря на свою умственную ограниченность, он, подобно хищному зверю, был в высшей степени хитёр, в боях отличался отчаянным мужеством, в сношениях с другими был мнителен, как всякий раб, попавший в незаслуженную честь, и что никто не умел так помнить обиды, как Малюта Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский.

Таков был человек, над которым столь неосторожно издевался царевич.

Особенный случай подал Иоанну Иоанновичу повод к насмешкам. Малюта, мучимый завистью и любочестием, издавна домогался боярства; но царь, уважавший иногда обычаи, не хотел унизить верховный русский сан в лице своего худородного любимца и оставлял происки его без внимания. Скуратов решился напомнить о себе Иоанну. В этот самый день, при выходе царя из опочивальни, он бил ему челом, исчислил все свои заслуги и в награждение просил боярской шапки. Иоанн выслушал его терпеливо, засмеялся и назвал собакой. Теперь, за столом, царевич напоминал Малюте о неудачной его челобитне. Не напомнил бы о ней царевич, если бы знал короче Григорья Лукьяновича!

Малюта молчал и становился бледнее. Царь с неудовольствием замечал неприязненные отношения между Малютой и сыном. Чтобы переменить разговор, он обратился к Вяземскому.

– Афанасий, – сказал он полуласково, полунасмешливо, – долго ли тебе кручиниться! Не узнаю моего доброго опричника! Иль вконец заела тебя любовь – змея лютая?

– Вяземский не опричник – заметил царевич. – Он вздыхает, как красная девица. Ты б, государь-батюшка, велел надеть на него сарафан да обрить ему бороду, как Федьке Басманову, или приказал бы ему петь с гуслярами. Гусли-то ему, я чай, будут

сподручнее сабли!

– Царевич! – вскричал Вяземский, – если бы тебе было годков пять поболе да не был бы ты сынок государев, я бы за бесчестие позвал тебя к Москве на Троицкую площадь, мы померялись бы с тобой, и сам Бог рассудил бы, кому владеть саблей, кому на гуслях играть!

– Афонька! – сказал строго царь. – Не забывай, перед кем речь ведёшь!

– Что ж, батюшка, господин Иван Васильевич, – отвечал дерзко Вяземский, – коли повинен я перед тобой, вели мне голову рубить, а царевичу не дам порочить себя.

– Нет, – сказал, смягчаясь, Иван Васильевич, который за молодечество прощал Вяземскому его выходки, – рано Афоне голову рубить! Пусть ещё послужит на царской службе. Я тебе, Афоня, лучше сказку скажу, что рассказывал мне прошлого ночью слепой Филька: «В славном Ростове, в красном городе, проживал добрый молодец, Алёша Попович. Полюбилась ему пуще жизни молодая княгиня, имени не припомню. Только была она, княгиня, замужем за старым Тугарином Змиевичем, и как ни бился Алёша Попович, всё только отказы от неё получал. „Не люблю-де тебя, добрый молодец; люблю одного мужа мово, милого, старого Змиевича“. – „Добро, – сказал Алёша, – полюбишь же ты и меня, белая лебёдушка!“ Взял двенадцать слуг своих добрыих, вломился в терем Змиевича и увёз его молоду жену. „Исполать тебе, добрый молодец, – сказала жена, – что умел меня любить, умел и мечом добыть; и за то я тебя люблю пуще жизни, пуще свету, пуще старого поганого мужа мово Змиевича!“» А что, Афоня, – прибавил царь, пристально смотря на Вяземского, – как покажется тебе сказка слепого Фильки?

Жадно слушал Вяземский слова Ивана Васильевича. Запали они в душу его, словно искры в снопы овинные, загорелась страсть в груди его, запылали очи пожаром.

– Афанасий, – продолжал царь, – я этими днями еду молиться в Суздаль, а ты ступай на Москву к боярину Дружине Морозову, спроси его о здоровье, скажи, что я-де прислал тебя снять с него мою опалу… Да возьми, – прибавил он значительно, – возьми с собой, для почёту, поболе опричников!

Серебряный видел с своего места, как Вяземский изменился в лице и как дикая радость мелькнула на чертах его, но не слыхал он, о чём шла речь между князем и Иваном Васильевичем.

Кабы догадался Никита Романович, чему радуется Вяземский, забыл бы он близость государеву, сорвал бы со стены саблю острую и рассёк бы Вяземскому буйную голову. Погубил бы Никита Романович и свою головушку, но спасли его на этот раз

гусли звонкие, колокола дворцовые и говор опричников. Не узнал он, чему радуется Вяземский.

Наконец Иоанн встал. Все царедворцы зашумели, как пчёлы, потревоженные в улье. Кто только мог, поднялся на ноги, и все поочерёдно стали подходить к царю, получать от него сушёные сливы, которыми он наделял братию из собственных рук.

В это время сквозь толпу пробрался опричник, не бывший в числе пировавших, и стал шептать что-то на ухо Малюте Скуратову. Малюта вспыхнул, и ярость изобразилась на лице его. Она не скрылась от зоркого глаза царя. Иоанн потребовал объяснения.

– Государь! – вскричал Малюта, – дело неслыханное! Измена, бунт на твою царскую милость!

При слове «измена» царь побледнел и глаза его засверкали.

– Государь, – продолжал Малюта, – намедни послал я круг Москвы объезд, для того, государь, так ли московские люди соблюдают твой царский указ? Как вдруг неведомый боярин с холопями напал на объезжих людей. Многих убили до смерти, и больно изувечили моего стремянного. Он сам здесь, стоит за дверьми, жестоко избитый! Прикажешь призвать?

Иоанн окинул взором опричников и на всех лицах прочёл гнев и негодованье. Тогда черты его приняли выражение какого-то странного удовольствия, и он сказал спокойным голосом:

– Позвать!

Вскоре расступилась толпа, и в палату вошёл Матвей Хомяк с повязанною головой. <…>

Вопросы и задания

▸1. А. К. Толстой утверждал, что точно воспроизводит быт и внешние приметы прошлого. Попробуйте охарактеризовать и оценить восьмичасовой пир Ивана Грозного на семьсот человек. Составьте план рассказа о царском пиршестве.

2. Каким изображает Толстой царя Иоанна IV? На чём акцентирует внимание читателей?

▸▸▸1. Расскажите о царском окружении, опираясь на текст главы.

2. Напишите миниатюру от лица князя Серебряного «Месть Иоанна».

3. Зачем царь рассказывал сказку слепого Фильки князю Вяземскому? Какую роль она сыграла в развитии сюжета?

Глава 14. Оплеуха

В то самое время, как Малюта и Хомяк, сопровождаемые отрядом опричников, везли незнакомца к Поганой Луже, Серебряный сидел в дружеской беседе с Годуновым за столом, уставленным кубками.

– Скажи, Борис Фёдорыч, – говорил Серебряный, – что сталось с царём сею ночью? С чего поднялась вся Слобода на полунощницу? Аль то у вас часто бывает?

Годунов пожал плечами.

– Великий государь наш, – сказал он, – часто жалеет и плачет о своих злодеях и часто молится за их души. А что он созвал нас на молитву ночью, тому дивиться нечего. Сам Василий Великий во втором послании к Григорию Назианзину говорит: что другим утро, то трудящимся в благочестии полунощь. Среди ночной тишины, когда ни очи, ни уши не допускают в сердце вредительного, пристойно уму человеческому пребывать с Богом!

– Борис Фёдорыч! Случалось мне видеть и прежде, как царь молился; оно было не так. Всё теперь стало иначе. И опричнины я в толк не возьму. Это не монахи, а разбойники. Немного дней, как я на Москву вернулся, а столько неистовых дел наслышался и насмотрелся, что и поверить трудно. Должно быть, обошли государя. Вот ты, Борис Фёдорыч, близок к нему, он любит тебя, что б тебе сказать ему про опричнину?

Годунов улыбнулся простоте Серебряного.

– Царь милостив ко всем, – сказал он с притворным смирением, – и меня жалует не по заслугам. Не мне судить о делах государских, не мне царю указывать. А опричнину понять нетрудно: вся земля государева, все мы под его высокою рукою; что возьмёт государь на свой обиход, то и его, а что нам оставит, то наше; кому велит быть около себя, те к нему близко, а кому не велит, те далеко. Вот и вся опричнина.

– Так, Борис Фёдорыч, когда ты говоришь, оно выходит гладко, а на деле не то. Опричники губят и насилуют земщину хуже татар. Нет на них никакого суда. Вся земля от них гибнет! Ты бы сказал царю. Он бы тебе поверил!

– Князь Никита Романыч, много есть зла на свете. Не потому люди губят людей, что одни опричники, другие земские, а потому, что и те и другие люди! Положим, я бы сказал царю; что ж из того выйдет? Все на меня подымутся, и сам царь на меня ж опалится!..

– Что ж? Пусть опалится, а ты сделал по совести, сказал ему правду!

– Никита Романыч! Правду сказать недолго, да говорить-то надо умеючи. Кабы стал я перечить царю, давно бы меня здесь не было, а не было б меня здесь, кто б тебя вчера от плахи спас?

– Что дело, то дело, Борис Фёдорыч, дай Бог тебе здоровья, пропал бы я без тебя!

Годунов подумал, что убедил князя.

– Видишь ли, Никита Романыч, – продолжал он, – хорошо стоять за правду, да один в поле не воевода. Что б ты сделал, кабы, примерно, сорок воров стали при тебе резать безвинного?

– Что б сделал? А хватил бы саблею по всем по сорока и стал бы крошить их, доколе б души Богу не отдал!

Годунов посмотрел на него с удивлением.

– И отдал бы душу, Никита Романыч, – сказал он, – на пятом, много на десятом воре; а достальные всё-таки б зарезали безвинного. Нет; лучше не трогать их, князь; а как станут они обдирать убитого, тогда крикнуть, что Стёпка-де взял на себя более Мишки, так они и сами друг друга перережут!

Серебряному был такой ответ не по сердцу. Годунов заметил это и переменил разговор.

– Вишь, – сказал он, глядя в окно, – кто это сюда скачет, сломя шею? Смотри, князь, никак, твой стремянный?

– Вряд ли! – отвечал Серебряный, – он отпросился у меня сегодня вёрст за двадцать на богомолье…

Но, вглядевшись пристальнее во всадника, князь в самом деле узнал Михеича. Старик был бледен как смерть. Седла под ним не было; казалось, он вскочил на первого коня, попавшегося под руку, а теперь, вопреки приличию, влетел на двор, под самые красные окна.

– Батюшка Никита Романыч! – кричал он ещё издали, – ты пьёшь, ешь, прохлаждаешься, а кручинушки-то не ведаешь? Сейчас встрел я, вон за церквой, Малюту Скуратова да Хомяка; оба верхом, а промеж них, руки связаны, кто бы ты думал? Сам царевич! сам царевич, князь! Надели они на него чёрный башлык, проклятые, только ветром-то сдуло башлык, я и узнал царевича! Посмотрел он на меня, словно помощи просит, а Малюта, тётка его подкурятина, подскочил, да опять и нахлобучил ему башлык на лицо!

Серебряный вспрянул с места.

– Слышишь, слышишь, Борис Фёдорыч! – вскричал он, сверкая глазами. – Али ждать ещё, чтоб воры перессорились меж собой! – И он бросился с крыльца.

– Давай коня! – крикнул он, вырывая узду из рук Михеича.

– Да это, – сказал Михеич, – конь-то не по тебе, батюшка, это конь плохой, да и седла-то на нём нетути… да и как же тебе на таком коне к царю ехать?..

Но князь уже вскочил и полетел не к царю, а в погоню за Малютой…

Есть старинная песня, может быть, современная Иоанну, которая описывает по-своему приводимое здесь событие:

Когда зачиналась каменна Москва,
Зачинался царь Иван, государь Васильевич.
Как ходил он под Казань-город,
Под Казань-город, под Астрахань;
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею;
Выводил измену из Пскова,
Из Пскова и из Новгорода.
Как бы вывесть измену из каменной Москвы!
Что возговорит Малюта, злодей Скурлатович:
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывесть тебе изменушки довеку!
Сидит супротивник супротив тебя,
Ест с тобой с одного блюда,
Пьёт с тобой с одного ковша,
Платье носит с одного плеча!»
И тут царь догадается.
На царевича осержается.
«Ах вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича под белы руки,
Надевайте на него платье чёрное,
Поведите его на то болото жидкое,
На тое ли Лужу Поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Все бояре разбежалися,
Один остался Малюта-злодей,
Он брал царевича за белы руки,
Надевал на него платье чёрное,
Повёл на болото жидкое.
Что на ту ли Лужу Поганую.
Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу:
«Гой еси, батюшка, Никита Романыч!
Ты пьёшь, ешь, прохлаждаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь!
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого.
Не становится млада царевича!»
Никита Романыч испугается,
Садится на лошадь водовозную,

Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую.
Он ударил Малюту по щеке:
«Ты, Малюта, Малюта Скурлатович!
Не за свой ты кус принимаешься,
Ты этим кусом подавишься!..»

Песня эта, может быть и несходная с действительными событиями, согласна, однако, с духом того века. Не полно и не ясно доходили до народа известия о том, что случалось при царском дворе или в кругу царских приближённых, но в то время, когда сословия ещё не были разъединены нравами и не жили врозь одно другого, известия эти, даже искажённые, не выходили из границ правдоподобия и носили на себе печать общей жизни и общих понятий.

Таков ли ты был, князь Никита Романович, каким воображаю тебя, – про то знают лишь стены кремлёвские да древние дубы подмосковные! Но таким ты предстал мне в час тихого мечтания, в вечерний час, когда поля покрывались мраком, вдали замирал шум хлопотливого дня, а вблизи всё было безмолвно, и лишь ветер шелестил в листьях, и лишь жук вечерний пролетал мимо. И грустно и больно сказывалась во мне любовь к родине, и ясно выступала из тумана наша горестная и славная старина, как будто взамен зрения, заграждаемого темнотою, открывалось во мне внутреннее око, которому столетия не составляли преграды. Таким предстал ты мне, Никита Романович, и ясно увидел я тебя, летящего на коне в погоню за Малютой, и перенёсся я в твоё страшное время, где не было ничего невозможного!

Забыл Серебряный, что он без сабли и пистолей, и не было ему нужды, что конь под ним стар. А был то добрый конь в своё время; прослужил он лет двадцать и на войне и в походах; только не выслужил себе покою на старости; выслужил упряжь водовозную, сено гнилое да удары палочные!

Теперь почуял он на себе седока могучего и вспомнил о прежних днях, когда носил богатырей, и грозные сечи, и кормили его отборным зерном, и поили медвяною сытой. И раздул он красные ноздри, и вытянул шею, и летит в погоню за Малютой Скуратовым.

Скачет Малюта во дремучем лесу с своими опричниками. Он торопит их к Поганой Луже, поправляет башлык на царевиче, чтоб не узнали опричники, кого везут на смерть. Кабы узнали они, отступились бы от Малюты, схоронились бы больший за меньшего. Но думают опричники, что скачет простой человек меж

Хомяка и Малюты, и только дивятся, что везут его казнить так далеко.

Торопит Малюта опричников, серчает на коней, бьёт их плетью по крутым бёдрам.

– Ах вы волчья сыть, травяные мешки! Не одумался б царь, не послал бы за нами погони!

Скачет злодей Малюта во дремучем лесу, смотрят на него пташки, вытянув шейки, летят над ним чёрные вороны – уже близко Поганая Лужа!

– Эй, – говорит Малюта Хомяку, – никак, стучат за нами чужие подковы?

– Нет, – отвечает Хомяк, – то от наших коней топот в лесу раздаётся.

И пуще торопит Малюта опричников, и чаще бьёт коней по крутым бёдрам.

– Эй, – говорит он Хомяку, – никак, кто-то кричит за нами?

– Нет, – отвечает Хомяк, – то нашу молвь отголоски разносят.

И серчает Малюта на коней.

– Ах вы волчья сыть, травяные мешки! Ой, не было б за нами погони!

Вдруг слышит Малюта за собою:

– Стой, Григорий Лукьяныч!

Серебряный был у Скуратова за плечами. Не выдал его старый конь водовозный.

– Стой, Малюта! – повторил Серебряный и, нагнав Скуратова, ударил его в щёку рукою могучею.

Силён был удар Никиты Романовича. Раздалася пощёчина, словно выстрел пищальный; загудел сыр-бор, посыпались листья; бросились звери со всех ног в чащу; вылетели из дупел пучеглазые совы; а мужики, далеко оттоле дравшие лыки, посмотрели друг на друга и сказали, дивясь:

– Слышь, как треснуло! Уж не старый ли дуб надломился над Поганою Лужей?

Малюта свалился с седла. Бедный старый конь Никиты Романовича споткнулся, покатился и испустил дух.

– Малюта! – вскричал князь, вскочив на ноги, – не за свой ты кус принимаешься! Ты этим кусом подавишься!

И, вырвав из ножен саблю Малюты, он замахнулся разрубить ему череп.

Внезапно другая сабля свистнула над головою князя. Матвей Хомяк прилетел господину на помощь. Завязался бой меж Хомяком и Серебряным. Опричники напали с голыми саблями на князя, но деревья и лом защитили Никиту Романовича, не дали всем вдруг окружить его.

«Вот, – думал князь, отбивая удары, – придётся живот положить, не спася царевича! Кабы дал Бог хоть с полчаса подержаться, авось подоспела бы откуда-нибудь подмога!»

И лишь только он подумал, как пронзительный свист раздался в лесу; ему отвечали громкие окрики. Один опричник, уже занёсший саблю на князя, упал с раздробленною головой, а над трупом его явился Ванюха Перстень, махая окровавленным чеканом. В тот же миг разбойники, как стая волков, бросились на Малютиных слуг, и пошла между ними рукопашная. Хотел бы Малюта со своими дать дружный напуск на врагов, да негде было разогнаться, всё пришёл лес да валежник. Многие легли на месте; но другие скоро оправились. Крикнули: гой-да! и потоптали удалую вольницу. Сам Перстень, раненный в руку, уже слабее разил чеканом, как новый свист раздался в лесу.

– Стойте дружно, ребята! – закричал Перстень, – то дедушка Коршун идёт на прибавку!

И не успел он кончить речи, как Коршун с своим отрядом ударил на опричников, и зачался меж ними бой великий, свальный, самый красный.

Трудно было всадникам стоять в лесу против пеших. Кони вздымались на дыбы, падали навзничь, давили под собой седоков. Опричники отчаялись насмерть. Сабля Хомяка свистела, как вихорь, над головой его сверкала молния.

Вдруг среди общей свалки сделалось колебанье. Дюжий Митька буравил толпу и лез прямо на Хомяка, валяя без разбору и чужих и своих. Митька узнал похитителя невесты. Подняв обеими руками дубину, он грянул ею в своего недруга. Хомяк отшатнулся, удар пал в конскую голову, конь покатился мёртвый, дубина переломилась.

– Погоди! – сказал Митька, наваливаясь на Хомяка, – теперь не уйдёшь!

Кончилась битва. Не с кем было более драться, все опричники легли мёртвые, один Малюта спасся на лихом аргамаке.

Стали разбойники считать своих и многих недосчитались. Было и между ними довольно урону.

– Вот, – сказал Перстень, подходя к Серебряному и стирая пот с лица, – вот, боярин, где довелось свидеться!

Серебряный, с первым появлением разбойников, бросился к царевичу и отвёл его коня в сторону; царевич был привязан к седлу. Серебряный саблею разрезал верёвки, помог царевичу сойти и снял платок, которым рот его был завязан. Во всё время сечи князь от него не отходил и заслонял его собою.

– Царевич, – сказал он, видя, что станичники уже принялись грабить мёртвых и ловить разбежавшихся коней, – битва кончена,

все твои злодеи полегли, один Малюта ушёл, да я чаю, и ему несдобровать, когда царь велит сыскать его!

При имени царевича Перстень отступил назад.

– Как? – сказал он, – это сам царевич? Сын государев? Так вот за кого Бог привёл постоять! Так вот кого они, собаки, связамши везли!

И атаман повалился Иоанну Иоанновичу в ноги.

Весть о его присутствии быстро разнеслась меж разбойников. Все бросили выворачивать карманы убитых и пришли бить челом царевичу.

– Спасибо вам, добрые люди! – сказал он ласково, без обычного своего высокомерия, – кто б вы ни были, спасибо вам!

– Не на чем, государь! – отвечал Перстень. – Кабы знал я, что это тебя везут, я бы привёл с собою не сорок молодцов, а сотенки две; тогда не удрал бы от нас этот Скурлатыч; взяли б мы его живьём да при тебе бы вздёрнули. Впрочем, есть у нас, кажись, его стремянный; он же мне старый знакомый, а на безрыбье и рак рыба. Эй, молодец, у тебя он, что ли?

– У меня! – отвечал Митька, лёжа на животе и не выпуская из-под себя своей жертвы.

– Давай его сюда, небось не уйдёт! А вы, ребятушки, разложите-ка огоньку для допросу да приготовьте верёвку, аль, пожалуй, хоть чумбур отрежь.

Митька встал. Из-под него поднялся здоровый детина; но лишь только он обернулся лицом к разбойникам, все вскрикнули от удивления.

– Хлопко! – раздалося отовсюду, – да это Хлопко! это он Хлопка притиснул вместо опричника.

Митька смотрел, разиня рот.

Хлопко насилу дышал.

– Ишь, – проговорил наконец Митька, – так это я, должно быть, тебя придавил! Чаво ж ты молчал?

– Где ж мне было говорить, коли ты у меня на горле сидел, тюлень этакий! Тьфу!

– Да чаво ж ты подвернулся?

– Чаво! чаво! Как ты, медведь, треснул коня по лбу, так седок-то на меня и свалился, а ты, болван, вместо чтобы на него, да на меня и сел, да и давай душить сдуру, знай обрадовался!

– Ишь! – сказал Митька, – вот што! – и почесал затылок.

Разбойники захохотали. Сам царевич улыбнулся. Хомяка нигде не могли найти.

– Нечего делать, – сказал Перстень, – видно, не доспел ему час, а жаль, право! Ну, так и быть, даст Бог, в другой раз не свернётся! А теперь дозволь, государь, я тебя с ребятами до

дороги провожу. Совестно мне, государь! Не приходилось бы мне, худому человеку, и говорить с твоею милостью, да что ж делать, без меня тебе отселе не выбраться!

– Ну, ребята, – продолжал Перстень, – собирайтесь оберегать его царскую милость. Вот ты, боярин, – сказал он, обращаясь к Серебряному, – ты бы сел на этого коня, а я себе, пожалуй, вот этого возьму. Тебе, дядя Коршун, я чай, пешему будет сподручнее, а тебе, Митька, и подавно!

– Ништо! – сказал Митька, ухватясь за гриву одного коня, который от этого покачнулся на сторону, – и я сяду!

Он занёс ногу в стремя, но, не могши попасть в него, взвалился на коня животом, проехал так несколько саженей рысью и наконец уже взобрался на седло.

– Эхва! – закричал он, болтая ногами и подкидывая локти.

Вся толпа двинулась из лесу, окружая царевича.

Когда показалось наконец поле, а вдали запестрела крыша Александровой слободы, Перстень остановился.

– Государь, – сказал он, соскакивая с коня, – вот твоя дорога, вон и Слобода видна. Не пристало нам доле с твоею царскою милостью оставаться. К тому ж там пыль по дороге встаёт; должно быть, идут ратные люди. Прости, государь, не взыщи; поневоле Бог свёл!

– Погоди, молодец! – сказал царевич, который, по миновании опасности, начал возвращаться к своим прежним приёмам. – Погоди, молодец! Скажи-ка наперёд, какого ты боярского рода, что золочёный зипун носишь?

– Государь, – ответил скромно Перстень, – много нас здесь бояр без имени-прозвища, много князей без роду-племени. Носим что Бог послал!

– А знаешь ли, – продолжал строго царевич, – что таким князьям, как ты, высокие хоромы на площади ставят и что ты сам своего зипуна не стоишь? Не сослужи ты мне службы сегодня, я велел бы тем ратникам всех вас перехватать да к Слободе привести. Но ради сегодняшнего дела я твоё прежнее воровство на милость кладу и батюшке-царю за тебя слово замолвлю, коли ты ему повинную принесёшь!

– Спасибо на твоей ласке, государь, много тебе благодарствую; только не пришло ещё мне время нести царю повинную. Тяжелы мои грехи перед Богом, велики винности перед государем; вряд ли простит меня батюшка-царь, а хоча бы и простил, так не приходится бросать товарищей!

– Как? – сказал удивлённый царевич, – ты не хочешь оставить воровства своего, когда я сам тебе мой упрос обещаю? Видно, грабить-то по дорогам прибыльнее, чем честно жить?

Перстень погладил чёрную бороду и лукавою усмешкой выказал два ряда ровных и белых зубов, от которых загорелое лицо его показалось ещё смуглее.

– Государь! – сказал он, – на то щука в море, чтобы карась не дремал! Не привычен я ни к ратному строю, ни к торговому делу. Прости, государь; вон уж пыль сюда подвигается; пора назад; рыба ищет где поглубже, а наш брат – где место покрепче!

И Перстень исчез в кустах, уводя за собою коня. Разбойники один за другим пропали меж деревьев, а царевич сам-друг с Серебряным поехали к Слободе и вскоре встретились с отрядом конницы, которую вёл Борис Годунов.

Что делал царь во всё это время? Послушаем, что говорит песня и как она выражает народные понятия того века.

Что возговорит грозный царь:
«Ах вы гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте платье чёрное,
Собирайтеся ко заутрене,
Слушать по царевиче панихиду,
Я всех вас, бояре, в котле сварю!»
Все бояре испугалися,
Надевали платье чёрное,
Собиралися ко заутрене,
Слушать по царевиче панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился в платье цветное,
Привёл с собой млада царевича
И поставил за дверьми северны.
Что возговорит грозный царь:
«Ах ты гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ль ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого,
Не стало у меня млада царевича».
Что возговорит Никита Романович:
«Ах ты гой еси, надежда, православный царь!
Мы не станем по царевиче панихиду петь,
А станем мы петь молебен заздравный!»
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.
Что возговорит грозный царь:
«Ты, Никита, Никита Романович!
Ещё чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать?

Или золотой казны сколько надобно?»
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не сули мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай мне злодея Скурлатова:
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую!»
Что возговорит царь Иван Васильевич:
«Ещё вот тебе Малюта-злодей,
И делай с ним, что хочешь ты!»

Так гласит песня; но не так было на деле. Летописи показывают нам Малюту в чести у Ивана Васильевича ещё долго после 1565 года. Много любимцев в разные времена пали жертвою царских подозрений. Не стало ни Басмановых, ни Грязного, ни Вяземского, но Малюта ни разу не испытал опалы. Он, по предсказанию старой Онуфревны, не приял своей муки в этой жизни и умер честною смертию. В обиходе монастыря Св. Иосифа Волоцкого, где погребено его тело, сказано, что он убит на государском деле под Пайдою.

Как оправдался Малюта в клевете своей – мы не знаем.

Может быть, Иоанн, когда успокоилась встревоженная душа его, приписал поступок любимца обманутому усердию; может быть, не вполне отказался от подозрений на царевича. Как бы то ни было, Скуратов не только не потерял доверия царского, но с этой поры стал ещё драгоценнее Иоанну. Доселе одна Русь ненавидела Малюту, теперь стал ненавидеть его и самый царевич; Иоанн был отныне единственною опорой Малюты. Общая ненависть ручалась царю за его верность.

Намёк на Басманова также не прошёл даром. В Иоанновом сердце остался зародыш подозрения и хотя не тотчас пустил в нём корни, но значительно охладил расположение его к своему кравчему, ибо царь никогда не прощал тому, кого однажды опасался, хотя бы впоследствии и сам признал своё опасение напрасным. <…>

Вопросы и задания

1. Как рисуется схватка опричников и «станичников» у Поганой Лужи? Чем она окончилась?

2. Как удалось спасти царевича? Чем он ответил своим спасителям?

1. Передайте смысл спора Бориса Годунова и князя

Серебряного. На чьей вы стороне? Попробуйте добавить свои аргументы к этому спору.

2. Прочитайте, как спасение царевича описано в народной песне. Что изменил в своём повествовании автор?

3. Прочитайте размышления автора, которые следуют за текстом народной песни. Помогают ли они вам оценить героя романа?

4. Найдите в тексте отрывок, в котором говорится о пощёчине, которую дал князь Малюте. Какой художественный приём главенствует в этом описании?

Глава 31. Божий суд

В отсутствие Вяземского Малюте было поручено важное дело. Царь приказал ему захватить ближайших слуг князя Афанасья Ивановича и пытать их на́крепко, ездил ли господин их на мельницу колдовать, и сколько раз он был на мельнице, и что именно замышляет противу его, государского, здравия?

Бо́льшая часть слуг не созналась ни в чём, но некоторые не выдержали пытки и показали всё то, что Малюта вложил им в уста. Показали они, что князь ездил на мельницу с тем, чтоб испортить государя, что он вымал царские следы и жёг их на огне; а некоторые показали даже, что Вяземский мыслит ко князю Владимиру Андреевичу и хочет посадить его на царский престол. Сколь ни были нелепы эти показания, они тщательно записывались дьяками со слов истязаемых и прочитывались царю. Верил ли им Иван Васильевич или нет – Бог весть! Но он строго приказал Малюте, по возвращении Вяземского, скрыть от него причину, по которой захвачены его слуги, а сказать, что взяты-де они по подозрению в воровстве из царских кладовых.

В показаниях их, однако, было много противоречий, и Иоанн послал за Басмановым, чтобы заставить его повторить всё, что он, по доносу своему, слышал от холопей Вяземского.

Басманова не нашли в Слободе. Он накануне уехал к Москве, и царь опалился, что осмелился он отлучиться вопреки его приказанию. Малюта воспользовался этим, чтобы взвести подозрение на самого Басманова.

– Кто знает, государь, – сказал Скуратов, – зачем он ослушался твоей милости? Быть может, он заодно с Вяземским и только для виду донёс на него, чтобы вернее погубить тебя!

Царь велел Малюте пока молчать обо всём и, когда воротится Басманов, не показывать ему вида, что его отсутствие было замечено.

Между тем настал день, назначенный для судного поединка. Ещё до восхода солнца народ столпился на Красной площади; все окна были заняты зрителями, все крыши ими усыпаны. Весть о предстоящем бое давно разнеслась по окрестностям. Знаменитые имена сторон привлекли толпы из разных сёл и городов, и даже от самой Москвы приехали люди всех сословий посмотреть, кому Господь дарует одоление в этом деле.

– Ну-ка, брат, – говорил один щёгольски одетый гусляр своему товарищу, дюжему молодому парню с добродушным, но глуповатым лицом, – ступай вперёд, авось тебе удастся продраться до цепи. Эх, народу, народу-то! Дайте пройти, православные, дайте и нам, владимирцам, на суд Божий посмотреть!

Но увещания его оставались безуспешны. Толпа была так густа, что и при добром желании не было бы возможности посторониться.

– Да ступай же, тюлень ты этакий! – повторил гусляр, толкая товарища в спину, – аль не сумеешь продраться?

– А для ча! – отвечал вялым голосом детина.

И, выставив вперёд дюжее плечо своё, он принялся раздвигать толпу, словно железным клином. Раздались крики и ругательства, но оба товарища подвигались вперёд, не обращая на них внимания.

– Правей, правей! – говорил старший, – чего стал влево забирать, дурень? Сверли туда, где копья торчат!

Место, на которое указывал гусляр, было приготовлено для самого царя. Оно состояло из дощатого помоста, покрытого червлёным сукном. На нём были поставлены царские кресла, а торчавшие там копья и рогатины принадлежали опричникам, окружавшим помост. Другие опричники стояли у цепи, протянутой вокруг *поля,* то есть просторного моста, приготовленного для конного или пешего боя, смотря по уговору бойцов. Они отгоняли народ бердышами и не давали ему напирать на́ цепь.

Подвигаясь вперёд шаг за шагом, гусляр и дюжий парень добрались наконец до самого поля.

– Куда лезете! – закричал один опричник, замахнувшись на них бердышом.

Парень разинул рот и в недоуменье обернулся на своего товарища, но тот снял обеими руками свой поярковый грешневик[10], обвитый золотою лентой с павлиным пером, и, кланяясь раз за разом в пояс, сказал опричнику:

– Дозвольте, господа честные, владимирским гуслярам суд Божий посмотреть! От самого от города Володимира пришли!

Дозвольте постоять, господа честные!

И лукаво заискивающею улыбкой он выказывал из-под чёрной бороды свои белые зубы.

– Ну, так и быть! – сказал опричник, – назад уж не пролезете; стойте здесь; только чур вперёд не подаваться, башку раскрою!

Внутри оцепленного места расхаживали поручники и стряпчие обеих сторон. Тут же стояли боярин и окольничий, приставленные к полю, и два дьяка, которым вместе с ними надлежало наблюдать за порядком боя. Один из дьяков держал развёрнутый судебник Владимира Гусева, изданный ещё при великом князе Иоанне Васильевиче III.

– «А досудятся до поля, – читал он, указывая пальцем на одно место в судебнике, – а у поля, не стояв, помирятся…» – как дьяка прервали восклицания толпы.

– Царь едет! Царь едет! – говорили все, волнуясь и снимая шапки.

Окружённый множеством опричников, Иван Васильевич подъехал верхом к месту поединка, слез с коня, взошёл по ступеням помоста и, поклонившись народу, опустился на кресла с видом человека, готовящегося смотреть на занимательное зрелище.

Позади и около него разместились стоя царедворцы.

В то же время на всех слободских церквах зазвонили колокола, и с двух противоположных концов въехали во внутренность цепи Вяземский и Морозов, оба в боевых нарядах. На Морозове был дощатый доспех, то есть стальные бахтерцы из наборных блях, наведённых через ряд серебром. На́ручи, рукавицы и поножи блестели серебряными разводами. Голову покрывал высокий шишак с серебром и чернью, а из-под венца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укреплённая круглыми серебряными бляхами. У бедра его висел на узорном поясе, застёгнутом крюком, широкий прямой тесак, которого крыж, ножновые обоймицы и наконечник были также серебряные. К правой стороне седла привешен был концом вниз золочёный шестопёр, оружие и знак достоинства, в былые годы неразлучный с боярином в его славных битвах, но ныне, по тяжести своей, вряд ли кому по руке.

Под Морозовым был грудастый чёрно-пегий конь с подпалинами. Его покрывал бархатный малиновый чалдар, весь в серебряных бляхах. От кованого налобника падали по сторонам малиновые шёлковые морхи, или кисти, перевитые серебряными нитками, а из-под шеи до самой груди висела такая же кисть, больше и гуще первых, называвшаяся наузом. Узда и поводья состояли из серебряных цепей с плоскими вырезными звеньями

неравной величины.

Мерно шёл конь, подымая косматые ноги в серебряных наколенниках, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевич остановил его саженях в пяти от своего противника, он стал трясти густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и нетерпеливо рыть песок сильным копытом, выказывая при каждом ударе блестящие шипы широкой подковы. Казалось, тяжёлый конь был подобран под стать дородного всадника, и даже белый цвет его гривы согласовался с седою бородой боярина.

Вооружение Вяземского было гораздо легче. Ещё страдая от недавних ран, он не захотел надеть ни зерцала, ни бахтерцов, хотя они и считались самою надёжною бронёй, но предпочёл им лёгкую кольчугу. Её ожерелье, подол и зарукавья горели дорогими каменьями. Вместо шишака на князе была ерихонка, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок, густо усыпанных во всю длину их яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвесно железная золочёная стрела, предохранявшая лицо от поперечных ударов; но Вяземский, из удальства, не спустил стрелы, а, напротив, поднял её посредством щурепца до высоты яхонтового снопа, так что бледное лицо его и тёмная борода оставались совершенно открыты, а стрела походила на золотое перо, щёгольски воткнутое в полку ерихонки. На поясе, плотно стянутом пряжкой поверх кольчуги и украшенном разными привесками, звенцами и бряцальцами, висела кривая сабля, вся в дорогих каменьях, та самая, которую заговорил мельник и на которую теперь твёрдо надеялся Вяземский. У бархатного седла фиолетового цвета с горощатыми серебряными гвоздями и с такими же кованными скобами прикреплён был булатный топорок с фиолетовым бархатным черенком в золотых поясках. Из-под нарядного подола кольчуги виднелась белая шёлковая рубаха с золотым шитьём, падавшая на зарбасные штаны жаркого цвета, всунутые в зелёные сафьянные сапоги, которых узорные голенищи, не покрытые поножами, натянуты были до колен и перехватывались под сгибом и у щиколоток жемчужного тесьмою.

Конь Афанасья Ивановича, золотисто-буланый аргамак, был весь увешан, от головы до хвоста, гремячими цепями из дутых серебряных бубенчиков. Вместо чепрака или чалдара нардовая кожа покрывала его спину. На воронёном налобнике горели в золотых гнёздах крупные яхонты. Сухие чёрные ноги горского скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой из них, под бабкой, звенело по одному серебряному бубенчику.

Давно уже слышалось на площади звонкое ржание аргамака. Теперь, подняв голову, раздув огненные ноздри и держа чёрный хвост на отлёте, он сперва лёгкою поступью, едва касаясь земли, двинулся навстречу коню Морозова: но когда князь, не съезжаясь с противником, натянул гремучие поводья, аргамак прыгнул в сторону и перескочил бы через цепь, если бы седок ловким поворотом не заставил его вернуться на прежнее место. Тогда он взвился на дыбы и, крутясь на задних ногах, норовил опрокинуться навзничь, но князь нагнулся на луку, отпустил ему поводья и вонзил в бока его острые кизилбашские стремена. Аргамак сделал скачок и остановился как вкопанный. Ни один волос его чёрной гривы не двигался. Налитые кровью глаза косились по сторонам, и по золотистой шерсти разбегались надутые жилы узорною сеткой.

При появлении Вяземского, когда он въехал, гремя и блестя и словно обрызганный золотым и алмазным дождём, владимирский гусляр не мог удержаться от восторга; но удивление его относилось ещё более к коню, чем ко всаднику.

– Эх, конь! – говорил он, топая ногами и хватаясь в восхищении за голову, – экий конь! подумаешь. И не видывал такого коня! Ведь всякие перебывали, а небось такого Бог не послал! Что бы, – прибавил он про себя, – что бы было в ту пору этому седоку, как он есть, на Поганую Лужу выехать! Слышь ты, – продолжал он весело, толкая локтем товарища, – слышь ты, дурень, который конь тебе боле по́ сердцу?

– А тот! – отвечал парень, указывая пальцем на морозовского коня.

– Тот? А зачем же тот?

– А затем, что поплотняе! – ответил парень лениво.

Гусляр залился смехом, но в это время раздался голос бирючей:

– Православные люди! – кричали они в разные концы площади, – зачинается судный бой промеж оружничего царского, князь Афанасья Иваныча Вяземского и боярина Дружины Андреича Морозова. Тягаются они в бесчестии своём, в бою, и увечье, и в увозе боярыни Морозовой! Православные люди! Молитесь Пресвятой Троице, дабы даровала она одоление правой стороне!

Площадь затихла. Все зрители стали креститься, а боярин, приставленный ведать поединок, подошёл к царю и проговорил с низким поклоном:

– Прикажешь ли, государь, зачинаться полю?

– Зачинайте! – сказал Иоанн.

Боярин, окольничий, поручники, стряпчие и оба дьяка

отошли в сторону.

Боярин подал знак.

Противники вынули оружие.

По другому знаку надлежало им скакать друг на друга, но, к изумлению всех, Вяземский закачался на седле и выпустил из рук поводья. Он свалился бы на землю, если б поручник и стряпчий не подбежали и не помогли ему сойти с коня. Подоспевшие конюхи успели схватить аргамака под уздцы.

– Возьмите его! – сказал Вяземский, озираясь померкшими очами, – я буду биться пешой!

Видя, что князь сошёл с коня, Морозов также слез с своего чёрно-пегого и отдал его конюхам.

Стряпчий Морозова подал ему большой кожаный щит с медными бляхами, приготовленный на случай пешего боя.

Стряпчий Вяземского поднёс ему также щит, воронёный, с золотою насечкой и золотою бахромой.

Но Афанасий Иванович не имел силы вздеть его на руку. Ноги под ним подкосились, и он упал бы вторично, если б его не подхватили.

– Что с тобой, князь? – сказали в один голос стряпчий и поручник, с удивлением глядя ему в очи, – оправься, князь! У поля не стоять, всё равно что побиту быть!

– Сымите с меня бронь! – проговорил Вяземский, задыхаясь, – сымите бронь! Корень душит меня!

Он сбросил с себя ерихонку, разорвал ожерелье кольчуги и сдёрнул с шеи гайтан, на котором висела шёлковая ладанка с болотным голубцом.

– Анафема тебе, колдун! – вскричал он, бросая гайтан далеко от себя, – анафема, что обманул меня!

Дружина Андреевич подошёл к Вяземскому с голым тесаком.

– Сдавайся, пёс, – сказал он, замахнувшись, – сознайся в своём окаянстве!

Поручники и стряпчие бросились между князя и Морозова.

– Нет! – сказал Вяземский, и отуманенный взор его вспыхнул прежнею злобою, – рано мне сдаваться! Ты, старый ворон, испортил меня! Ты свой тесак в святую воду окунул! Я поставлю за себя бойца, и тогда увидим, чья будет правда!

Между стряпчими обеих сторон зачался спор. Один утверждал, что суд окончен в пользу Морозова, другой, что суда вовсе не было, потому что не было боя.

Царь между тем заметил движение Вяземского и велел подать себе брошенную им ладанку. Осмотрев её с любопытством и недоверчивостью, он подозвал Малюту.

– Схорони это! – шепнул он, – пока не спрошу! А теперь, –

произнёс он громко, – подвести ко мне Вяземского!

– Что, Афоня? – сказал он, усмехаясь двусмысленно, когда подошёл к нему Вяземский, – видно, Морозов тебе не под силу?

– Государь, – ответил князь, которого лицо было покрыто смертельною бледностью, – ворог мой испортил меня! Да к тому ж я с тех пор, как оправился, ни разу брони не надевал. Раны мои открылись; видишь, как кровь из-под кольчуги бежит! Дозволь, государь, бирюч кликнуть, охотника вызвать, чтобы заместо меня у поля стал!

Домогательство Вяземского было противно правилам. Кто не хотел биться сам, должен был объявить о том заране. Вышедши раз на поединок, нельзя было поставить вместо себя другого. Но царь имел в виду погибель Морозова и согласился.

– Вели кричать бирюч, – сказал он, – авось кто поудалее тебя найдётся! А не выйдет никто, Морозов будет чист, а тебя отдадут палачам!

Вяземского отвели под руки, и вскоре, по приказанию его, глашатаи стали ходить вдоль цепи и кричать громким голосом:

– Кто хочет из слободских, или московских, или иных людей выйти на боярина Морозова? Кто хочет биться за князя Вяземского? Выходите, бойцы, выходите стоять за Вяземского!

Но площадь оставалась безмолвна, и ни один охотник не являлся.

– Выходите, охотники, добрые бойцы! – кричали бирючи, – выходите! Кто побьёт Морозова, тому князь все свои вотчины отдаст, а будет побьёт простой человек, тому князь пожалует всю казну, какая есть у него!

Никто не откликался; все знали, что дело Морозова свято, и царь, несмотря на ненависть свою к Дружине Андреевичу, уже готовился объявить его правым, как вдруг послышались крики:

– Идёт охотник! Идёт! – И внутри оцеплённого места явился Матвей Хомяк.

– Гойда! – сказал он, свистнув саблею по воздуху. – Подходи, боярин, я за Вяземского!

При виде Хомяка Морозов, дожидавшийся доселе с голым тесаком, обратился с негодованием к приставам поединка.

– Не стану биться с наймитом! – произнёс он гордо. – Невместно боярину Морозову мериться со стремянным Гришки Скуратова.

И, опустив тесак в ножны, он подошёл к месту, где сидел царь.

– Государь, – сказал он, – ты дозволил ворогу моему поставить бойца вместо себя: дозволь же и мне найти наймита против наймита, не то вели отставить поле до другого раза.

Как ни желал Иван Васильевич погубить Морозова, но просьба его была слишком справедлива. Царю не захотелось в Божьем суде прослыть пристрастным.

– Кричи бирюч! – сказал он гневно, – а если не найдёшь охотника, бейся сам или сознайся в своей кривде и ступай на плаху!

Между тем Хомяк прохаживался вдоль цепи, махая саблей и посмеиваясь над зрителями.

– Вишь, – говорил он, – много вас, ворон, собралось, а нет ни одного ясного сокола промеж вас! Что бы хоть одному выйти, мою саблю обновить, государя потешить! Молотимши, видно, руки отмахали! На печи лёжа, бока отлежали!

– Ах ты чёрт! – проговорил вполголоса гусляр. – Уж я б тебе дал, кабы была при мне моя сабля! Смотри! – продолжал он, толкая под бок товарища, – узнаешь ты его?

Но парень не слышал вопроса. Он разинул рот и, казалось, впился глазами в Хомяка.

– Что ж? – продолжал Хомяк, – видно, нет между вами охотников? Эй вы, аршинники, калашники, пряхи, ткачихи? Кто хочет со мной померяться?

– А я! – раздался неожиданно голос парня, и, ухватясь обеими руками за цепь, он перекинул её через голову и чуть не вырвал дубовых кольев, к которым она была приделана.

Он очутился внутри ограды и, казалось, сам был удивлён своею смелостью.

Выпучив глаза и разиня рот, он смотрел то на Хомяка, то на опричников, то на самого царя, но не говорил ни слова.

– Кто ты? – спросил его боярин, приставленный к полю.

– Я-то? – сказал он и, подумав немного, усмехнулся.

– Кто ты? – повторил боярин.

– А Митька! – ответил он добродушно и как бы удивляясь вопросу.

– Спасибо тебе, молодец! – сказал Морозов парню, – спасибо, что хочешь за правду постоять. Коли одолеешь ворога моего, не пожалею для тебя казны. Не всё у меня добро разграблено; благодаря Божьей милости, есть ещё чем бойца моего наградить!

Хомяк видел Митьку на Поганой Луже, где парень убил под ним коня ударом дубины и, думая навалиться на всадника, притиснул под собою своего же товарища. Но в общей свалке Хомяк не разглядел его лица, да, впрочем, в Митькиной наружности и не было ничего примечательного. Хомяк не узнал его.

– Чем хочешь ты драться? – спросил приставленный к полю боярин, глядя с любопытством на парня, у которого не было ни

брони, ни оружия.

– Чем драться? – повторил Митька и обернулся назад, отыскивая глазами гусляра, чтобы с ним посоветоваться.

Но гусляр, видно, отошёл на другое место, и сколько ни глядел Митька, он не мог найти его.

– Что ж, – сказал боярин, – бери себе саблю да бронь, становись к полю!

Митька стал озираться в замешательстве.

Царю показались приёмы его забавными.

– Дать ему оружие! – сказал он. – Посмотрим, как он умеет биться!

Митьке подали полное вооружение; но он, сколько ни старался, никак не мог пролезть в рукава кольчуги, а шлем был так мал для головы его, что держался на одной макушке.

В этом наряде Митька, совершенно растерянный, оборачивался то направо, то налево, всё ещё надеясь найти гусляра и спросить его, что ему делать?

Глядя на него, царь начал громко смеяться. Примеру его последовали сперва опричники, а потом и все зрители.

– Чаво вы горла дярёте-то? – сказал Митька с неудовольствием, – я и без вашего колпака и без железной рубахи-то на энтова пойду!

Он указал пальцем на Хомяка и начал стаскивать с себя кольчугу.

Раздался новый хохот.

– С чем же ты пойдёшь? – спросил боярин.

Митька почесал затылок.

– А нет у вас дубины? – спросил он протяжно, обращаясь к опричникам.

– Да что это за дурень? – вскричали они, – откуда он взялся? Кто его втолкнул сюда? Или ты, болван, думаешь, мы по-мужицки дубинами бьёмся?

Но Иван Васильевич забавлялся наружностью Митьки и не позволил прогнать его.

– Дать ему ослоп, – сказал он, – пусть бьётся как знает!

Хомяк обиделся.

– Государь, не вели мужику на холопа твоего порухи класть! – воскликнул он. – Я твоей царской милости честно в опричниках служу и сроду ещё на ослопах не бился!

Но царь был в весёлом расположении духа.

– Ты бейся саблей, – сказал он, – а парень пусть бьётся по-своему. Дать ему ослоп. Посмотрим, как мужик за Морозова постоит!

Принесли несколько дубин.

Митька взял медленно в руки одну за другой, осмотрел каждую и, перебрав все дубины, повернулся прямо к царю.

– А нет ли покрепчае? – произнёс он вялым голосом, глядя вопросительно в очи Ивану Васильевичу.

– Принести ему оглоблю, – сказал царь, заранее потешаясь ожидающим его зрелищем.

Вскоре в самом деле явилась в руках Митьки тяжёлая оглобля, которую опричники вывернули насмех из стоявшего на базаре воза.

– Что, эта годится? – спросил царь.

– А для ча! – отвечал Митька, – пожалуй, годится.

И, схватив оглоблю за один конец, он для пробы махнул ею по воздуху так сильно, что ветер пронёсся кругом и пыль закружилась, как от налетевшего вихря.

– Вишь, чёрт! – промолвили, переглянувшись, опричники.

Царь обратился к Хомяку.

– Становись! – сказал он повелительно и прибавил с усмешкой: – Погляжу я, как ты увернёшься от мужицкого ослопа!

Митька между тем засучил рукава, плюнув в обе руки и сжавши ими оглоблю, потряхивал ею, глядя на Хомяка. Застенчивость его исчезла.

– Ну, ты! становись, што ли! – произнёс он с решимостью. – Я те научу нявест красть!

Положение Хомяка, ввиду непривычного оружия и необыкновенной силы Митьки, было довольно затруднительно, а зрители, очевидно, принимали сторону парня и уже начинали посмеиваться над Хомяком.

Замешательство стремянного веселило царя. Он уже смотрел на предстоящий бой с тем самым любопытством, какое возбуждали в нём представления скоморохов или медвежья травля.

– Зачинайте бой! – сказал он, видя, что Хомяк колеблется.

Тогда Митька поднял над головою оглоблю и начал кружить её, подступая к Хомяку скоком.

Тщетно Хомяк старался улучить мгновение, чтобы достать Митьку саблей. Ему оставалось только поспешно сторониться или увёртываться от оглобли, которая описывала огромные круги около Митьки и делала его недосягаемым.

К великой радости зрителей и к немалой потехе царя Хомяк стал отступать, думая только о своём спасении; но Митька с медвежьего ловкостью продолжал к нему подскакивать, и оглобля, как буря, гудела над его головою.

– Я те научу нявест красть! – говорил он, входя постепенно в ярость и стараясь задеть Хомяка по голове, по ногам и по чём ни

попало.

Участие зрителей к Митьке проявлялось одобрительными восклицаниями и наконец дошло до восторга.

– Так! Так! – кричал народ, забывая присутствие царя, – хорошенько его! Ай да парень! Отстаивай Морозова, стой за правое дело!

Но Митька думал не о Морозове.

– Я те научу нявест красть! – приговаривал он, кружа над собою оглоблю и преследуя Хомяка, который увивался от него во все стороны.

Несколько раз опричникам, стоявшим вдоль цепи, пришлось присесть к земле, чтоб избегнуть неминуемой смерти, когда оглобля, завывая, проносилась над их головами.

Вдруг раздался глухой удар, и Хомяк, поражённый в бок, отлетел на несколько сажен и грянулся оземь, раскинувши руки.

Площадь огласилась радостным криком.

Митька тотчас навалился на Хомяка и стал душить его.

– Полно! Полно! – закричали опричники, а Малюта поспешно нагнулся к Ивану Васильевичу и сказал ему с озабоченным видом:

– Государь, вели оттащить этого дьявола! Хомяк у нас лучший человек во всей опричнине!

– Тащить дурака за́ ноги! – закричал царь, – окатить его водой, только чур жива оставить!

С трудом удалось опричникам оттащить Митьку, но Хомяка подняли уже мёртвого, и когда внимание всех обратилось на посиневшее лицо его, рядом с Митькой очутился владимирский гусляр и, дёрнув его за́ полу, сказал ему шёпотом:

– Иди, дурень, за мной! Уноси свою голову!

И оба исчезли в толпе народа. <…>

Вопросы и задания

1. Почему царь решил обратиться к Божьему суду?

2. Почему Вяземский решился прибегнуть к заговору?

3. Почему суд оборвался, не начавшись? Какую замену нашли себе участники поединка?

4. Почему «владимирский гусляр» спешно увёл победителя с поля боя?

Божий суд происходил на Красной площади Слободы. Внимательно прочтите его описание. Как вам кажется, почему автор так детально описывает боевое облачение соперников и их коней?

Вопросы и задания ко всему тексту романа

▸1. Какую сюжетную линию вы считаете главной в романе? Почему?

2. Назовите важнейшие эпизоды сюжетных линий романа, начиная с завязки каждой из них. Какая из сюжетных линий возникает раньше: линия князь Серебряный и Елена Дмитриевна Морозова или линия князь и царь? Как они связаны между собой?

3. Какую роль в романе играет окружение главных героев? Как автор использует его изображение, чтобы постоянно подчёркивать своё противостояние деспотизму?

▸▸1. Охарактеризуйте художественные приёмы, которыми особенно активно пользуется автор в «Князе Серебряном» как историческом романе.

2. Какую роль играет фольклор на страницах этого исторического романа? Какова в нём роль народных песен, пословиц и поговорок?

3. Какую роль в развитии сюжета романа играют его интерьеры? Как пир (глава «Пир») помогает понять не только обстановку этого события, но и характеры его участников?

4. Каковы особенности пейзажных зарисовок романа? Как они связаны с развитием его сюжета?

5. Какую роль играет контраст как художественный приём в раскрытии образов героев и в развитии сюжета романа?

▸▸▸1. С какими знакомыми вам художественными произведениями вы могли бы сравнить этот роман?

2. Попробуйте сравнить поэму М. Ю. Лермонтова «Песнь про… купца Калашникова…» и роман А. К. Толстого «Князь Серебряный».

3. Подготовьте отзыв на роман, продумав его название: «Оценка „Князя Серебряного“ А. К. Толстого как исторического романа», «Иван Грозный и его окружение на страницах романа», «Автор и его оценка эпохи Грозного на страницах романа» и т. д. Можно не писать отзыв, а сделать только его примерный план. Вот один из вариантов.

История трагической любви на страницах исторического романа «Князь Серебряный»

I. Введение. Эпоха и быт. Роль «Домостроя» в XVI веке на Руси.

II. Князь Никита Романович Серебряный и Елена

Дмитриевна:

1) встреча и обеты юных влюблённых;
2) пять лет разлуки;
3) неожиданная встреча князя и боярыни Морозовой;
4) бесчестные замыслы князя Вяземского;
5) похищение Елены;
6) поиски;
7) гибель боярина Морозова;
8) последняя встреча монахини и князя.

III. Заключение. Неизбежность трагического финала (благородство души диктует логику поступков).

4. Смогли бы вы дать точную характеристику царю Ивану Грозному, опираясь на текст романа «Князь Серебряный»?

Вымысел и реальность в художественном произведении

Как создаёт автор историческую картину в художественном произведении? Каков общий характер этой картины? Алексею Константиновичу Толстому, как утверждают некоторые критики, удалось создать напряжённую череду событий, напоминающую своей яркостью историко-приключенческие романы Александра Дюма.

В романе «Князь Серебряный» сорок глав. Главные герои – вымышленные лица. Главные события тоже вымышлены. И всё-таки история живёт на страницах романа. И подлинные исторические лица – Иван Грозный и его зловещее окружение – тесно связаны с теми героями, которых придумал автор.

Князь Серебряный. Роман назван «Князь Серебряный». Боярин князь Никита Романович Серебряный – вымышленное лицо. Исследователи старательно искали прототип героя, но поиски так и не завершились успехом. Но тем не менее герой несёт в себе приметы эпохи, он исторически и психологически достоверен.

Князь Серебряный вызывает симпатии читателей: он честен, смел, не способен не только на предательство, но и на какое-либо отступление от собственного слова, он решителен, предприимчив и не способен кривить душой. Судьба всё время ставит его в самые острые ситуации. Он испытывает дружеские чувства к боярину Дружине Андреевичу Морозову, но женой друга становится любимая девушка князя – первая красавица Москвы Елена Дмитриевна Плещеева-Очина. Он клянётся самому царю не покидать тюрьмы, а его силой похищают благодарные «станичники» – Иван Кольцо и его сподвижники…

Каждая такая ситуация – как проба сил, как испытание на прочность. Благородные поступки, безукоризненная честность не могли привести героя к счастливому концу. Так могло бы быть в народной сказке, но не в историческом романе об эпохе Ивана Грозного. Красивое, искреннее чувство получает красивый, но трагический финал, что показывает, как честно и правдиво видел автор избранный им век: его жестокость, противоречия, невозможность счастья.

Иван Грозный. Читатель встречается с царём лишь в главе «Пир». Это уже глава 8 романа. Иван IV торжественно появляется перед своими подданными: «Наконец загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошёл сам царь Иван Васильевич».

Первое описание внешности показывает, как продуманно величественно выглядел царь.

В романе царь Иван Грозный появляется неоднократно. При этом попутные замечания самого автора помогают читателю понять его настроение, духовное состояние, мгновенную смену чувств, впечатлений, решений и ни на одну минуту не оставляющую его заботу о том, как произвести на подданных впечатление, изобразить справедливого государя, принимая самые нелепые и жестокие решения.

Проследите за поведением царя: как выразительны его поступки, его жестокие и молниеносные решения, как велико его умение направить беседу в нужную сторону, как во всём сквозит его активное и непрерывно заявляющее о себе коварство. Как пример можно вспомнить беседу во время пира: царь не только сумел избежать резкого столкновения Вяземского с наследником, но тут же воспользовался ситуацией и спровоцировал князя на похищение жены Морозова.

Для человека такого всепоглощающего властолюбия важно прежде всего постоянное ощущение своих беспредельных возможностей, своего права повелевать всеми без ограничений. Таким мы видим в романе Иоанна IV.

Однако нужно отметить, что Грозному чрезвычайно хотелось, не противясь своему вспыльчивому нраву, выглядеть в глазах людей справедливым правителем. И он очень умело мог изобразить внимание, доброжелательность, симпатию. Автор подчёркивает, что он не только имел ораторский дар, но и незаурядные актёрские способности.

Образ Ивана Грозного убеждает читателя в том, что деспотизм уничтожает живую душу не только в раздавленных властной волей подданных, но и в самом деспоте. Губительность деспотизма – важнейшая мысль романа.

Народная речь в литературном тексте

В романах, повестях, рассказах обычно очень активно используется народная речь, устное народное творчество. А. К. Толстой в этом отношении более активен, чем другие авторы. Он не только использует фольклорные произведения, но и пытается даже оспаривать выводы, заключённые в них.

В роман включены целые песни и их фрагменты. Песни есть в главах 5, 14, 20, 23, 24. Это и знакомая сейчас песня «Ах, кабы на цветы да не морозы…», которой девушки развлекают свою хозяйку – боярыню Морозову, и отдельные строки песен, которые подчёркивают конкретные моменты сюжета, и две большие исторические песни в главе 14. Фольклорные произведения по-своему рассказывают то, что описывается в главе: навет Малюты Скуратова на наследника – молодого царевича Ивана, гневный приказ царя о его тайной казни и спасение наследника Никитой Романовичем.

Обратите внимание, как автор спорит с народной песней:

> Что возговорит царь Иван Васильевич:
> «Ещё вот тебе Малюта-злодей,
> И делай с ним, что хочешь ты!»

Внимательно прочитайте следующие строки: «Так гласит песня; но не так было на деле. Летописи показывают нам Малюту в чести у Ивана Васильевича ещё долго после 1565 года… Он, по предсказанию старой Онуфревны, не принял своей муки в этой жизни и умер честною смертию».

Автор постоянно находится в стихии народного творчества; оно окружает его героев, оно живёт не только в песнях, но и в обилии народных пословиц и поговорок, которые насыщают роман.

Вопросы и задания

⏩1. Какие произведения фольклора используются в романе «Князь Серебряный»?

2. Как объяснить особую роль песен на страницах романа?

3. Чем вызван «спор» автора с песней о спасении царевича?

4. Докажите богатство и целесообразность использования пословиц и поговорок в романе.

Александр Дюма (1802–1870)

Три мушкетёра

Историю Европы многие помнят не столько по сухим страницам учебников, сколько по увлекательным историческим романам, в частности по книгам Александра Дюма. Обращаясь к истории, Дюма не стремился к строгой документальности или постижению глубокого смысла событий. Его захватывала их зрелищная сторона, яркое проявление характеров и поведение людей в сложных и запутанных ситуациях. С утверждением нравственного начала связаны жизнерадостность, активность его персонажей, которые с безудержной смелостью и фантастической изобретательностью преодолевают всевозможные препятствия, никогда не нарушая кодекса благородства и чести.

Половину своей творческой жизни Дюма был драматургом: его пьесы неизменно привлекали французскую публику. Но наступил момент, когда автор пьес решил изменить своё творческое амплуа. Это был тот период в жизни Дюма, когда писатель решил воскресить историю Франции в серии романов. Следуя примеру Вальтера Скотта, он обратился к историческому роману. Вот как это объясняет его биограф: «Почему? Потому что он отвечал потребностям своего времени… Кто-то сказал, что воображение молодых людей 1820-х годов напоминало пустой дворец, на стенах которого висят портреты их славных предков. Дворцу надо было придать жилой вид. И так как современная мебель для этого не годилась, писателям пришлось прибегнуть к тому гигантскому мебельному складу, что зовётся историей. Но история в скучном пересказе может стать мрачным кладбищем. Фантазия Вальтера Скотта сделала её живой и красочной…» Вальтер Скотт, по мнению историка Огюстена Тьерри, умел, как никто, «передать исторический колорит». А. Дюма сделал другое: он сумел показать, что под придворными нарядами таятся люди с теми же страстями, что и у простых смертных. «Что такое история? – говорил он. – Это гвоздь, на который я вешаю свои романы».

Широкое признание пришло к Дюма-романисту в связи с выходом историко-авантюрной трилогии («Три мушкетёра», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон»), изобилующей множеством увлекательных событий, приключений, поединков, интриг.

Действие романа «Три мушкетёра» происходит во Франции в первой половине XVII века. Отважные и великодушные мушкетёры Атос, Портос, Арамис и их друг Д'Артаньян готовы на самопожертвование ради отечества, дружбы, своих идеалов. Они совершают подвиги, спасая честь королевы Франции, и предотвращают военные конфликты, угрозу которых порождает политика кардинала Ришелье.

Роман «Двадцать лет спустя» повествует о временах кардинала Мазарини. Находчивость, ловкость, ум и точный расчёт помогают мушкетёрам в достижении целей, какими бы сложными ни были ситуации, в которых они оказывались.

«Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» завершает трилогию. В нём есть печальная история Рауля де Бражелона – сына Атоса, полюбившего подругу юности, которая стала фавориткой Людовика XIV. В романе повествуется о том, как завершилась жизнь отважных друзей. Это, действительно, конец эпопеи.

Однажды сына Александра Дюма спросили: «Как это получилось, что ваш отец за всю жизнь не написал ни одной скучной строчки?» – «Потому, – ответил младший Дюма, – что ему это было бы скучно…»

Беря материалы везде, где это было возможно, перерабатывая мемуары, редактируя добросовестные труды своих помощников, осуществлённые по его замыслу и сюжету, он превращал их в шедевры, которые моментально расхватывали читатели.

О своём путешествии по России Александр Дюма оставил три тома воспоминаний, которые переиздаются до сих пор. Обратился он и к событиям русской истории, создав роман «Учитель фехтования», в котором с большой долей вымысла описал судьбу декабриста И. А. Анненкова и француженки Полины Гебль, которая последовала за ним в ссылку и стала там его женой.

Яркость сюжетов, убедительность характеров, стремительность повествования, владение живой речью отмечали не только критики, но и читатели. Но те же читатели зачастую видели и множество неточностей в воспроизведении событий истории. Читая романы Дюма, нужно помнить, что это занимательное чтение, которое приносит нам удовольствие и привлекает не точностью информации, а умением показать то, что особенно важно каждому. В любую эпоху людям свойственно проявление человеческих чувств: любовь и ненависть, смелость и трусость, нравственная ответственность за свои поступки и предательство. В конечном счёте книги Александра Дюма адресованы к миру чувств, а не к холодному разуму.

Возможно, учащиеся с интересом прочитают роман

Александра Дюма «Три мушкетёра». Обсудить произведение на уроке внеклассного чтения помогут вопросы и задания учебника.

Вопросы и задания для обсуждения после самостоятельного прочтения романа

▶1. Как вы объясняете название романа? Как известно, друзей, приключения которых в нём описаны, было четверо, а не трое.

2. Согласны ли вы с тем, что роман считается авантюрно-историческим?

3. Есть ли в романе герой, которого можно считать главным действующим лицом произведения? Кто он? Докажите, что именно он в центре всех событий романа.

4. Какие события представляются вам наиболее яркими, организующими сюжет произведения? Есть ли среди них подлинные исторические события? Какие?

5. Какой век изображён в романе? Какие приметы времени вы можете выделить в романе?

▶▶1. Какую роль играет пейзаж в романе?

2. Какие интерьеры вам особенно запомнились?

3. Попробуйте охарактеризовать особенности мастерства автора.

▶▶▶1. Даёт ли авантюрно-исторический роман представление об изображённой эпохе? Как бы вы охарактеризовали его роль в формировании вашего представления об историческом времени?

2. Какие качества и поступки абсолютно неприемлемы для героев романа? Насколько они неприемлемы для вас?

3. Каков кодекс чести героев романа? Насколько он кажется вам применимым в наше время?

4. Связаны ли подвиги героев романа со служением даме или у этих подвигов нет вдохновительницы?

5. Как вы представляете характер и облик Миледи? Это романтическая фигура или в том, как она описана, вы видите черты реального характера?

6. Чем привлёк вас как читателей этот роман: увлекательным приключенческим сюжетом, характерами и поступками его героев, мастерством повествования, близостью позиций автора к вашим взглядам на жизнь?

7. Какие мысли и чувства возникают при чтении этого романа?

8. Чем можно объяснить появление бесконечного количества инсценировок и киновариантов сюжета романа?

9. Попробуйте инсценировать с одноклассниками любой

эпизод романа.

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

На рубеже двух веков Лев Николаевич Толстой создаёт целый ряд произведений, разных по тематике, жанру и стилю. Они объединяются «вечными» нравственными проблемами гражданской ответственности, социальной справедливости, человеческого счастья, совести, добра. Веря в то, что «должно совершиться освобождение людей от тех страданий, которые они несли так долго», Толстой страстно выступает против угнетения человека, против деспотизма. Он писал: «Вся жизнь, не только русская, но и европейская, кишит злодеяниями насилия… совершаемыми одними лицами над другими. Спокойно смотреть на это нельзя и не должно. Нужно все силы жизни употребить на борьбу с этим злом…»

В творчестве Толстого начала века вновь пробуждается интерес к минувшему. Его занимает история декабристов, борьба поляков и кавказских горцев против самодержавной власти. Страстно обличая Николая I, названного за свою жестокость Палкиным, великий писатель решительно протестует и против режима Николая II.

С огромной художественной силой писатель выступает против царской военщины и деспотического произвола в рассказе «После бала», где глазами героя показана жестокая экзекуция, учинённая над беглым солдатом. Впервые о наказании «сквозь строй» Л. Н. Толстой пишет в статье «Николай Палкин». Воспроизводя слова старого солдата, писатель с нескрываемым чувством гнева рассказывает о том, как водят наказываемого солдата «взад и вперёд между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровяные рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступает и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала ещё кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли ещё бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживёт, чтобы можно было начать мученье сначала и додать то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему».

Сюжетной основой рассказа «После бала» явилось действительное событие, которое произошло со старшим братом

писателя, Сергеем Николаевичем Толстым. Но в дневниковой записи от 18 июня 1903 года Л. Н. Толстой, определяя сюжетную канву рассказа, делает запись от первого лица: «Весёлый бал в Казани, влюблён в Корейшу, красавицу, дочь воинского начальника-поляка, танцую с ней; её красавец старик-отец ласково берёт её и идёт мазурку. И на утро после влюблённой бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонит татарина, и воинский начальник велит больней бить». 9 августа 1903 года Толстой отметил в дневнике: «Написал в один день „Дочь и отец“. Не дурно». До 20 августа писатель исправлял, совершенствовал текст рассказа. Известно, что Толстой читал свой рассказ друзьям и близким и в его чтении слышалось сочувствие молодому Ивану Васильевичу. Впервые рассказ «После бала» был опубликован лишь после смерти писателя.

После бала

– Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

– Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

– От чего же? – спросили мы.

– Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

– Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Вся жизнь переменилась от одной ночи или скорее утра.

– Да что же было?

– А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б…, да, Варенька Б…, – Иван

Васильевич назвал фамилию. – Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

– Каково Иван Васильевич расписывает.

– Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег – ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

– Ну, нечего скромничать, – перебила его одна из собеседниц. – Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

– Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты – знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду – танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня:

препротивный инженер Анисимов – я до сих пор не могу простить это ему – пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»[11].

И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

– Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали её за талию, не только своё, но и её тело, – сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

– Да, вот это вы, нынешняя молодёжь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблён, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и ещё что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr[12], – хороший был писатель, – на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймёте…

– Не слушайте его. Дальше что? – сказал один из нас.

– Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

– Так после ужина кадриль моя? – сказал я ей, отводя её к месту.

– Разумеется, если меня не увезут, – сказала она, улыбаясь.

– Я не дам, – сказал я.

– Дайте же веер, – сказала она.

– Жалко отдавать, – сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

– Так вот вам, чтоб вы не жалели, – сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

– Смотрите, папа́ просят танцевать, – сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

– Варенька, подите сюда, – услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

– Уговорите, ma chère[13], отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславич, – обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I[14] подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, – «надо всё по закону», – улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за

каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, – хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», – думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

– Ну, всё равно, пройдитесь теперь вы с ней, – сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел

на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: *«Гордость? да?»* – и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом – девический институт. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, – всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» – подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя

шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», – подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

– Что это они делают? – спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

– Татарина гоняют за побег, – сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад – и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд – и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле, и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

– О Господи, – проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

– Я тебе помажу, – услыхал я его гневный голос. – Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

– Подать свежих шпицрутенов! – крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услыхал и увидал опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», – думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

– Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, – сказал один из нас. – Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

– Ну, это уж совсем глупости, – с искренней досадой сказал

Иван Васильевич.

– Ну, а любовь что? – спросили мы.

– Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите… – закончил он.

Вопросы и задания

1. От чьего лица ведётся в рассказе повествование о том, что произошло на балу и после бала? Можно ли считать, что в рассказе «После бала» два рассказчика? Как можно назвать каждого из них, памятуя о том, что Иван Васильевич является и героем произведения?

2. Перечитайте заключительную часть рассказа, возвращающую читателя к разговору о среде, о том, «что хорошо, что дурно». Почему автор в конце рассказа вновь вернулся к этому разговору? Как сочетаются разговор-беседа, обрамляющая произведение, с темой и содержанием рассказа Ивана Васильевича о событиях на балу и после бала? Почему «После бала» можно назвать «рассказом в рассказе»? Как соотносятся в произведении прошлое и настоящее?

3. Какие чувства охватывают молодого Ивана Васильевича на балу? Что переживает герой рассказа, расставшись с Варенькой? Что «видел» и «слышал» он под впечатлением веселого бала? Как чувства, испытываемые героем-рассказчиком по возвращении домой, проявляются в отношении к брату и лакею Петруше? Как воспринимает герой утренний городской пейзаж? Выпишите слова и выражения, которые наиболее ёмко передают состояние Ивана Васильевича.

4. Какие чувства овладели Иваном Васильевичем после увиденного им жестокого наказания татарина? Почему в его рассказе о наказании так часто повторяются слова «стал различать», «стал смотреть», «увидал», «расслышал», «видел», «мельком увидал», «услыхал», «не зная, куда смотреть», «слышались слова»? Как они помогают постепенно раскрыть нарастание того чувства, которое испытал герой рассказа в страшное утро экзекуции? Выпишите слова, которые передают состояние Ивана Васильевича как свидетеля наказания.

1. Прочитайте начало рассказа по ролям от лица каждого из

рассказчиков.

2. Какие краски преобладают в описании бала и в описании наказания татарина за побег?

3. Как нарисован полковник на балу и после бала? Можно ли слова, сказанные полковником на балу – «надо все по закону», – соотнести с его поведением во время экзекуции?

4. Расскажите, пользуясь своими записями, о переживаниях и думах героя на балу и после бала.

▶▶▶1. В самом начале рассказа собеседники Ивана Васильевича говорят о важности понимания того, «что хорошо, что дурно». Какой ответ на эти вопросы даёт писатель в рассказе «После бала»? Какие иллюстрации вы бы нарисовали к произведению Л. Н. Толстого? Как своими иллюстрациями вы бы откликнулись на то, «что хорошо» и «что дурно» в картине жизни, запечатлённой в рассказе?

2. Каким предстаёт Иван Васильевич в характеристике своих собеседников? Какую роль в жизненной судьбе Ивана Васильевича сыграл «случай»? Как характеризует героя его решение не служить в военной службе и нигде не служить?

3. Работая над рассказом «После бала», Л. Н. Толстой расширял эпизод экзекуции и настойчиво подчёркивал контраст в облике полковника на балу и после бала. Что стремился этим сказать писатель?

4. Известно, что в первой редакции рассказа Иван Васильевич сожалеет о том, что не женился на Вареньке. Почему Л. Н. Толстой исключил этот мотив в окончательной редакции рассказа?

5. В чём вы видите критическую силу рассказа «После бала»?

6. В первоначальных редакциях рассказ имел следующие названия: «Дочь и отец», «А вы говорите». Почему, как вы думаете, писатель отдал предпочтение заглавию «После бала»?

Контраст как композиционный приём

Обличительная сила рассказа Л. Н. Толстого «После бала» подчёркнута строго продуманным построением (композицией) произведения, в котором контрастно сопоставлены основные сюжетные моменты – сцены бала и экзекуция. Последовательно противопоставляя основные части «искреннего и правдивого» рассказа Ивана Васильевича, писатель настойчиво подчёркивает контраст в душевном состоянии героя, в системе образов-характеров, в описаниях, в отдельных деталях произведения. Многочисленные контрастные сопоставления находят гибкое словесное выражение. Так, искусно используя глубоко волнующий контраст в переживаниях главного героя на балу и после бала, данных в непосредственном движении, развитии, Л. Н. Толстой преднамеренно повторяет слова-лейтмотивы, например, в следующих предложениях: «…в моей душе *любовь* к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность *любви»;* «Мне было до такой степени *стыдно,* что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом *постыдном* поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой» (курсив мой. – *Авт.*). Здесь любовь, охватившая Ивана Васильевича на балу, контрастно сопоставлена с чувством стыда у свидетеля наказания. Настойчиво подчёркивает писатель и контраст в поведении полковника с его «ласковой, радостной улыбкой» на балу и «грозно и злобно нахмурившегося» при исполнении наказания. В контрастной перекличке даны в рассказе образы Вареньки, «грациозной и величественной», и наказываемого солдата с его «сморщенным от страдания лицом» и «пёстрым, мокрым, красным, неестественным» телом. Контраст как композиционный приём помогает Л. Н. Толстому с предельной ясностью выразить авторскую позицию и донести до читателя беспощадную правду произведения.

Вопросы и задания

▶▶▶1. В своих воспоминаниях о Л. Н. Толстом известный юрист и литератор А. Ф. Кони, коснувшись рассказа «После бала»,

не смог пройти мимо свойственного произведению контраста. Он отметил: «Этот роковой диссонанс действует сильнее всякой длинной и сложной драмы». В прямом значении слово «диссонанс» означает негармоническое сочетание звуков, а в переносном – разлад, несогласованность, противоречие, резкое несоответствие чему-либо. В каком значении, на ваш взгляд, употребил мемуарист слово «диссонанс»? Можно ли слова «контраст» и «диссонанс» назвать в данном случае синонимами? Почему «диссонанс» назван автором воспоминаний «роковым»?

2. Контрастное сопоставление двух частей рассказа ярко отразилось на языке художественного произведения. Подберите из каждой части рассказа антонимы, передающие звуки и краски бала и экзекуции. Включите их в свой устный рассказ.

Время и пространство в художественном тексте

Композиция рассказа «После бала» во многом определяет особенности организации в нём художественного времени и пространства.

В рассказе можно выделить два временных пласта: это время рассказывания в беседе о том, «что хорошо, что дурно», которая открывает и заканчивает произведение, и время совершения действия, то есть та «длинная история», которая «переменила» всю жизнь рассказчика. История, поведанная Иваном Васильевичем, произошла «в сороковых годах», когда «всеми уважаемый» рассказчик был ещё студентом университета. Одна из собеседниц вспоминает его дагерротипный портрет, что свидетельствует о точности воспроизведения эпохи: дагерротипия как один из способов фотографирования была изобретена в 1839 году. Об отдалённости времени событийного от времени рассказывания говорит и возраст героини: прелестной Вареньке Б., которой во время бала любовались и мужчины и женщины, было всего восемнадцать лет, но и позже, в пятьдесят лет, она, по свидетельству Ивана Васильевича, «была замечательная красавица» (значит, между рассказанными событиями и временем рассказывания наверняка миновало свыше тридцати лет).

Вспоминая о событиях на балу и после бала, Иван Васильевич характеризует их как «дело прошлое», что определяет особенности повествовательной манеры в рассказе, для которого характерно частое использование глаголов прошедшего времени. Особенно настойчиво используется в рассказе глагол «быть», который подчёркивает, что «случай», рассказанный Иваном Васильевичем, предшествует моменту речи: «А было то, что был я сильно влюблён»; «Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро». Порой глагол «быть» начинает отдельные предложения, подчёркивая особенности сказовой манеры Ивана Васильевича: «Был я в то время студентом…»; «Был я очень весёлый и бойкий малый…»; «Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах…».

Время рассказывания, в котором находятся повествователь и его собеседники, и время совершения действия, в котором живут герои произведения, всегда соотносятся со временем создания произведения и с сегодняшним днём, когда художественное произведение становится достоянием читателя.

В рассказе как малой форме повествовательной литературы пространство действия неизбежно ограничено. События, описанные в рассказе «После бала», происходят «на бале у губернского предводителя», в доме рассказчика и на улицах небольшого провинциального города. Герой рассказа, боявшийся «только одного, чтобы что-нибудь не испортило» его «счастья», невольно появляется в конце города, «подле большого поля», где жила Варенька Б. Именно там находился девический институт и именно там находилось «гулянье», где и произошло страшное истязание беглого солдата, которым руководил «высокий военный в шинели и фуражке». Так время действия рассказа, повествующего о событиях на балу и после бала, тесно связано с организацией пространства в произведении.

Вопросы и задания

Герой произведения и рассказчик Иван Васильевич «случай» из своей жизни называет «длинной историей». Но в самом ли деле это «длинная история»? Ведь тут же он говорит, что его «жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра». Вчитайтесь в рассказ и проследите, как писатель устами Ивана Васильевича фиксирует время ночного бала и наступившего следом за ним дня. С какими событиями связаны эти указания на время действия? Какова временная дистанция между началом рассказа о «чудесном» бале и событиями, замыкающими рассказ Ивана Васильевича?

1. Характеризуя внешность полковника, Толстой подчёркивает, что «лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками». Сравнение внешности полковника, «служаки николаевской выправки», с Николаем I является важной художественной деталью рассказа. Подумайте, почему писатель прибегает к сравнению внешности полковника с внешностью царя. Какое развитие это сравнение находит в сюжете рассказа «После бала»?

2. Рисуя облик хозяйки бала, писатель подчёркивает, что она была «в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и

грудью, как портреты Елизаветы Петровны». Почему Толстой в рассказе «После бала» трижды воссоздаёт портрет хозяйки бала, каждый раз сопоставляя его с портретом Елизаветы Петровны? В какой мере упоминание об императрице Елизавете Петровне расширяет временные границы произведения Толстого?

Литература XX века

Ю. Н. Тынянов. М. Алданов. Б. Л. Васильев. Л. М. Леонов.

Автор и время на страницах произведений XX века

Интерес к прошлому хранили все поколения людей. Наука XX века принесла искусству слова реальную возможность более обстоятельно отобразить в художественном произведении былое. Стало острее и требовательнее отношение читающей публики к произведениям, посвящённым ушедшим эпохам. Авторы всё чаще стали искать в прошлом ответы на вопросы сегодняшнего дня.

Расширились тематика и жанровое богатство исторических произведений, среди них появились научная фантастика, детективная и приключенческая литература, фэнтези. Лучшие из этих произведений способствуют усилению интереса читателя к давно прошедшим временам и легендарным событиям.

Споры, увлечения и заблуждения эпохи принесли новые подходы и новые оценки исторических событий, расширили жанровую палитру художников слова. Наряду с романами-эпопеями, такими как «Тихий Дон» М. Шолохова, появились яркие и динамичные исторические миниатюры, например «Звёздные часы человечества» Цвейга. Авторская позиция проявляется не только в выборе жанра произведения, но и в освещении того или иного события, в выборе героев. Оценка писателем ушедшего времени отражает его взгляд на мир сегодняшний.

История остаётся историей, и интерес к ней, стремление до конца разобраться в её тайнах присущи читателям разных поколений, сменяющих друг друга. Эпос, лирика и драма, используя существующие жанры и стремясь создать новые, состязаются в попытках приблизить события прошедших столетий к нашему сегодняшнему дню, к его заботам, поискам и свершениям.

Былины и их герои в поэзии XX века

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

Автор многочисленных рассказов и повестей, Иван Бунин говорил: «Я поэт, и больше поэт, чем писатель, я главным образом поэт». Но свою поэзию он никогда не отделял от прозы, которой присущи повышенная эмоциональность и глубокий лиризм.

Поэзия Бунина вдохновляется нетленной красотой природы. Его «жадный взор» подмечает «золотой иконостас заката», «звёзд узор живой», «седое небо», «день прохладный и пустой», «солнечные палаты» соснового бора, «леса на дальних косогорах», которые напоминают ему «жёлто-красный лисий мех», «нагие» осенние степи. В красках природы ему светит «любовь и радость бытия».

В начале века Бунин совершает путешествия по странам Европы и Азии. В его стихах начинает звучать тема минувшего, которая гармонично соединяется с темой красоты в жизни и искусстве: «Красота, что мир стремит вперёд, есть тоже след былого». Памятники старины разных эпох и стран выступают в стихах поэта как живые свидетели человеческой истории. Бунин вдохновляется образами Древнего Востока, античной Греции, историческими памятниками Палестины и Египта. Он бродит мыслью в отдалённости пространства и времени:

> Я человек: как Бог, я обречён
> Познать тоску всех стран и всех времён.

В лирические стихотворения Ивана Бунина вторгается живая стихия русского фольклора. Былины и сказки, предания и легенды преображаются в стихи. Россыпи народной мудрости находят проникновенное отражение в стихотворениях «Два голоса», «Святогор», «Мачеха», «Отрава», «Невеста», «Князь Всеслав», «Алёнушка». В них воспеты подлинные герои прошлого и мифологические герои, натуры мятежные, дерзновенные и таинственные.

На распутье

На распутье в диком древнем поле
Чёрный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нём воротишься домой.

Путь направо без коня оставит —
Побредёшь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях…»

Жутко мне! Вдали стоят могилы…
В них былое дремлет вечным сном…
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах…
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовёт, а смерть в глаза глядит…
Чёрный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

Вопросы и задания

1. Какое чувство вызывает у вас описание степи, заросшей бурьяном? Почему в этом описании поэт использует слова «поле», «степь», «равнина», «край»? Какие эпитеты к ним обогащают

картину степи? Объясните значение олицетворений «былое дремлет вечным сном», «дремлет полдень».

2. Какие переживания вызывает у поэта созерцание «древнего поля»? К каким художественным средствам прибегает поэт, высказывая охватившие его чувства? В каких словах выражен лейтмотив стихотворения?

▶▶▶1. Сопоставьте подпись «на камешке» в былине «Три поездки Ильи Муромца»:

Старому-де казаку да Илье Муромцу
Три пути пришло, дорожки широкие:
А во дороженьку-ту ехать – убиту быть,
Во другую-ту ехать – женату быть,
Да во третью-ту ехать – богату быть… —

с надписью на кресте в стихотворении «На распутье». Чего добился поэт, изменив надпись? Почему он назвал её «роковой»?

2. Сопоставьте стихотворение И. А. Бунина «На распутье» и картину художника В. М. Васнецова «Витязь на распутье». Какие мотивы объединяют произведения поэта и художника?

Святогор

В чистом поле, у камня Алатыря,
Будит конь Святогора-богатыря:
Грудью пал на колчан Святогор.
Ворон по полю плавает, каркая.
Свет-заря помутилася жаркая.
Месяц встал на полночный дозор.

Ой, не спит Святогор, – притворяется!
Конь легонько копытом касается
До плеча в золочёной резьбе:
«Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мне ль Ивана носить на себе?»

В чистом поле, у камня Алатыря,
Светит месяц по шлему богатыря:
Принял Божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревёт по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел шатёр:

Он ползёт по росе, подкрадается,
Он татарином диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идёт, ворон каркает,
Ветром конь вкруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня.

Вопросы и задания

▸Какова тема стихотворения? Почему Святогор принял «Божию смерть» возле «камня Алатыря», который в русском фольклоре изображается как «всем камням отец», как «бел-горюч камень» и наделяется целительными свойствами?

▸▸1. Какую роль выполняет в стихотворении пейзаж «чистого поля»? Какие звуки нарушают тишину нарисованной поэтом картины? Какое значение приобретает в стихотворении образ каркающего ворона?

2. В стихотворении «Святогор» поэт, изображая богатырского коня, следует традициям русского былинного эпоса. Как он показывает привязанность коня своему хозяину?

▸▸▸Какими чувствами и мыслями делится поэт с читателем в стихотворении «Святогор»?

Святогор и Илья

На гривастых конях на косматых,
На златых стременах на разлатых,
Едут братья, меньшой и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают – ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долблённый,
С чёрной крышей, тяжёлой, томлёной,
Вот и поднял её Святогор,
Лёг, накрылся и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божий простор!»

Обнял крышу Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,

Двинул кверху… Да нет, погоди!
«Ты мечом»! – слышен голос из гроба.
Он за меч, – занимается злоба,
Загорается сердце в груди, —

Но и меч не берёт: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья – Божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу… Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

Вопросы и задания

1. «Святогор и Илья» – это стихотворное переложение одного из центральных эпизодов былины «Святогор и Илья Муромец». Какими предстают в стихотворении былинные богатыри? На чьей стороне симпатии автора?

2. Герой русских былин Святогор, один из старших богатырей, не может найти применения своей силе. Как отражена эта черта Святогора в стихотворении И. А. Бунина? Как вы понимаете смысл концовки стихотворения?

3. Что объединяет стихотворения «Святогор» и «Святогор и Илья»? Как показана в них гибель богатыря?

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Поэзия Бальмонта – поэзия мимолётности, запечатлённых мгновений. В каждой минуте он стремится почувствовать всю полноту жизни, увидеть окно в вечность. Он отдаётся «могучему и сладостному» ощущению победы над «веками и пространствами». В неутолимой жажде познания Бальмонт объехал чуть ли не весь свет. В его лирике нередко встречаются образы чужих земель, далёкой истории, культуры, искусства. В сборниках «Жар-птица»,

«Птицы в воздухе», «Хоровод времён» поэт погружается в «народную стихию» и воссоздаёт образы «песнопевцев», «кудесников русской речи», славян, «знающих простор», вспоминает Илью Муромца, которого никто не превзошёл «в благородстве и в размахе».

Стихотворения Бальмонта на редкость мелодичны. Сам поэт писал, что «в них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые». Его стихи завораживают магией звуков: в них «чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши», и «шёпотом, ропотом рощи полны», в них бьётся с бурей «чуждый чистым чарам счастья, чёлн томленья, чёлн тревог».

В 1921 году Бальмонт вместе с семьёй на год уехал в командировку за границу. Но ему не суждено было вернуться в Россию. Бальмонт тосковал по родине, по дому, по маленькой деревушке Гумнищи Шуйского уезда Владимирской области, где он родился. В одном из стихотворений он с грустью писал:

Мой траур не на месяцы означен,
Он будет длиться много странных лет.

Живая вода

Богатыри родные,
В вас светят небеса,
В вас – водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя мятель[15]
Качает в снежной дали
Загрезившую ель.

Вы в отрочестве жили,
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубинностью печали,
С улыбкой золотой.

Когда мечта хотела

Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-птицу дали ей.

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули
И смех – с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ – как звезда.
Богатыри, вы – боги,
Вам жить и жить всегда.

Вопросы и задания

Как вы понимаете смысл заглавия стихотворения?

1. В стихотворении «Живая вода» обращение к «родным богатырям» выступает в роли поэтического приёма, который определяет эмоциональную атмосферу стихотворения и его построение. Проследите, как поэт, отдавший дань изяществу формы, чередованием обращений достигает композиционной стройности стихотворения.

2. Как воспринимаются богатыри в разные периоды человеческой жизни? Какими они предстают в детстве, отрочестве, юности? Как вы понимаете метафоры «в яркой зыби дней», «затон мечтанья», «мгновенья потонули»? Чего достигает поэт, используя эти образные выражения?

3. Какие сравнения, щедро рассыпанные по всему стихотворению, вам показались неожиданными, необычными, яркими?

4. В каких словах стихотворения даётся образ перепутья, распутья?

5. Как подчёркнуто в стихотворении единство богатырей и природы?

Евгений Михайлович Винокуров

(1925–1993)

Основная тема лирики Евгения Винокурова – духовная зрелость человека, размышления о его внутреннем мире: вселенная «проста, но сложен человек». Он увлечён обдумыванием действительности и напряжённо всматривается в то, «как в мире сём прелестно всё запутано, как всё непостижимо». «Сторонник внешности земной», он не проходит мимо зримых подробностей окружающего мира. Поэт радуется солнцу, «когда оно пылающе встаёт над кромкой леса раскалённым шаром», он щурится «от ромашковой пыльцы», он вспоминает, что «где-то есть провинция с геранью, с бегущей к речке ниточкой тропы». Но в его стихах жива и память о войне – о «казарме, густо побелённой», о «пайке, выданной в обрез», о грустном крике гармоники, о боевых друзьях. В своей лирике Винокуров противится тому, чтобы «остылой жизни чашу по капельке тянуть». Мир для него «таинственно высок». Он желает постичь его многообразие и цельность, найти «слова, что будут жить всегда». Эти слова, говорит поэт, должны быть написаны кровью:

Линючие чернила не в почёте
у выстрадавших право на слова!

Евгений Винокуров всегда внимателен к тому, что «повествуют были» и что «мифы говорят». В циклах стихов «Эллада» и «Старина» он «день за днём минувшее листает» и слышит его «дальний гул». Размышления о минувшем и о «будничных, необычайных днях» нередко сопровождаются тонким добродушным юмором. Возвышенная философичность лирического творчества поэта соседствует с обыденной конкретностью:

Через толчею житейской гущи
я хотел бы до конца пути
чувство то, что мы единосущи
с вечностью,
по миру пронести.

Богатырь

От загнетки[16] тянет вонью,

опротивел быт…
Подперев щёку ладонью,
богатырь скорбит.
Он встаёт мрачнее тучи
с кряком на весь дом,
богатырские онучи[17]
намотал с трудом.

Не пора ль? Размять бы тело,
затекла спина.
И, признаться,
надоела
нудная жена…
Едет он —
пред ним дорога —
и мычит себе…
Надпись с повеленьем рока
видит на столбе:
«Если ты
поедешь влево,
то сгоришь в огне».
Богатырь бормочет:
– Эва,
это не по мне!..

«Ждёт тебя, коль пустишь
вправо
своего коня,
ковш резной, а в нём отрава…»
– Нет уж, чур меня!..

Ввек бы не носить
шелома[18] и не брать пращи,
а сидеть бы лучше дома
и хлебать бы щи.
Вкруг меня жевали б детки
мёд из свежих сот.
Как приятно из загнетки
теплотой несёт!..

До родимого порога,
что уж,
рад не рад,
та же самая дорога

повела назад…

Вопросы и задания

▸1. Что отвергает богатырь в начале стихотворения и как показан его жизненный идеал в концовке стихотворения?

2. Одним из средств создания комического в литературе является неожиданность, которая заставляет читателя улыбнуться, задуматься над природой смешного. Почему стихотворение «Богатырь» вызывает у читателя улыбку?

3. Комическое в литературе имеет много разновидностей: от резко критического осмеяния изображаемого до юмористического смеха, который может быть и средством любования автора своим героем. Каков характер комического в стихотворении Е. Винокурова?

▸▸▸1. Какие былинные мотивы использовал поэт в стихотворении, создавая образ безымянного богатыря?

2. Какие чувства выразил поэт, обратившийся в стихотворении «Богатырь» к былинному эпосу? Что утверждает он своим стихотворением?

Вопросы и задания ко всей теме

▸▸▸1. Сопоставьте стихотворения И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, Е. М. Винокурова. Какие чувства выразили поэты, обратившись к былинным мотивам и сюжетам? Почему эти чувства столь различны? Что объединяет эти стихотворения?

2. Какими предстают в стихотворениях, навеянных былинами, прошлое и современная поэтам действительность?

3. Какое из стихотворений произвело на вас наиболее яркое впечатление? Почему? Выучите это произведение наизусть.

Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943)

За пятнадцатилетний период творческой деятельности Ю. Н. Тынянов проявил себя как исторический романист, литературовед, один из основателей нашего кино, переводчик.

В. Каверин в своих воспоминаниях «Друг юности и всей жизни» отмечал, что к семнадцати годам Тынянов «не просто прочёл, а пережил русскую литературу», память его была необыкновенной, он поражал всех способностью читать наизусть часами Пушкина и Шевченко.

Тынянов учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где больше всего занимался в пушкинском семинаре у профессора Венгерова. На одном из заседаний он прочёл свой доклад о Кюхельбекере, высоко оценённый преподавателем. Тынянов вспоминает: «Венгеров оживился. Захлопал. Так началась моя работа».

Литературная деятельность Ю. Тынянова началась с историко-биографического романа «Кюхля»[19] о жизни поэта-декабриста В. К. Кюхельбекера. До появления романа о нём как поэте и человеке знали мало, его имя упоминалось, лишь когда говорили о лицейском друге – великом Пушкине. Писатель сумел, широко привлекая архивные материалы, тщательно анализируя творчество В. Кюхельбекера, воссоздать образ этого человека.

Вслед за Пушкиным Тынянов стремился в своих произведениях «воскрешать век минувший в его истине». Вокруг героя развёртывается панорама общественной жизни России первых десятилетий XIX века. Время представлено в событиях и людях, известных истории, – видных политических деятелях, писателях. Среди них Пушкин, преданнейший друг, чей образ возникает даже в предсмертных видениях Кюхли.

Этапы биографии героя сливаются с изображением картин исторического плана. Так, в центре романа – события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и на их фоне романтически восторженный поэт Кюхельбекер, полный решимости, готовый к подвигу, но волей обстоятельств бессильный что-либо сделать. Драма, вызванная разгромом восстания, для Кюхельбекера перерастает в трагедию человека, «выключенного из эпохи, вытолкнутого из жизни». Им овладевает безразличие, потому что теперь «стремиться решительно некуда, ждать решительно нечего». Дальше была Петропавловская крепость, где «время как бы остановилось», затем поселение в далёкой Сибири.

Следующий исторический роман Ю. И. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» – книга о Грибоедове. Если в первом произведении перед читателем проходит вся жизнь Кюхельбекера с детских лет до самой смерти, то новый роман о русском посланнике и большом писателе посвящён лишь последнему году жизни создателя комедии «Горе от ума», его трагической гибели в Тегеране. Прошлое даётся в воспоминаниях героев, в авторских отступлениях. Как и в «Кюхле», в книге о Грибоедове Тынянов стремится раскрыть общественно-исторические причины, породившие духовную драму дипломата и писателя, раскрыть «загадку» его личности.

Ю. Тынянов собирался написать роман о Петре и Петровской эпохе, не о смерти, а о жизни и деятельности русского императора; читал множество книг, собирал материалы, делал выписки, наброски, планы. К сожалению, этому замыслу не удалось осуществиться – помешала тяжёлая болезнь и смерть.

Незавершённым остался и роман-исследование «Пушкин». Написаны лишь три части «Детство», «Лицей» и «Юность», но произведение воспринимается как целостная книга о детстве и юности великого русского поэта.

Любовь к родине, к русской литературе, к историческому прошлому своего народа пронизывает всё творчество Ю. Н. Тынянова.

Тыняновым было написано несколько исторических произведений с оригинальным сюжетом. К ним относятся рассказ «Подпоручик Киже», в основу которого положен исторический анекдот времени царствования Павла I, и повесть «Восковая персона», раскрывающая трагическое одиночество Петра I.

В рассказе Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Киже», получившем всеобщее признание, говорится о том, как ошибка нового полкового писаря, нечаянно написавшего вместо «подпоручики же Стивен, Рыбак… назначаются» – «подпоручик Киже, Стивен…», породила человека, «фигуры не имеющего». Но приказ, уже подписанный императором, есть приказ, и, значит, подпоручик Киже должен существовать – без лица, но с фамилией.

В том же приказе, который сделал подпоручика живым, растерявшийся от страха молодой писарь допустил вторую ошибку. Он написал: «Поручика Синюхаева, как умершего горячкой, считать по службе выбывшим». Приказы же «имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть, – пишет автор. – …Приказ как-то изменял полки, улицы и людей». Поэтому закономерен и приказ командира полка – «считать подпоручика Киже в живых, назначить в караул; поручика Синюхаева, как умершего горячкой, считать по службе

выбывшим». Поручик Синюхаев привык внимать приказам как «особым словам», чувствовать их власть и даже ни разу не подумал, что в приказе сделана ошибка, напротив того, ему «показалось, что он по ошибке, по оплошности жив». Да и доказать кому-нибудь, что он жив, было невозможно.

Находчивый адъютант, когда кто-то закричал под окном спящего Павла I «Караул!», называет имя мнимого подпоручика Киже, так как настоящего виновника не могут найти. С этого момента подпоручик Киже начинает жить самостоятельной жизнью. Он наказан (его прогоняют сквозь строй), сослан в Сибирь («важное пространство» шло между часовыми, сопровождавшими его в ссылку, и никто ничему не удивлялся); потом подпоручик был прощён императором, возвращён в Петербург, произведён в поручики, капитаны, полковники, генералы. К числу «лучших людей» относит его император: Киже несёт службу «без ропота и шума». Характера своего героя автор не раскрывает, так как нет самого героя, зато «с поразительной достоверностью показан характер самого государства» (В. Каверин).

Рассказ «Подпоручик Киже» был переведён на несколько европейских языков, на его сюжет был поставлен кинофильм и одноактный балет (музыка С. С. Прокофьева).

«Восковая персона». Повесть «Восковая персона» начинается с изображения умирающего Петра I «посреди трудов недоконченных». Одна мысль терзает его: на кого оставить Россию, сей «немалый корабль», которому была отдана вся его жизнь? На кого оставить государство, «великую науку», «немалое искусство»? Все вокруг него, начиная с жены Катерины и любимца Меншикова, равнодушны к делу его жизни. Идёт «неслыханный скандал», «ручная и ножная драка» между первыми людьми государства. «Наложить топор», ликвидировать «гнилой корень» – взяточничество, казнокрадство, обман, которые характеризуют его окружение, – Пётр не успел.

Предсмертные размышления императора, его мысленное прощание со всем тем, что ему было дорого, – эти страницы не могут оставить равнодушными читателей. Перед нами трагедия человека, всю жизнь трудившегося для отечества («А для кого трудился? Для отечества»). Он оставляет страну в тот момент, когда он так нужен, когда нет рядом преемника, который продолжил бы его дело преобразования России.

Скульптор Растрелли после смерти императора создаёт его «восковое подобие» – восковую персону, которая движется на тайных пружинах и продолжает беспокоить живых.

Восковая персона. *В сокращении*

Глава первая

Доктор вернейший, потщись мя лечити. Болезненну рану от мя отлучите.

Акт о Калеандре

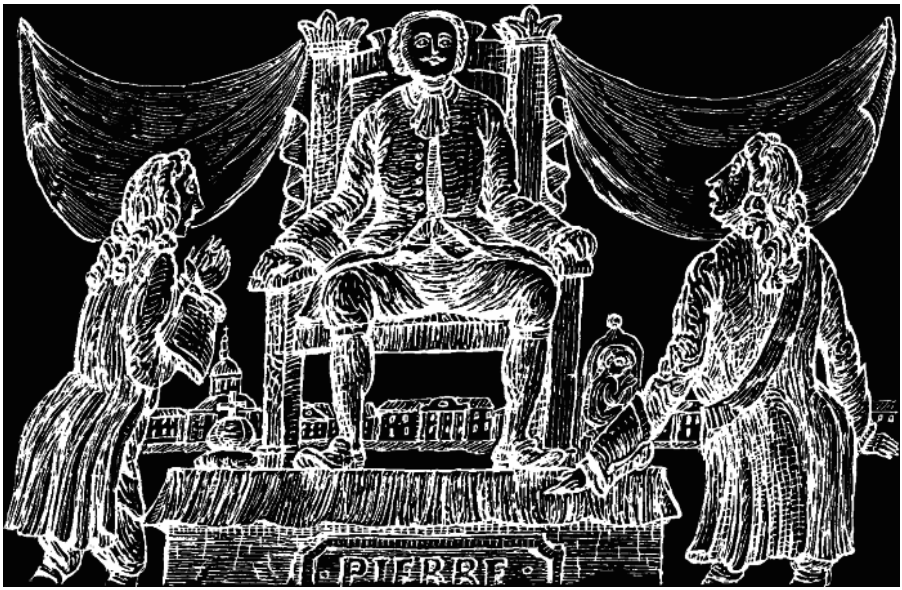
2

Данилыч, герцог Ижорский[20], теперь вовсе не раздевался. Он сидел в своей спальной комнате и подрёмывал: не идут ли?

Он уж так давно приучился посиживать и сидя дремать: ждал гибели за монастырское погрáбление, почепское межевание и великие дачи, которые ему давали: кто по сту тысячей, а кто по пятьдесят ефимков; от городов и от мужиков; от иностранцев разных состояний и от королевского двора; а потом – при подрядах на чужое имя, обшивке войска, изготовлении негодных портиш – и прямо из казны. У него был нос вострый, пламенный, и сухие руки. Он любил, чтоб всё огнём горело в руках, чтоб всего было много и всё было самое наилучшее, чтобы всё было стройно и бережно.

По вечерам он считал свои убытки:

– Васильевский остров был мне подаренный, а потом в одночасье отобран. В последнем жалованье по войскам обнесён. И только одно для меня великое утешение будет, если город Батурин[21] подарят.



Светлейший князь Данилыч обыкновенно призывал своего министра Волкова и спрашивал у него отчёта, сколько маетностей числится у него по сей час. Потом запирался, вспоминал последнюю цифру, пятьдесят две тысячи подданных душ, или вспоминал об убойном и сальном промысле, что был у него в архангельском Городе, – и чувствовал некоторую потаённую сладость у самых губ, сладость от маетностей[22], что много всего имеет, больше всех, и что всё у него растёт. Водил войска, строил быстро и рачительно, был прилежный и охотный господин, но миновались походы и кончались канальные строения, а рука была всё сухая, горячая, ей работа была нужна, или нужна была баба, или дача[23]?

Данилыч, князь Римский, полюбил дачу.

Он уже не мог обнять глазом всех своих маетностей, сколько ему принадлежало городов, селений и душ, – и сам себе иногда удивлялся:

– Чем боле володею, тем боле рука горит. <…>

И теперь, по прошествии многих мелких и крупных дач и грабительств и ссылке всех неистовых врагов: барона Шафирки, еврея, и многих других, он сидел и ждал суда и казни, а сам всё думал, сжав зубы:

«Отдам половину, отшучусь».

А выпив ренского, представлял уже некоторый сладостный город, свой собственный, и прибавлял:

– Но уж Батурин – мне.

А потом пошло всё хуже и хуже; и легко было понять, что может быть выем обеих ноздрей – каторга.

Оставалась одна надежда в этом упадке: было переведено много денег на Лондон и Амстердам, и впоследствии пригодятся.

Но кто родился под планетой Венерой – Брюс говорил про того: исполнение желаний и избавление из тесных мест. Вот сам и заболел.

Теперь Данилыч сидел и ждал: когда позовут? Михайловна всё молилась, чтоб уж поскорей.

И две ночи он уже так сидел в параде, во всей форме.

И вот, когда он так сидел и ждал, под вечер вошёл к нему слуга и сказал:

– Граф Растреллий, по особому делу.

– Что ж его черти принесли? – удивился герцог. – И графство его негодное.

Но вот уже входил сам граф Растреллий[24].

Его графство было не настоящее, а папежское: папа за что-то дал ему графство, или он это графство купил у папы, а сам он был не кто иной, как художник искусства. <…>

3

Его пропустили с подмастерьем, господином Лежандром. Господин Лежандр шёл по улицам с фонарём и освещал дорогу Растреллию, а потом внизу доложил, что просит пропустить к герцогу и его, подмастерья, господина Лежандра, потому что бойчей знает говорить по-немецки.

Их допустили. <…>

Граф Растреллий поклонился и произнёс, что дук[25] д'Ижора – изящный господин и великолепный покровитель искусств, отец их, и что он только для того и пришёл.

– Ваша алтесса[26] – отец всех искусств, – так передал это господин подмастерье Лежандр, но сказал вместо «искусств»: «штук», потому что знал польское слово – штука, обозначающее: искусство. <…>

Тут Растреллий сказал, а господин Лежандр пояснил:

– Дошло до его слуха, что когда император помрёт, то господин де Каравакк хочет делать с него маску, и господин де Каравакк не умеет делать масок, а маски с мёртвых умеет делать он, Растреллий.

Но тут Меншиков легонько вытянулся в креслах, воздушно соскочил с них и подбежал к двери. Заглянул за дверь и потом долго глядел в окошко; он смотрел, нет ли где изыскателей и доносителей.

Потом он приступил к Растреллию и сказал так:

– Ты что бредишь непотребные слова, относящиеся к самой персоне? Император жив и нынче получил облегчение.

Но тут граф Растреллий сильно махнул головой с отрицанием.

– Император, конечно, умрёт в четыре дня, – сказал он, – так говорил мне господин врач Лацаритти.

И тут же, поясняя речь, ткнул двумя толстыми и малыми пальцами вниз, в пол, – что именно в четыре дня император, конечно, пойдёт уже в землю.

И тут Данилыч почувствовал лёгкий озноб и потрясение, потому что никто ещё из посторонних так явно не говорил о царской смерти. Он почувствовал восторг, что как бы восторгают его над полом и он как бы возносится в воздухе над своим состоянием. Всё переменилось в нём. И уже за столом и в креслах сидел спокойный человек, отец искусств, который более не интересовался мелкой дачей.

Тут Растреллий сказал, а господин подмастерье Лежандр и министр Волков перевели, каждый по-своему:

– Он, Растреллий, это хочет для того сделать, что той любопытной маской он надеется приобрести большое внимание при иностранных дворах, и у Цесаря, равно как и во Франции. А зато обещается он, Растреллий, сделать маску и с самого герцога, когда тот умрёт, и согласен сделать ему портрет, медный, небольшой, с герцогской дочери.

– Ты ему скажи – я сам с него маску спущу, – сказал Данилыч, – а с дочки пусть сделает середней величины. Дурак.

И Растреллий обещался.

Но потом, потоптавшись, побулькав толстыми губами, он вытянул вдруг правую ручку – на правой ручке горели рубины и карбункулы – и стал говорить до того быстро, что Лежандр и Волков, открыв рты, стояли и ничего не переводили. Его речь была как пузырьки, которые всплывают на воде вокруг купающегося человека и так же быстро лопаются. Пузырьки всплывали и лопались – и наконец купающийся человек нырнул: граф Растреллий захлебнулся.

Потом герцогу доложили: есть искусство изящное и самое верное, так что нельзя портрет отличить от того человека, с которого портрет делан. Ни медь, ни бронза, ни самый мягкий свинец, ни левкос не идут против того вещества, из которого делают портреты художники этого искусства. Искусство это самое древнее и дольше всего держится, ещё со времён даже римских императоров. И вещество само лезет в руку, так оно лепко, и малейший выем или выпуклость оно всё передаёт, стоит надавить, или выпятить ладошкой, или влепить пальцем, или

вколупнуть стилем, а потом лицевать, гладить, обладить, обровнять, – и получается: великолепие.

Меншиков с беспокойством следил за пальцами Растреллия. Маленькие пальцы, кривые от холода и водки, красные, морщинистые, мяли воздушную глину. И, наконец, оказалось ещё следующее: лет двести назад нашли в итальянской земле девушку, девушка была как живая, и всё было как живое и сверху и сзади. То была, одни говорили, статуя работы известного мастера Рафаила, а другие говорили, что Андрея Верокия или Орсиния.

И тут Растреллий захохотал, как смеётся растущее дитя: его глаза скрылись, нос сморщился, и он крикнул, торопясь:

– Но то была Юлия, дочь известного Цицерона, живая, то есть не живая, но сама природа сделала со временем её тем веществом. – И Растреллий захлебнулся. – И это вещество – воск.

– Сколько за тую девку просят? – спросил герцог.

– Она непродажна, – сказал Лежандр.

– Она непродажна, – сказал Волков.

– То и говорить не стоит, – сказал герцог.

Но тут Растреллий поднял вверх малую, толстую руку.

– Скажите дуку Ижорскому, – приказал он, – что со всех великих государей, когда умирают, непременно делают по точной мерке такие восковые портреты. И есть портрет покойного короля Луи Четырнадцатого, и его делал славный мастер Антон Бенуа – мой учитель и наставник в этом деле, и теперь во всех европейских землях, больших и малых, остался для этого дела один мастер: и тот мастер – я.

И пальцем ткнул себя в грудь и поклонился широко и пышно дуку Ижорскому, Данилычу.

Спокойно сидел Данилыч и спросил у мастера:

– А ростом портрет велик ли?

Растреллий ответил:

– Портрет мелок, как сам покойный французский государь был мал; рот у него женский; нос как у орла клюв; но нижняя губа сильна и знатный подбородок. Одет он в кружева, и есть способ, чтоб он вскакивал и показывал рукой благоволение посетителям, потому что он стоит в музее.

Тут руки у Данилыча задвигались: он был малознающ в устройствах, но роскошен и любил вещи. Он не любил художества, а любил досужество. Но по привычке спросил, как бы из любознания:

– А махина внутри или приделана снаружи, и из стали или железная – или какая?

Но тут же махнул рукой и сказал:

– А обычай тот глуп, чтоб персоне вскакивать и всякому бездельнику оказывать честь, да и не время мне сейчас.

Но после краткого перевода Растреллий поймал воздух в кулак и так поднёс герцогу:

– Фортуна, – сказал он, – кто нечаянно ногой наступит – перед тем персона встанет, всё то есть испытание фортуны.

И тут наступило полное молчание. Тогда герцог Ижорский вынул из глубокого кармана серебряный футляр, достал из него зубочистку и почистил ею в зубах.

– А воск от литья, от фурмов[27] пушечных что остался, – на тот портрет годится? – спросил он потом.

Растреллий дал гордый ответ, что нет, не годится, нужен самый белый воск, но тут вошла Михайловна.

– Зовут, – сказала она.

И Данилыч, светлейший князь, встал, распоряжаться готовый. <…>

5

Всю ночь он трудился во сне, ему снились трудные сны.

А для кого трудился? – Для отечества.

Рукам его снилась ноша. Он эту ношу таскал с одного беспокойного места в другое, а ноги уставали, становились всё тоньше и стали под конец совсем тонкие. <…>

Он совсем проснулся.

Печь была натоплена с вечера так, что глазурь калилась и как на глазах лопалась, как будто потрескивала. Комната была малая, сухая, самый воздух лопался, как глазурь, от жары.

Ах, если б малую, сухую голову проняла бы фонтанная прохлада!

Чтобы фонтан напружился и переметнул свою струю – вот тогда разорвало бы болезнь.

А когда всё тело проснулось, оно поняло: Петру Михайлову приходит конец, самый конечный и скорый. Самое большее оставалась ему неделя. На меньшее он не соглашался, о меньшем он думать боялся. А Петром Михайловым он звал себя, когда любил или жалел.

И тогда глаза стали смотреть на синие голландские кафли, которые он выписал из Голландии, и здесь пробовал такие кафли завести, да не удалось, на эту печь, которая долго после него простоит, добрая печь.

Отчего те кафли не завелись? Он не вспомнил и смотрел на кафли, и смотрение было самое детское, безо всего.

Мельница ветряная,
и павильон с мостом,
и корабли трёхмачтовые.
И море. <…>

Дерево, кудрявое, похожее на китайское, коляска, в ней человек, а с той стороны башня, и флаг, и птицы летят.

Шалаш, и рядом девка большая, и сомнительно, может ли войти в шалаш, потому что не сделана пропорция.

Голландский монах, плешивый, под колючим деревом читает книгу. На нём толстая дерюга и сидит, оборотясь задом.

И море.

Голубятня, простая, с колонками, а колонки толстые, как колена. И статуи, и горшки. Собака позади, с женским лицом, лает. Птица сбоку делает на краул крылом.

Китайская пагода прохладная.

Два толстых человека на мосту, а мост на сваях, как на книжных переплётах. Голландское обыкновение.

Ещё мост, подъёмный, на цепях, а выем круглый.

Башня, сверху опущен крюк, на крюке верёвка, а на верёвке мотается кладь. Тащат. А внизу, в канале, лодка и три гребца, на них круглые шляпы, и они везут в лодке корову. И корова с большой головой и ряба, краплёная.

Пастух гонит рогатое стадо, а на горе деревья, колючие, шершавые, как собаки. Летний жар.

Замок, квадратный, старого образца, утки перед замком в заливе, и дерево накренилось. Норд-ост.

И море.

Разорённое строение или руины, и конное войско едет по песку, а стволы голые, и шатры рогатые.

И корабль трёхмачтовый и море.

И прощай, море, и прощай, печь.

Прощайте, прекрасные палаты, более не ходить по вас!

Прощай, верея[28], верейка! На тебе не отправляться к Сенату!

Не дожидайся! Команду распустить, жалованье выдать!

Прощайте, кортик с портупеей!

Кафтан!

Туфли!

Прощай, море! Сердитое!

Паруса тоже, прощайте!

Канаты просмоленные!

Морской ветер, устерсы!

Парусное дело, фабрические дворы, прощайте!

Дело навигацкое и ружейное!

И ты тоже прощай, шерстобитное дело и валяное дело! И дело мундира!

Ещё прощай, рудный розыск, горы, глубокие, с духотой!

В мыльню сходить, испа́риться!

Малвазии выпить доктора запрещают!..

Петергофский огород, прощай! Великолуцкие грабины, липы амстердамские! <…>

Прощай, Питер-Бас[29], господин капитан бомбардирской роты Пётр Михайлов!

От злой и внутренней секретной болезни умираю!

И неизвестно, на кого отечество, и хозяйство, и художества оставляю!

Он плакал без голоса в одеяло, а одеяло было лоскутное, из многих лоскутьев, бархатных, шёлковых и бумазейных, как у деревенских детей, тёплое. И оно промокло с нижнего краю. Колпак сполз с его широкой головы; голова была стриженая, солдатская, бритый лоб. <…>

А человек рядом, в каморке, замолчал, не скрыпит пером, на счетах не брякает. И не успеть ему на тот гнилой корень топор наложить. Прогнали уже, видно, того человечка из каморы, некому боле его докладов слушать.

Миновал ему срок, продали его, умирает солдатский сын Пётр Михайлов! <…>

6

А в ту ещё ночь в каморе, что рядом со спальной комнатой, – сидел за столом небольшой человек, рябоват, широколиц, невиден. Шелестел бумагами. Все бумаги были разложены по порядку, чтоб в любое время предстать в спальную комнату и рапортовать. <…>

И когда настала болезнь, позвали того невидного человека, и ему сказано: будь рядом, в каморке, со спального моей комнатою, сбоку, потому что не могу более ходить в твои места. А ты сиди и пиши и мне докладывай. А обед тебе туда в каморку будут подавать. А сиди и таись. Таись и пиши.

И после того ежедневно в каморке скрып-бряк – человек кидал на счёты огульные числа. И утром второго дня человек прошёл в спальную комнату тайком и рапортовал. После этого рапорта стало дёргать губу, и показалась пена. Человечек стоял и ждал. Он был терпеливый, пережидал, а голову держал набок. Невидный человек. Потом, когда губодерга поменьшела,

человечек поднял лоб, лоб был морщеный – и заметнул взгляд до самой персоны, даже до самых глаз, – и взгляд был простой, ресницы рыжи, этот взгляд бывалый. Тогда человек спросил, потише, как спрашивают о здоровье у хворого человека или у погорелого о доме:

– А как скажешь, сечь ли мне одни только сучья?

Но рот был неподвижен, не дёргался более и не отвечал ничего. А глаза были закрыты, и верно, начиналось внутреннее секретное грызение. Тогда рябой подумал, что тот не расслышал, и спросил ещё потише:

– А и скажешь ли наложить топор на весь корень?

А тот молчал, и этот всё стоял со своими бумагами.

Человек рябой, невидный. Мякинин Алексей.

Тогда глаза раскрылись, и тонкий голос, с трещиною, сказал Алексею Мякинину:

– Тли дотла.

А глаз закосил со страхом на Мякинина – показалось, что Мякинин жалеет. Но тот стоял – рыжий, пестрина шла у него по лицу, небольшой человек, спокойный, – служба.

И теперь человек всё прикидывал и пришивал толстою иглою, а утром докладывал – лоб на лоб. Бумаги у него были уже толстые. <…>

Дело первое было светлейшего князя, герцога Ижорского. И как отскрыпел, пришил к нему начало. А начало уже и раньше было – о знатных суммах, которые его светлость переправил в амстердамские и лионские кредиты. Но это начало так и осталось началом, а он пришил ещё другое, самое первое начало – тоже о знатных суммах, которые его светлость положил в Амстердаме и Лионе. Знатнейших суммах. А вспотел он оттого, что те немалые деньги переслала через его светлость в голландский Амстердам и к француженам в Лион не кто иной, как её самодержавие. Он весь вспотел. А потом заодно пришил ведомость ещё неизвестных и тайных дач через Вилима Ивановича, тоже данных её величеству. <…>

И утром пришёл к докладу: тот ещё спал. Он постоял на месте.

Потом глаз открыт, и тем дан знак, что слушает. И тихим голосом, даже не голосом, а как бы внутренним воркотаньем, у самого уха, доложено. Но глаз опять закрыт, и Мякинин думал, что лежит без памяти, и стоял, сомневаясь. Но тут покатилась слеза – и той слезой дан знак, что внял. А пальцами другой знак, и его не понял Мякинин: не то – уходить, не то, что нечего делать, нужно дальше следовать, не то как бы: мол, брось; теперь, мол, всё равно.

Он так и не понял, а ушёл в каморку, больше не скрыпел и счёты тихонько задвинул ногой. И ему забыли в тот день принести обед. Так он сидел голодный и спать не ложился. Потом услышал: что-то неладно, ходят там и шуршат, как на сеновале, а потом тихо – и всё не то. Под утро он вырвал тихонько всё, что пришил, разорвал на клоки и, осмотрясь, вложил в сапог. А числа цифирью записал в необыкновенном месте, на тот раз, что если придётся, то можно всё сызнова составить и доложить.

Через час толкнули дверь, и вошла Екатерина, её величество. Тогда Мякинин Алексей встал во фрунт. И пальцем её величество показала – уходить. Он было взялся за листы, но тут она положила на них свою руку. И посмотрела. И Мякинин Алексей, слова не сказав, пошёл вон. Дома пожёг в печке всё, что сунул в сапог. А цифирь осталась, только в непоказанном месте, и никто не поймёт.

И немало дел осталось в каморке.

Про великие утайки от кораблей и от судов, что строил, – это про генерал-адмирала господина Апраксина[30].

И почти про всех господ из Сената, кто сколько и за что. Но только с поминовением великих взяток и утаек, а про малые писать места нет. Как купцы прибытки прячут, про купцов Шустовых, которые даже до многих тысячей налоги не платят, а сами в нетях, бродят неведомо где под нищим образом. Как господа дворянство прячут хлеб и выжидают, чтоб более денег нажить, когда голод настанет, их имена и многое другое. Осталось и куда делось – об этом Мякинин не думал.

Он был рыжий, широколобый, не верховный господин. Если б не Павел Иванович Ягужинский, он бы век не сидел, может, в той каморке, и его бы оттуда не гнала сама Екатерина.

К утру три сенатора пошли в Сенат, и Сенат собрался и издал указ: выпустить многих колодников, которые сосланы на каторги, и освободить, чтоб молили о многолетнем здоровье величества.

Начались большие дела: хозяин ещё говорил, но более не мог гневаться. Ночью было послано за Данилычем, герцогом Ижорским. А он, уж из большого дворца, посылал к себе за своим военным секретарём Вюстом и сказал удвоить караулы в городе враз. Вюст враз удвоил.

И тогда все узнали, что скоро умрёт. <…>

Вопросы и задания

1. Что больше всего беспокоит умирающего Петра I?
2. Сопоставьте размышления Петра и Данилыча, герцога

Ижорского. Каким предстаёт в этой главе Меншиков? Что беспокоит его? О чём он думает? Какие детали в его портрете подчёркивает автор?

3. Как изменяется настроение Данилыча, когда ему говорят о близкой смерти императора?

4. Обратите особое внимание на как бы подслушанный автором предсмертный бред Петра. Какие чувства охватывают вас при чтении этих страниц? Как удаётся Тынянову вызвать у читателя эти чувства?

5. Проследим за движением мыслей Петра. Как воспринимает он «синие голландские кафли», на которые смотрит? Какие мысли возникают у него? Какое слово повторяется как рефрен? Почему оно выделено автором в особую строку?

6. Мысль Петра развивается не столько логически, сколько эмоционально; воспоминания наплывают одно за другим. Чем до́роги ему эти воспоминания? Что делает образ Петра не только величественным, но и трагическим?

7. Вся пятая часть главы пронизана лиризмом, читается как стихотворение в прозе. Попробуйте её так прочитать.

8. О каких «великих утайках» первых людей государства идёт речь во второй и шестой частях главы? Почему Петру не на кого оставить тот «немалый корабль», которому отдана вся жизнь?

Вопросы и задания ко всему тексту повести

▸1. Как удаётся Ю. Н. Тынянову погрузить читателей в атмосферу давно прошедшей Петровской эпохи?

2. Какие образы, на ваш взгляд, особенно ярко нарисованы в повести?

▸▸▸1. Обратимся к словам Ю. Н. Тынянова: «…Художественная литература отличается от истории не „выдумкой“, а „большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них“. Выразите своё отношение к высказыванию писателя, используя текст повести „Восковая персона“».

Марк Алданов (1886–1957)

Марк Алданов (Марк Александрович Ландау) прочно связал свою творческую судьбу с историческим романом. Однако его призвание определилось далеко не сразу. Юноша одновременно закончил два факультета Киевского университета: правовой и физико-математический, а затем парижский Коллеж социальных и экономических наук. Получив разностороннее образование, М. А. Ландау занимался исследовательской деятельностью.

Как автор литературных произведений Алданов дебютировал в 1915 году. Его первая книга – «Толстой и Роллан». В этой работе утверждалось значение творчества Толстого и признание «Войны и мира» как одной из лучших книг мировой литературы. Литературоведческий труд вызвал сочувственный отклик в печати, хотя была опубликована лишь первая часть, вторая же погибла в годы Гражданской войны.

Алданов не принял Октябрьской революции и активно противодействовал ей: в 1918 году он был секретарём делегации, которая пыталась достать оружие и деньги для борьбы за возрождение России. О деятельности этой комиссии он позже рассказал в очерке «Из воспоминаний секретаря одной делегации». Делегация не получила на Западе поддержки.

В 1919 году Алданов выезжает за рубеж. Во Франции в журнале «Современные записки» он печатает своё первое художественное произведение. Во время Второй мировой войны выехал в США и стал одним из создателей и постоянных авторов «Нового журнала». В 1947 году вернулся во Францию и поселился в Ницце.

«В молодости он был внешне элегантен, от него веяло каким-то подлинным благородством и аристократизмом», – писал современник. И. А. Бунин, который не раз выдвигал Алданова на Нобелевскую премию, называл его «последним джентльменом русской эмиграции».

Алданов ритмично и много писал. Его произведения переведены на двадцать четыре языка, но в Россию они стали возвращаться только с 1988 года.

Замысел исторических романов, повестей и пьес писателя был грандиозным и во многом осуществлённым. Он пытался в своих шестнадцати романах охватить двести лет истории не только России, но и всей Европы, останавливая особое внимание на войнах и революциях. Так, в тетралогию «Мыслитель»,

воссоздавшую эпоху Великой французской революции, входят четыре романа: «Девятое термидора», «Чёртов мост», «Заговор» и «Святая Елена, маленький остров». Следом за завершением этой тетралогии писатель обратился к созданию трилогии, посвящённой судьбам русской революции 1917 года: романы «Ключ», «Бегство», «Пещера». В этой трилогии герои – вымышленные персонажи. Автор утверждал в своём предисловии к роману «Бегство», что он стремится показать, как «на фоне перешедших в историю событий проявляются характеры людей».

Однако в большинстве его произведений играют активную роль исторические лица. Так, в тетралогии «Мыслитель» создана целая галерея исторических портретов: Екатерина II, Павел I, Александр I, Суворов, Воронцов, Робеспьер, Талейран, Нельсон…

Критики не раз говорили, что в произведениях Алданова портреты подлинных исторических героев отличаются особенной яркостью и убедительностью: они превосходят героев вымышленных, что не так часто бывает в исторических романах.

Алданов убеждён, что государственные деятели и полководцы, как правило, не выше, не умнее, не талантливее простых смертных. Иное дело – крупные художники. Хотя и они лишены у писателя романтического ореола, но в свой «звёздный час» обретают подлинное величие. Это Микеланджело в «Бельведерском торсе», Ломоносов в «Пуншевой водке», Байрон в «Могиле воина», Бетховен в «Десятой симфонии», Бальзак в «Повести о смерти».

Как публицист Алданов создал большое количество очерков-портретов, которые частично собраны в книгах: «Современники», «Портреты», «Земля, люди». Он писал о Гитлере и Сталине так, как в то время ещё не могли их увидеть ни друзья, ни враги.

Сам автор рекомендовал своему читателю, который бы «хотел и имел терпение», ознакомиться с его произведениями, прочитать их в том порядке, который бы следовал ходу истории (эту последовательность и годы обозначил сам Алданов): «Пуншевая водка» (1762), «Девятое термидора» (1792–1794), «Чёртов мост» (1796–1799), «Заговор» (1800–1801), «Святая Елена, маленький остров» (1821), «Могила воина» (1824), «Десятая симфония» (1815–1854), «Повесть о смерти» (1847–1850), «Истоки» (1874–1881), «Ключ» (1916–1917), «Бегство» (1918), «Пещера» (1919–1920), «Начало конца» (1937), «Освобождение» (1948) (вышел в свет под названием «Живи как хочешь»). К этому списку, составленному автором, можно добавить и его последние произведения, изданные после смерти автора, – роман «Самоубийство», в котором появляется Ленин, повесть «Бред», события которой завершаются в 1953 году.

Приведём несколько фрагментов заключительной четвёртой части романа «Чёртов мост», где изображена победа А. В. Суворова, запечатлён подвиг российской армии.

Справка. *Суворов Александр Васильевич* (1730–1800) – граф Рымникский, князь Италийский, генералиссимус. В 1799 году блестяще провёл Итальянский и Швейцарский походы, разбив французские войска на реках Альба и Требия и при Нови, а затем перешёл Альпы и вышел из окружения. Автор военно-теоретических работ («Наука побеждать»).

Чёртов мост. (*Фрагменты*)

После победы Суворова при Нови многим, не только в союзных странах, но и в самой Франции, казалось, что революции пришёл конец. Французы были вытеснены из Италии, лучшие их армии потерпели решительное поражение, неприступные крепости находились в руках союзников, и впервые после семи лет война приближалась к французской территории. Все предполагали, что в самом близком будущем Суворов вторгнется во Францию. Богатые англичане заключали даже между собой пари о том, через какое время русский фельдмаршал возьмёт Париж и восстановит династию Бурбонов…

Суворов после сражения при Нови достиг высшего предела славы, при котором именем человека начинают называть шляпы, пироги, причёски, улицы. Всё это и делалось в ту пору в Европе, особенно в Англии, где на обедах тост в честь Суворова провозглашался немедленно вслед за здоровьем короля. Говорили о непобедимом русском фельдмаршале больше, чем о каком бы то ни было другом человеке на земле. <…>

Итак, перед российской армией Чёртов мост.

Суворов всю дорогу ехал верхом впереди, в старом плаще, который в армии именовался родительским. В самых ужасных местах фельдмаршал проезжал над пропастями так же хладнокровно, как проходили над ними тавернские мулы. Он и теперь не остался на ночь в убежище, а, пообедав с монахами, в сопровождении проводника Гаммы и конвоя зачем-то вернулся в Айроло, – говорили, по делу, но скорее всего для того, чтобы ободрить своим примером солдат, которых сильно напугали Альпы, или чтобы крепче закалить самого себя (ему ещё казалось мало). Об этом возвращении семидесятилетнего старика по такой дороге тёмной ночью Штааль не мог подумать без смешанного чувства ужаса, удивления и гордости. «Нет предела человеческой храбрости… Да, всё беспредельно в людях…», – думал Штааль… «Чудеса храбрости, чудеса стойкости, зверства, самоотвержения,

жестокости, безумия – это и есть война… Такова и жизнь, только в ней всё мельче. Война – ускоренная, удесятерённая жизнь…»

Чёртов мост считался самым опасным местом похода… Главное было уцелеть на Чёртовом мосту. До него теперь было совсем близко. Офицеры знали от проводников общее устройство этого места. Сначала шла длинная узкая дыра, пробитая в горе… Она вела в Чёртову долину. Там над водопадом был переброшен мост. «Да, скорее всего, завтра в этой дыре и убьют», – думал Штааль. Мысль эта теперь не была ему неприятна. «Ну и убьют, одним будет меньше», – презрительно сказал он вслух. В душе он не верил, что будет убит, и думал о предстоящем дне не как о конце жизни, а, напротив, как о начале чего-то нового. Само название Чёртов мост ему нравилось и волновало его, будто этот мост был какой-то аллегорический, вроде тех, что бывают в старых умных книгах. «Да, мост в новую жизнь… Разве я знал прежде, что такое жизнь?» <…>

Покатые зелёные горы, вдоль которых шла Андерматская дорога, сменились страшной цепью голых отвесных непроходимых скал. Шагах в трёхстах от Штааля высилась гигантская стена. «Так вот что!» – чуть не вскрикнул он. Внизу стены, в том самом месте, где в неё упиралась дорога, чернело отверстие. «Дыра смерти!» – бледнея, сказал офицер рядом со Штаалем. Впереди ревел водопад. Но его не было видно. Как раз в этом месте, у поворота дороги, слева, пересекая луг, неожиданно, непонятно откуда, появлялась за минуту до этого незаметная, неглубокая река. Она круто поворачивала вдоль дороги и, сверкая пеной, торопливо пробиралась по камням к отвесной стене. «Вот она, Русса!» – сказал кто-то…

В эту минуту по лугу сзади, недалеко от того места, где находился Штааль, медленно выехал мелкой рысью казачий отряд. Сигнала не было, но все сразу почувствовали, что это атака. Обогнув мушкетёров Мансурова, отряд съехал с луга на дорогу. Штааль, никогда не видавший, как идут в атаку казаки, жадно переводил взор с отряда на чёрную дыру подземелья.

– Да ведь это безумие! Нельзя туда ворваться верхом, они головы разобьют о скалы! – сказал он, переводя глаза с дыры на растягивающийся отряд и обратно. Рысь всё ускорялась и перешла в галоп. Средневековые люди, стоя в стременах, согнувшись, слились с конями. Вдруг у первых трёх казаков пики точно сами вырвались из бушметов, за ними шашки сверкнули в воздухе, галоп перешёл в дикий карьер, и в ту же секунду раздался дикий нечеловеческий визг. «Печенеги!» – промелькнуло в голове у Штааля. Центавры с воем неслись к Урнскому подземелью. Штааль ещё видел, как перед чёрной дырой первый

казак наклонился ниже и, выронив пику, исчез. И тотчас, покрывая рёв водопада, вой казаков, нёсшееся сзади «ура!», что-то со страшным треском прокатилось по ущелью. Эхо подхватило и понесло между гор звук картечи и быструю стрекотню ружейной стрельбы. <…>

Сверху, слева «ура!» понеслось по ущелью. На тропинке показался фельдмаршал. Он оглядел всё медленным сумрачным взглядом и хмуро пошёл по направлению к мосту. Офицеры и солдаты, прижавшись спинами к скалам, надрывались от восторженного крика. Рядом с Суворовым, со стороны пропасти, видимо не совсем трезвый, шёл Прохор Дубасов и ругался самыми ужасными словами.

Фельдмаршал не бежал вприпрыжку, как обычно, и ничего не бормотал про себя. Молча, не отвечал на приветствия, не глядя по сторонам, не обращая внимания на выстрелы, Суворов шёл нервной походкой, с лицом измученным и искажённым. Он походил на человека, который только что, после долгих часов, сбросил тяжёлую давящую маску… Штааль не сводил с него воспалённых глаз. За фельдмаршалом следовало несколько генералов. Розенберг, нагибаясь вперёд, что-то говорил старику. Суворов вдруг остановился и вскрикнул:

– Где проходит олень, там пройдём и мы!..

Он ускорил шаги, наклонив голову и схватившись рукой за круглую шляпу.

Ледяной ветер выл в Чёртовой долине.

Вопросы и задания для обсуждения

1. Какие события организуют сюжет романа?
2. Какое место в развитии воинских событий занимает описание ведущих сражение полководцев?
3. Что объясняет победу российского войска в этом походе?
4. Какую роль в ходе событий играет случай, как его понимает автор?

1. Какие моменты воинской эпопеи особенно подробно описывает автор?
2. Какие приёмы помогают воссоздать очерк характеров столь различных и при этом талантливых организаторов сражения?
3. Какие приёмы использует каждый из полководцев для подготовки армии к сражению? Сравните, что делает Жюбер и что делает Суворов, чтобы создать нужный настрой у своей армии перед боем. Можно внимательно рассмотреть главу III четвёртой части и дать анализ того, что делал Суворов в ночь перед боем.

4. Какую роль играет описание пейзажа (ночь перед боем)?

5. Опишите размышления Жюбера в ночь перед боем. Можно ли считать, что этот эпизод содержит внутренний монолог героя?

6. Какими средствами достигает автор яркости и драматизма описания решающего сражения – кульминации романа?

1. Составьте план всей четвёртой части или только одной главы этой части. Можно выбрать главу I, которую озаглавим «Ночь перед боем».

2. Опишите сменяющие друг друга сцены битвы на Чёртовом мосту:

а) Суворов на пути к Чёртову мосту;
б) описание событий глазами Юрия Штааля;
в) финал.

3. Создайте краткий рассказ-очерк о герое романа Суворове как человеке и как полководце.

4. Дайте свой комментарий названию романа.

Борис Львович Васильев (1924–2013)

Роман Бориса Львовича Васильева посвящён событиям конца XIX столетия, центральным из которых является коронация последнего русского императора Николая II и связанная с этим торжеством трагедия, разыгравшаяся в Москве на Ходынском поле. На этом историческом фоне обрисованы различные судьбы представителей русской интеллигенции, их поиски смысла жизни, возможности приносить пользу России. Васильев очень внимательно изучает взгляды интеллигенции: чувство ответственности за настоящее и будущее родины, оценку окружающего. Ведь мнение интеллигенции по поводу исторических событий нередко существенно отличается от позиций официальных властей.

Среди исторических лиц, воссозданных в романе, – государь император Николай II, члены царской семьи, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, его жена Елисавета Фёдоровна (впоследствии канонизированная за благочестие, огромную благотворительную деятельность и мученическую смерть, принятую во время революции), террористы Иван Каляев и Борис Савинков, журналист и беллетрист Василий Иванович Немирович-Данченко. Они действуют в романе вместе с вымышленными персонажами Олексиными, Хомяковыми, Вологодовым, Беневоленским и другими, среди которых главное место принадлежит Наденьке Олексиной.

Все события в романе сконцентрированы вокруг семьи Хомяковых – Олексиных. Небольшая предыстория вводит читателей в круг основных лиц и семейных отношений, знакомит с их в основном трагическими судьбами. В этой семье есть военные, среди них генерал Фёдор Иванович, приближённый к императорскому двору, последователь философских учений Льва Толстого Василий Иванович, увлёкшаяся народовольческими идеями Маша (она погибла задолго до описываемых в романе событий и является персонажем внесюжетным, но весьма значительным). Видное место занимает вышедший из народа предприниматель Хомяков, муж Варвары Олексиной. Главная героиня Наденька стремится к писательской и журналистской деятельности.

Кульминационным событием для личных судеб героев романа, в особенности для Наденьки и Ивана Каляева, стала ходынская трагедия, жертвой которой чуть не стала главная

героиня. Развязкой сюжетной линии Надежды Олексиной стала её поездка в Соловецкий монастырь, исповедь перед иконой Божьей Матери «Утоли моя печали…» и бракосочетание с Викентием Корнелиевичем Вологодовым.

Главный вопрос, который ставит перед читателями автор: каким путём пойдёт дальше многострадальная Россия, – остаётся открытым.

«Утоли моя печали…». *В сокращении*

Глава вторая

6

<…> В следующем окне была открыта форточка и распахнуты шторы. Девушки подкрались, осторожно заглянули.

Это была гостиная. В креслах уютно покуривали Беневоленский и Иван.

– При семидневной обороне Шипки я окончательно понял, сколь опасна революция для России. Представь себе обезумевшую толпу под зелёным знаменем Пророка и столь же обезумевшую – под русским знаменем. Я всё время видел перед глазами эти толпы вооружённых людей, когда залечивал отпиленную по локоть руку.

– Ты не прав, Аверьян. То была война за свободу.

– Я не говорю об оценках, поскольку то, что одна сторона считает плюсом, противоположная считает минусом, и наоборот. Я говорю об ожесточении людей. Безумном, неуправляемом ожесточении… Великая Французская революция тоже была борьбой за свободу, но сколь же кровава и жестока она была. А революция в России обречена на ещё большую кровь.

– Мы, по-твоему, более жестоки?

– Три четверти нашего народа обижали, угнетали и держали в нищете добрые полтысячи лет. Такое не забывается, Иван, вспомни разинщину и пугачёвщину.

– Когда это было…

– Вчера, – строго сказал Беневоленский. – Народ не знает истории, для него существует только вчера и сегодня. И – завтра, если в этом «завтра» ему пообещают молочные реки и кисельные берега.

Феничка разочарованно вздохнула:

– Скушно, барышня…

– Подожди, – строго шепнула Надя.

– …В городах станут вешать генералов и сановников, в деревнях – помещиков, в российской глухомани – офицеров и чиновников. Россия не просто огромна и косматa, как мамонт, – Россия раздроблена. Две столицы и сотни губернских городов, губернские города и уезды, уезды и миллионы деревень, хуторов, аулов, кишлаков. И в каждом – свой уклад, свои отношения, свои начальники, чиновники, богачи и бедняки. И везде, везде решительно господство произвола, а не закона. Произвола, Иван, а произвол порождает обиженных. И толпы этих обиженных ринутся давить обидчиков, как только почувствуют безнаказанность. Поэтому бороться за свободу у нас можно только постепенно, только парламентским путём…

– При отсутствии парламента? – усмехнулся Иван.

– Вот! – громко сказал Аверьян Леонидович. – Ты сам обозначил первый пункт программы: борьба за конституционную монархию как первую ступень буржуазной демократической революции. А далее – только через Государственную думу, или как там ещё будет называться этот выборный орган. Иначе – неминуемый бунт. Бессмысленный и беспощадный, как бессмысленна и беспощадна сама толпа…

– Хватит с нас, – задыхаясь, сказала Наденька.

– А как же курица? – спросила Феничка. – Я чёрную принесла, у меня в корзинке сидит.

– Мы узнали то, что нас ожидает, – строго пояснила Надя. – Осталось разгадать. Ступай к себе и разгадывай. Только сначала зажги лампу и погаси свечки.

– Покойной ночи, барышня, – радостно сказала горничная, видевшая в гадании очередную барскую причуду.

– Спокойной ночи.

Наденька разделась, накинула ночную рубашку, забралась под одеяло и начала размышлять над услышанным. Но мысли разбегались и путались, и через несколько минут она уже сладко спала. <…>

Вопросы и задания

1. Какое значение имеет прочитанный вами эпизод в романе? Интересен ли он читателю и если да, то чем?

2. Как получилось, что диалог Беневоленского и Ивана был подслушан у окна гадающими девушками?

3. Почему Надя отказалась продолжать гадание? Какова была её реакция на услышанное?

Из какого литературного произведения, изученного вами в

этом учебном году, в диалог героев включена известная цитата? В чём её смысл в обсуждаемой ситуации?

▶▶▶Аверьян Леонидович – муж погибшей Маши Олексиной, в прошлом придерживался революционных убеждений, но террор не принял. Этот диалог свидетельствует об изменении его позиций, отказе от революционных идей вообще. Основываясь на прочитанном, подумайте, чем вызвано его неприятие революции для России.

Глава шестая

2

Девушкам не удалось ни встретиться с Ваней Каляевым, ни самим увидеть весь торжественный церемониал коронации. Однако учитывая, что эта коронация оказалась последней в истории России, автору представляется, что об этом событии следует рассказать подробно. Так, как оно было описано в газетах и журналах того времени, ничего не прибавляя, но ничего и не убавляя.

Священная коронация Их Императорских Величеств

«Ко дню, назначенному для коронации, двор между Кремлёвским дворцом и соборами и внутренность Успенского собора приняли совершенно особый, своеобразный вид. От Красного крыльца к Успенскому собору и от Успенского собора к Архангельскому, вокруг колокольни Ивана Великого, а из Архангельского собора к Благовещенскому устроены были особые широкие (в рост человека поднятые над землёй) помосты, с перилами, крытые красным сукном. Внутри собора, на средине, возвышенное место, обитое также красным сукном, и на том месте поставлены два древних царских трона, к которым из алтарного амвона ведут двенадцать ступеней, устланные бархатом и богатейшими коврами. Сверху, над этими царскими тронами, из коих один предназначается для Императора, а другой для Императрицы, опускается обширный, висячий, великолепно разукрашенный золотом бархатный балдахин, подвешенный на особых связях к цепи, укреплённой в сводах собора. Около Императорского трона ставится на том же возвышении стол для возложения на нём регалий во время самого „чина величания“.

Эти регалии, в канун коронования, переносились торжественно из Оружейной палаты сначала во дворец, а потом в Успенский собор.

В день, назначенный для коронации, съезд и сбор лиц, назначенных к участию в коронационных церемониях или допущенных к присутствованию в Успенском соборе, начинался в семь часов утра и ранее. Торжественный благовест во всех церквах и определённое число выстрелов из орудий в девятом часу утра возвещали всему городу о начале высокознаменательных торжеств.

В девять часов утра Император и Императрица, сопровождаемые своими ближайшими родственниками и окружённые свитою из первейших сановников государства, направляются из Кремлёвского дворца Красным крыльцом и помостом к Успенскому собору.

Высшие представители духовенства – митрополиты и архиереи, с соборным духовенством и клиром, встречают Государя и Государыню на рундуке собора у входных дверей. Старший из митрополитов приветствует Императора краткою речью, после чего подносит Ему крест и кропит святой водою. Певчие поют в это время 100-й псалом: „Милость и суд воспою Тебе, Господи!“

Затем Император и Императрица троекратно преклоняются перед Царскими вратами, прикладываются к местным иконам и восходят на тронное место, около которого все лица, участвующие в церемонии, располагаются в строгом порядке, по церемониалу.

Тогда старший из митрополитов, приступая к Государю, произносит:

„Понеже благоволением Божиим и действием Святаго и Всеосвящающаго Духа и Вашим изволением, имеет ныне в сём первопрестольном храме совершитися Императорское Вашего Величества Коронование и от святаго мира помазание; того ради, по обычаю древних христианских Монархов и Благовенчанных Ваших Предков, да благоволит Величество Ваше, и слуг верных подданных Ваших, исповедати Православно-Кафолическую Веру – како веруеши?“

В ответ на это Император по книге, поданной митрополитом, читает „Символ Веры“.

Митрополит по прочтении Государем „Символа Веры“ возглашает:

„Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою. Аминь“.

И сходит с тронного места, а протодиакон после обычного начала приступает к великой ектении.

Когда пропоют тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя“, – следует чтение пророчества Исаии:

„Тако глаголет Господь: радуйтеся небеса, и веселися земле,

да отверзут горы веселие и холми радость, яко помилова Господь люди Своя, и смиренныя людей Своих утеши“ и т. д.

Затем, после прокимна: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь“, читается послание святого Апостола Павла к римлянам (глава Тринадцатая, 1–7: о повиновении властям).

За чтением „Послания“ следует чтение св. Евангелия от Матфея (глава Двадцать первая, 15–22: „воздадите убо Кесарево – Кесареви, Божие – Богови“).

Затем два митрополита всходят на тронное место, Император снимает с себя простую цепь Андрея Первозваннаго и повелевает возложить на себя Императорскую порфиру с принадлежащей к ней алмазной цепью того же ордена. По возложении порфиры Император преклоняет голову. Митрополит осеняет верх главы Государя крестным знамением, крестообразно возлагает на оную руки и произносит во всеуслышание, по положению, две молитвы:

1. „Господи Боже наш, Царю царствующих и Господи господствующих, иже чрез Самуила пророка избравый раба своего Давида и помазавый в цари над людом Твоим Израилем. Сам и ныне услыши моление нас недостойных и призри от Святаго Жилища Твоего на верного раба Твоего Великаго Государя Николая Александровича“.

2. „Тебе Единому Царю человеков поклони выю с нами, Благоверный Государь, Ему же земное Царство от тебе вверено“.

По прочтении второй молитвы Император повелевает подать себе большую Императорскую корону. Митрополит принимает корону от ассистентов и представляет её Его Величеству. Государь Император берёт корону в обе руки и возлагает её на главу Свою, при чём митрополит произносит:

„Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

И засим митрополит читает по книге установленную следующую речь:

„Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение явный образ есть, яко Тебя, Главу Всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостынным утверждая Тебе Владычественную и Верховную власть над людьми Своими“.

По окончании этой речи Государь повелевает подать Ему скипетр и державу, и митрополит подаёт Ему в правую руку скипетр, а в левую – державу, произнося то же, что и при поднесении короны, и вновь произносит по книге следующую речь:

„О, Богом Венчанный, и Богом Дарованный, и Богом Преукрашенный, Благочестивейший Самодержавнейший Великий Государь Император Всероссийский, приими Скипетр и Державу,

еже есть видимый образ данного Тебе от Всевышняго над людьми Своими Самодержавия к управлению их и ко устроению всякого желаемого им благополучия“.

По окончании этой речи Государь, приняв скипетр и державу, садится на престол. <…>

Когда звон и пальба прекратятся и в соборе вновь воцарится тишина, Государь поднимается с престола, отлагает скипетр и державу, преклоняет колена и по книге, поданной митрополитом, читает следующую установленную молитву:

„Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим, и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде! Ты избрал Мя еси Царя и Судию людем Твоим. Исповедую неизследимое Твое о Мне смотрение и, благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседящая престолу Твоему премудрость. Поелико с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право по заповедем Твоим. Буди сердце Мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе вручённых Мне людей, и ко славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово: милостию и щедротами единороднаго Сына Твоего, с Ним же благословен еси со Пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, во веки, аминь“.

После этой молитвы Государь становится перед троном, а митрополит и все присутствующие в храме, кроме Государя, преклоняют колени, и митрополит от лица всего народа произносит молитву за здравие Государя, прося Ему у Бога дарования всех благ. Вслед за этою молитвою митрополит обращается к Государю с краткою приветственною речью. <…>

Святых тайн Государь приобщается в алтаре, перед святой Трапезою, по „чину царскому“, как священнослужители, то есть особо Тела и особо Крови Христовой. Государыня приобщается у царских врат, обычным порядком.

После приобщения и Государь, и Государыня возвращаются на тронное место, к престолам Своим. Следуют благодарственная причастныя молитвы, отпуск и многолетие. В заключение литургии митрополит подносит Их Императорским Величествам крест, и Государь, и Государыня к нему прикладываются. После этого Государь возлагает на Себя корону, берёт скипетр и державу. Все присутствующие в соборе, не сходя со своих мест, троекратным поклоном приносят Их Величествам поздравление с благополучно совершившимся коронованием и святым миропомазанием.» <…>

Так торжественно и благостно звучало описание коронации в журналах и газетах того времени. Но в дневниках и письмах свидетели были куда откровеннее:

«…Корона царя так была велика, что ему приходилось её поддерживать, чтобы она совсем не свалилась…»

«…Бледный, утомлённый, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжёлой парчовой, подбитой горностаем, неуклюжею порфирою, Николай Второй казался не величавым императором всея Руси, не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленных представителей всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актёром в роли императора…» <…>

Вопросы и задания

1. Почему автор даёт столь подробное описание коронации Николая II?

2. Каково отношение автора к описываемой церемонии? Как оно выражено в подборе материала, кратком комментарии и письмах свидетелей?

3. Почему в описание коронации обильно включены тексты из Священного Писания, молитвы, прочитанной государем, и т. д.? Каково их значение в описании коронации и в композиции всего романа?

Глава седьмая

4

Перед ними стояла толпа. Стояла молча, странно раскачиваясь, и из глубины её то и дело раздавались стоны и крики. По головам тесно – плечом к плечу, руками не шевельнёшь – зажатых, сдавленных людей порою уже лезли мальчишки, а то и вполне взрослые парни, упираясь сапогами во что придётся. В беззащитные лица, затылки, спины, плечи. А толпа стонала и раскачивалась, раскачивалась и стонала, не двигаясь с места.

– Назад! – крикнула Феничка. – Назад, барышня! В овраге спрячемся, беда будет, беда…

Они повернули назад, но пробежали немного, потому что из оврага выросла вдруг задыхающаяся, распаренная крутым

подъёмом живая человеческая волна. Девушки сразу остановились, но увернуться от людского потока им уже не удалось. Овражная масса подхватила их, втянула, всосала в себя и помчала туда, куда рвалась сама. Их закружило, оторвало друг от друга…

– Барышня-а!.. – отчаянно, изо всех сил закричала Феничка, но Надя уже не видела её.

Потом говорили, что как раз в этот момент раздались револьверные выстрелы. Полицейский офицер, заметив обе толпы – стоявшую и бегущую от оврага, – выпалил для острастки несколько раз в воздух, заорав во всю мочь:

– Выдавай подарки! Выдавай! Сомнут!..

Этот выкрик послужил командой не столько буфетчикам, сколько тесно спрессованной, стонущей, топчущейся на месте толпе. Она ринулась вперёд, разбрасывая полицейскую шеренгу. И полицейские со всех ног бросились врассыпную, спасая собственные жизни. Буфетчики начали разбрасывать узелки с подарками прямо в наседающую массу, раздались дикие крики, затрещали доски самих буфетов.

А солдат, от которых прятались в овраге и под защиту которых так хотела пробраться Феничка, вообще не было. Они ещё не успели подойти к началу официальной раздачи, потому что было только шесть часов утра…

Надю разворачивало и вертело в стремнине ещё не утрамбованной толпы. Внутри неё пока ещё сохранялась крохотная свобода, позволявшая шевелить руками и даже чуть сдвигаться из одного ревущего ряда в другой, но уже не дававшая никакой возможности вырваться наружу. Пока все – красные, с распаренными лицами – ещё дышали полной грудью, жадно хватая воздух широко разинутыми ртами. И при этой относительной свободе овражная толпа, захватившая Надю и набравшая изрядную инерцию движения, врезалась в толпу, появившуюся из Петровского парка. Долго топтавшуюся на месте, долго терпевшую немыслимую тесноту и только-только начавшую двигаться после полицейской команды начать раздачу царских подарков. Удар свежей волны вызвал давку и суматоху, Надю опять куда-то развернуло, прижало к чему-то странно податливому, почти мягкому…

– Мёртвая!.. – дико закричала она, скошенным взглядом на миг единый увидев багрово-синее, раздутое женское лицо с вытаращенными глазами, с запёкшейся в ноздрях и на подбородке кровью. – Мёртвая тут! Мёртвая!..

Рванулась изо всех сил, вцепилась в чью-то синюю чуйку.

– Держись за мной, девка, – хрипло выдохнула чуйка, не оглядываясь. – Руки в кулаки сожми, упри их перед животом. И не опускай! И ногами семени, не отрывай от земли, семени ногами. Споткнёшься – затопчут…

Двое парнишек быстро-быстро проползли поверх стиснутой людской массы, упираясь босыми ногами в головы, лица, плечи. Голая нога лягнула Надю, сбив шляпку, и тут же исчезла, торопясь туда, где буфетчики, не глядя, торопливо метали узелки с подарками прямо в народ, увеличивая толкотню, сумятицу и острое желание во что бы то ни стало ухватить заветный царский дар.

Их несло на цепочку дощатых буфетов, на трупы, что уже копились перед ними, куда все так стремились, где совсем недавно так строго блюли очередь, грубо прогнав Надю с Феничкой. Теперь эта очередь, вжатая в неструганый тёс буфетов, притиснутая к ним, расплющенная, задушенная, истоптанная и раздавленная, лежала на земле. Напор сзади был столь велик, столь зверино безжалостен и неодолим, что в одурманенной ужасом голове Нади с чистой, пронзительной ясностью мелькнуло вдруг: «Вот и всё…» <…>

Поток, в который попала Надя, – а таких отдельных потоков образовалось много, семенил, точнее, бежал, семеня изо всех сил, молча. Слышалось только громкое, единое по вдохам и выдохам дыхание, точно бежали не люди, даже не стадо, а – зверь. Косматый и беспощадный зверь, сотворённый растерявшими облик человеческий и уже озверевшими людьми.

«…по образу и подобию Божьему…»

Уже не было этого. Не было ни образа, ни подобия, уже зачалось иное создание по иному образу и по иному подобию. Ещё дико кричали, рыдали, стонали последними стонами, хрипели последними хрипами и ругались последними словами где-то в головах этой гигантской гидры, рвущейся к самоубийству…

Но Надя слышала только единое, короткое, частое, как у загнанной лошади, дыхание толпы. И ещё – стоны. Такие же короткие, как вдох и выдох, и поэтому Надя порою слышала слова бегущей впереди спины:

– Кулаки… Кулаки топорщи, девка… И никого вперёд не пускай…

Пустить кого-либо было невозможно ни вперёд, ни назад. Все бежали тело к телу, и Надя бежала как все, уткнувшись лицом в широкую, как телега, спину, вдыхая резкий запах насквозь пропотевшей чуйки и уже не ощущая, что её пот течёт по лицу, разъедая глаза, или того, что семенил впереди. Слёзы и пот не

давали смотреть, перед нею была только спина и ничего более. Ни головы, ни рук, ни ног. Только мокрая, липкая от пота спина… <…> Густое облако жёлтой пыли уже поднялось над десятками тысяч людей, вовлечённых в единый семенящий бег по бесконечным кругам между разгромленными буфетами, за которыми начинался никем не огороженный овраг на юге; крепкими балаганами, построенными для народного увеселения, на востоке; потоком людей, всё ещё двигавшимся из Воскресенской рощи, на севере и Петербургским шоссе, огороженным канатами, на западе. Но и с юга, из Москвы, и с севера, из Всехсвятского, и с запада, из Петровского парка, безостановочно шли толпы, жаждущие царских подарков и дармового пива. И если первые ряды и могли разглядеть в густом облаке пыли, что происходит на предназначенной для народного гулянья площадке Ходынского поля, то остановиться они уже не могли. Сзади напирала толпа, которая ничего не видела, ничего не понимала и ничего не желала понимать. И здесь образовывались свои потоки, часть которых смогла увернуться до того, как врезаться в безумное кружение, а часть не смогла, была подхвачена, вовлечена, свежим напором сбивая уже образовавшиеся круги. Это стало причиной внезапно возникавших людских коловращений, изменений движения, а то и вращающихся живых воронок, всасывающих в себя вращения тех, кто оказывался по краям. <…>

– Карусели!.. – вдруг дико закричали впереди. – Карусели тут, люди добрые! Карусели!..

Яркое полотнище карусельной крыши закачалось перед Надей. Раздались нечеловеческие вопли, с треском рушились надломленные людским напором столбы, цветной шатёр пополз вниз и рухнул, накрыв тех, кто оказался рядом. Край его, утяжелённый толстой пеньковой верёвкой, с силой ударил по лицу, но Надя не почувствовала боли. Ужас был настолько бесчувственно огромен, настолько объял всю душу её, что она рванулась из-под полотнища в отчаянном последнем усилии. И спина в промокшей чуйке рванулась туда же, и они выскользнули оба, и та же спина вновь оказалась перед нею. И даже хрипло выдохнула:

– Цела, девка?.. <…>

Хуже всего здесь приходилось тем, кто оказывался в крайних рядах. За них, как за зубья шестерён, невольно цеплялись из сопредельного ряда, выбивая из гнезда, увлекая за собой. И Надю зацепило это встречное движение, выворотило из её строя, её потока, её ряда, оторвало от спасительной пропотевшей чуйки,

завертело на одном месте, но кулаков, сжатых перед животом, она не убирала, несмотря на то, что и вертели-то её те, кто натыкался на них. Не потому, что помнила слова «кулаки упри, девка!» – ничего она сейчас уже не помнила и ничего не соображала, – а потому, что инстинкт самосохранения повелевал действовать именно так. И он же категорически запрещал самостоятельно предпринимать что бы то ни было. Пытаться вырваться, развернуться в иную сторону, выбрать свою скорость и своё направление. Нет, нет, она должна была, обречена была подчиняться только общим законам, тем, по которым существовала вся эта обезумевшая толпа: поворачиваться вместе со всеми, дышать вместе со всеми и покорно семенить туда, куда в данный момент семенило всё это огромное, потное, жадно хватавшее широко разинутыми ртами пропылённый воздух людское скопище. Нельзя было кричать, потому что от крика срывалось дыхание, нельзя было шевелиться, потому что ломался единый ритм, нельзя было даже плакать, потому что давка и ужас давно превратили её слёзы в обильный пот, который коркой настывал на лице, ручьями тёк по груди, по спине, по животу, по бёдрам. <…>

Наконец какой-то из рядов зацепил Надю и потащил за собой, потому что она упорно не опускала сжатых перед животом кулаков. К счастью, её поволокло, развернув лицом в сторону нового движения, и Надя тут же покорно подчинилась ему, торопливо на семенящем ходу встраиваясь в его ритм. И засеменила неизвестно куда, то утыкаясь лицом в мокрую от пота рубаху впереди, то ощущая тычки в собственную спину.

Кто-то кричал. Боже, как кричал!.. Последним криком. Самым последним в жизни…

Но те, у кого оставался хоть какой-то остаток сил, а с ним и надежда на спасение, не кричали. Они бежали молча, мелко-мелко семеня ногами и стараясь не отрывать их от земли. Многие скользили на собственных ступнях, как на лыжах, и кровавый след их истерзанных ступней втаптывался в пыль поспешавшими следом, потому что здесь не было и не могло быть последних. В толпе не бывает ни первых, ни последних, в ней нет концов и нет начал, в ней все равны великим равенством перед смертью. Единственным всеобъемлющим равенством для всего сущего на земле. Об этом знал каждый, попавший в гущу живых, об этом знала и безмолвно вопила каждая живая косточка. И всё это вместе помалу копилось и в человеке, и в каждой его клеточке, а накопившись до предела, приобретало иное качество. Масса людей со своими характерами, походкой, лицом, темпераментом, возрастом, наконец, превратилась в Живое Безголовое Чудовище,

клеточкой которого стал каждый человек: в толпу, повязанную единой волей самоуничтожения. Мыслящее начало растворилось в тупом коловращении, в скольжении без смысла и цели, в движении ради движения, потому что остановка всегда означала чью-то мучительную смерть.

И такая остановка вдруг случилась в том потоке, в котором покорно двигалась Надя. Где-то впереди, в жёлтой мгле пыли и сознания. Личной воли уже не существовало, она уже перетекла, растворившись в общей воле толпы. Остались одни ощущения, главным из которых стал ужас. Не осмысленный страх, а дикий, животный ужас детства, сна, внезапного падения в пропасть. Это было ощущение неминуемого конца, и Надя восчувствовала его, увидев вдруг под самыми ногами груду бьющихся на земле и друг на друге ещё живых человеков. Вероятно, она бессознательно остановилась, потому что её сильно толкнули в спину. Она упала на ещё копошившихся, ещё живых людей и тут же быстро-быстро поползла по ним куда-то вперёд от того последнего толчка, уже решительно ничего не ощущая и не чувствуя. Ни живой плоти под собою, ни ударов, ни рук, ни ног. Её схватили за юбку, но она выскользнула из неё, поползла дальше, а её хватали за руки, за ноги, за остатки белья, за волосы, цеплялись, рвали, а она ползла и ползла, вырываясь из цепких умирающих рук тех, по которым она ползла. Ползла со всей мыслимой быстротой, пока не ударилась головой о нижний брус балагана. Между брусом и землёй была узкая щель, и она, распластавшись, втиснулась, пролезла под пол балагана, и на неё сразу обрушилась беспросветная тьма.

Прошло всего пятнадцать, от силы – двадцать минут с того момента, когда разом поднявшаяся из оврага толпа ринулась к буфетам, захватив своим мощным потоком Надю и Феничку. Втащила их внутрь, отрезала Надю от Фенички с её последним криком «Барышня-а!..», повлекла своим путём, счастливо обвела стороной от буфетов с их тёмными очередями и вытолкнула на площадку, где стояли карусели, гладко отполированные столбы с парой сапог наверху, качели, эстрады и балаганы для выступлений артистов на весёлом народном гулянье.

А Феничку задавили в узком – всего-то с аршин шириной – проходе между соседними буфетами ещё тогда, когда Надю только-только выволокла толпа на площадку, в первый круг её ада. <…>

Вопросы и задания

Если описание торжественной коронации императора передано словами официальной прессы, то события ходынской трагедии даны через художественное изображение, частично через восприятие главной героини. Почему Васильев избирает именно такой путь представления в романе одного из главных исторических событий конца XIX века?

1. Почему события, которые произошли в течение 15–20 минут, описаны автором столь подробно, что воспринимаются читателем как длящиеся бесконечно? Какие средства использует писатель, чтобы добиться такого эффекта восприятия времени?

2. Как автор изображает толпу? Какие чувства испытывает Надя, захваченная движением толпы? Какие вы видите в этом тексте особенности психологии толпы?

3. Какие символы мы встречаем в описании ходынской трагедии, в чём, по-вашему, их исторический и художественный смысл?

Глава девятая

1

<…> Хомяков вернулся без Варвары, но с Викентием Корнелиевичем, с которым столкнулся у подъезда. Там же он и выложил о Наденьке всё, что знал («Жива, слава Богу, жива, но пока без сознания…»). Вологодов выслушал молча, только странно вздёрнул подбородок да ещё больше выпрямил спину, и без того прямую, как казачья пика. Молча прошёл в дом вместе с хозяином.

– А где Варвара?

– Там осталась, – сказал Роман Трифонович. – В палате торчать будет, пока врач не прогонит. Олексины все такие.

Потом все почему-то оказались в буфетной. Пили водку, закусывая тем, что было, и никому в голову не пришло спросить что-нибудь иное. Василий Иванович ещё раз с совершенно ненужными сейчас подробностями рассказал, каким чудом нашёл Наденьку, а о Феничке опять так никто и не вспомнил.

– Надеюсь, государь отменит сегодняшний бал у французского посла, – сказал он, подведя тем итог ходынской трагедии.

– Как бы не так, – судорожно, с усилием усмехнулся Викентий Корнелиевич, упорно молчавший до сих пор. – Я имею некоторое служебное касательство именно к этому балу. Два часа назад докладывал о порядке его великому князю Сергею

Александровичу и позволил себе попросить Его Высочество осторожно порекомендовать государю отменить на сегодня и завтра все коронационные торжества и объявить общероссийский траур. Заорал великий князь, чуть ногами на меня не затопал: «Ничто не может помешать отрадному празднованию священного коронования!»

– Я… Я убью его! – вдруг закричал Ваня. – Я убью это бессердечное ничтожество, убью!..

По раскрасневшемуся лицу текли слёзы. Роман Трифонович обнял его за плечи, ласково приговаривая:

– Убьёшь, Ваня, непременно убьёшь, а сейчас успокойся. Евстафий, уложи его спать.

Евстафий Селиверстович увёл разрыдавшегося Каляева. Мужчины продолжали сидеть в буфетной. Каждый сам себе наливал водку и пил сам, думая о чём-то своём или пытаясь что-то понять. <…>

2

А коронационные торжества продолжались в полном соответствии с высочайше утверждённым расписанием. На следующий день после развесёлого народного гулянья на Ходынском поле государь и государыня почтили своим присутствием обед для сословных представителей, имеющий быть в Александровском зале Кремлёвского дворца, где изволили пригубить шампанского, а вечером посетили временную резиденцию австрийского посла, дававшего бал в честь Их Величеств. Это почти маниакальное следование предписанным расписанием празднествам озадачило Европу, и в дерзкой французской прессе («Что же вы хотите, господа, республика…») даже промелькнули статьи о загадочной русской душе, как ни в чём не бывало продолжающей отплясывать при забитых до отказа московских моргах. Ну, а на что, собственно, иное можно было списать свинцовое равнодушие российского венценосца, кроме как на загадочность, не требующую ни нравственных размышлений, ни моральных оценок? Загадочность, она и есть загадочность, только и всего. Этого европейскому обывателю оказалось вполне достаточно, и ничто более никого не смущало.

Никого, кроме москвичей. Отцы, матери, братья и сёстры, тихие от испаряющейся с каждой минутой надежды, молчаливыми толпами бродили по больничным моргам да полицейским участкам, упорно разыскивая меж растоптанными, задушенными и раздавленными трупами то, что осталось от их

родных, близких и просто знакомых.

Вопросы и задания

1. Почему власти столь равнодушно отнеслись к трагедии москвичей на Ходынском поле?

2. Почему не остановили коронационных торжеств и не объявили общенациональный траур, как посоветовал великому князю Викентий Корнелиевич Вологодов?

Глава десятая

2

К обеду вернулись Василий Иванович и молчаливый, хмурый – даже морщинка появилась на безусом лице – Каляев. Немирович-Данченко рассказал, как отыскали Феничку среди двух тысяч гробов, как познакомились с её женихом, как потом долго пришлось уговаривать священника найти место и для Феничкиного гроба в переполненной церкви.

– Тихо ходят, тихо плачут, – вздохнул Василий Иванович. – Без русского размаха.

– Зато Ходынка – с русским размахом, – угрюмо сказал Каляев.

– А ты лучше молчи, – отмахнулся корреспондент. – Ты у меня в обманщиках числишься.

Обращение на «ты» к малознакомому человеку звучало весьма неприлично, и Вологодов с удивлением посмотрел на Немировича-Данченко.

– Провинился он, как мальчишка, значит, мальчишка и есть, – добродушно проворчал Василий Иванович. – Тётя у меня в Москве! Тётя на Неглинке в собственном доме!.. Нет никакой у него тёти, проговорился в конце концов. Угол снимал в самых дешёвых номерах, что в переулках за Трубной. И из Нижнего сбежал с тремя рублями в кармане, а когда капитал этот кончился, подрядился на Театральной мусор убирать по полтине за ночь.

– Это мне нравится, – улыбнулся Хомяков. – Это – по-нашему.

– Когда похороны Фенички? – спросил Вологодов.

– Завтра первую партию отпевать будут. Тех, кто в церкви и на площадке перед нею. – Василий Иванович помолчал. – Государь с государыней изволили посетить на полчаса Ваганьково

кладбище. В обзорах, естественно, время пребывания опустят.

– А виноватого так и не найдут. – Каляев нервно усмехнулся, неприятно осклабившись. – Ну, не может быть на Руси повинного чиновника второго, а уж тем паче – первого класса.

– А вы кого считаете повинным, Ваня? – спросил Викентий Корнелиевич.

– Генерал-губернатора Москвы.

– Вот так, сразу, без суда? А как же быть с презумпцией невиновности?

– Презумпция невиновности для общенациональных трагедий существовать не должна.

– Милый юноша, вы единым махом отменили римское право.

– А заодно и русское «не пойман – не вор», – усмехнулся Роман Трифонович.

– А как насчёт того, что «на воре шапка горит»? – поинтересовался Василий Иванович.

– А вот завтра и проверим, – вдруг вновь ворвался в разговор доселе такой застенчивый Ваня Каляев. – Завтра – первая, так сказать, порция похорон, и великий князь Сергей Александрович наверняка изволят прибыть. Не по зову совести, так по зову службы.

– Злым ты становишься, Ваня, – тихо сказал Хомяков. – Нехорошо это, обидно нехорошо. Простейшие решения чрезвычайно редко бывают правильными. Это я тебе из личного опыта говорю.

– Простите, Роман Трифонович. Только я в Бога больше не верю. Ходынка теперь между нами.

– Да при чём тут Бог…

– Он же прощать велит. Кстати, самое, что ни на есть, простейшее решение.

– Ошибаетесь, Ваня, – вздохнул Викентий Корнелиевич. – Как раз – одно из сложнейших. Воли требует, а не импульсивных действий. Воли, размышлений и осознания. <…>

Эпилог

<…> Очередные столетия начинаются календарной датой только в календарях, учебниках да в мёртвых официальных документах. Обыкновенные современники отсчитывают начало каждого нового века, а уж тем паче – столетия, сообразуясь с собственной точкой отсчёта.

Для России такой точкой отсчёта стала священная коронация царствующего монарха. Подданные ждали от Николая Второго каких-то решений, действий, разумных шагов. И считали, загибая

корявые пальцы:

– Уж четвёртый год, как Богом помазанный.

Однако у жителей второй русской столицы и особенно у московской интеллигенции точкой отсчёта стала не коронация, а ходынская трагедия. Может быть, потому, что роковое сие событие было тихо-тихо спущено на тормозах вскоре после громкого решения начать следствие «по факту многочисленных безвинно пострадавших», может, по иной какой причине. Никто ничего, естественно, не объяснял, однако само «Следственное дело» вдруг было приостановлено, а постояв в бездействии, вновь лихо понеслось вскачь, но уже с другим ямщиком на облучке.

А замерло оно по той причине, что дотошный и весьма старательный следователь по особым делам Кейзер нашёл главного обвиняемого без особых хлопот, испросив у государя разрешение допросить генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Вот тут-то и случилась заминка, так как познавшие про законную просьбу следователя великие князья братья Александр, Алексей и Павел Александровичи тут же привезли царю свои отставки на случай, если их брата великого князя Сергея Александровича вздумают допросить хотя бы в качестве официального лица.

Естественно, отставленным оказался Кейзер. А спешно подобранный на замену весьма оглядчивый следователь был скорее специалистом по делам не столько особым, сколько особенным. В результате его деятельности великий князь Сергей Александрович был освобождён от необходимости давать показания, однако, учитывая настроения жителей второй столицы, назначен на другую должность с повышением, став одновременно не только генерал-губернатором Москвы, но и Московской губернии и командующим войсками.

А виновными быстро объявили роковые стечения обстоятельств, неразумное поведение народа и персонально – обер-полицмейстера Власовского вместе с его заместителем полковником Рудневым. Как должностных лиц, не сумевших учесть все перечисленные следствием объективные причины трагедии. Но даже в этом, весьма облегчённом варианте до суда дело так и не дошло, ограничившись служебным разбирательством с последующей отставкой без мундиров обоих стрелочников. И «Дело о трагических последствиях вследствие недостаточного соблюдения порядка при раздаче подарков на Ходынском поле» было списано в архив.

Персоны первого и второго классов Табели о рангах никогда не были, да и не могли быть повинными в чём бы то ни было. Ваня Каляев оказался прав…

Последнее свидание выступающего под видом извозчика члена Боевой организации эсеров Ивана Каляева с руководителем боевиков Борисом Викторовичем Савинковым произошло в грязном и полутёмном трактире Замоскворечья.

– Я очень устал, Борис, устал нервами, – беспрестанно потирая руки, говорил Каляев. – Ты знаешь, я не могу больше ждать. Я буду спокоен только тогда, когда Сергей будет казнён.

– Семнадцатого января, Иван, – тихо сказал Савинков. – Семнадцатого в Большом театре торжественный спектакль. Будешь ждать великого князя по дороге в театр на Воскресенской площади, у здания городской Думы. Тебя прикрывает Куликовский.

Вечером того же дня Иван Платонович написал последнее письмо:

> «Вокруг меня, со мной и во мне ласковое, сияющее солнце. Сегодня мне хочется только тихо-сверкающего неба, немножко тепла и безотчётной радости для изголодавшейся души… Здравствуйте же, все дорогие друзья, строгие и приветливые, бранящие нас и болеющие с нами!»…

Был сильный мороз, начиналась вьюга. Каляев, кутаясь в потёртый полушубок, стоял на уготованном ему первом номере. В начале 9-го часа от Никольских ворот Кремля показалась карета, которую Каляев узнал по белым и очень ярким огням фонарей. Бросился наперерез карете, уже поднял руку и…

В ярко освещённой карете рядом с великим князем сидела его жена и двое детей…

«Маша Олексина!..» – вспомнилось вдруг Каляеву, и он отступил в сторону.

Карета Сергея Александровича благополучно проехала к подъезду Большого театра…

– Ты поступил правильно, Ваня, – сказал Савинков. – Обождём до лучших времён. Ты успокоишься…

– Ни в коем случае, Борис! – возмутился Каляев. – Я дал слово казнить великого князя, ты знаешь, при каких обстоятельствах и за что именно.

– Хорошо, – подумав, согласился Борис Викторович. – Второго февраля, в Кремле, когда великий князь поедет в свою канцелярию. Прощай, Янек.

– Прощай, Борис.

Они расцеловались и разошлись.

Каляев (письмо из Бутырской тюрьмы):

> «Я бросил бомбу с разбега… Я был подхвачен вихрем взрыва. После того как дым рассеялся, я оказался у разбитых задних колёс кареты. Я был ранен и обожжён, но встал… Мог ли я убежать? Мог. Но тогда это было бы убийством великого князя, а не казнью за Ходынку…»

Жена убитого великого князя Сергея Александровича Елисавета Фёдоровна пожелала навестить убийцу мужа. Её свидание с Иваном Каляевым произошло в Пугачёвской башне Бутырской тюрьмы.

– Мне очень больно, что я причинил вам горе, – тихо сказал Каляев. – Но я исполнил свой долг.

– Кто оценит долги наши? Люди? Бог? Будущее?.. – Елисавета Фёдоровна помолчала. – Примите от меня на память иконку Божьей Матери «Утоли моя печали». Я буду молиться за вас.

– Мне больно, что я причинил вам горе, – повторил Иван. – Но совесть моя чиста. Прошу вас, Ваше высочество, не ходатайствовать перед государем о даровании мне жизни. Я не приму помилования. Нас разделяют горы трупов Ходынки и сотни тысяч разбитых человеческих сердец.

В ночь на десятое мая 1905 года в Шлиссельбургской крепости палач Филипьев завязал петлю на шее Ивана Платоновича Каляева. Он отверг исповедь и последнее целование креста, успев сказать перед тем, как Филипьев вышиб под ним опору:

– Я счастлив, что исполнил приговор главному виновнику ходынской трагедии. Учитесь смотреть в лицо истории, люди. Учитесь смотреть в её лицо!..

Дочери Надежды Ивановны Олексиной Калерии, Лерочке Вологодовой как раз в этот день исполнилось ровно пять лет…

Вопросы и задания по тексту романа

1. Как вы понимаете слова писателя, что для России точкой отсчёта нового столетия стала «священная коронация царствующего монарха», а «у жителей второй русской столицы и особенно московской интеллигенции точкой отсчета стала не коронация, а ходынская трагедия»?

2. Почему стала возможной ходынская трагедия? Как на этот вопрос отвечает автор?

3. Прав ли Каляев, увидевший главного виновника трагедии в лице князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы?

4. В романе затрагивается проблема политического террора. Как автор относится к героям, ставшим на путь террора? Почему это произошло с Каляевым?

5. Какое значение имеет в романе образ Маши Олексиной?

⏩1. Проанализируйте диалог Елисаветы Фёдоровны и Ивана Каляева. В чём его смысл? Как можно понять слова великой княгини: «Кто оценит долги наши? Люди? Бог? Будущее?..»?

2. В чём вы видите смысл названия романа «Утоли моя печали…»?

⏩⏩Почему роман «Утоли моя печали…», посвящённый событиям рубежа XIX–XX веков, обращён к сегодняшнему читателю?

Великая Отечественная война в лирике XX века

Тема войны – особая тема в русской литературе XX века. Поэзия этого периода – явление уникальное. В ней, как правило, органически сочетаются гражданские и интимные мотивы.

Поэты писали и о самой войне, её тяготах, военных сражениях, трагедии отступления, о победных походах, о женщинах и детях на фронте, о партизанах, передавали трагедию многих семей. Много стихов посвящено образу родины. В одних стихотворениях и песнях страна изображалась от «краю и до края», в других отчизна воспевалась через любимый город или малую родину поэта, в образах которых просматривались безбрежные её просторы. Картины родной природы соседствовали с картинами боёв и тем самым усиливали патриотическое и лирическое звучание стихотворения.

Однако лирика военных лет не просто отражала или рисовала какие-либо реальные картины и события, проходившие перед глазами поэтов, многие из которых были участниками боевых действий, военными корреспондентами и т. д., но и давала представление об особенностях сознания человека, защищающего отечество или приближающего своим трудом и всей жизнью победу в глубоком тылу.

Единый патриотический порыв народа прозвучал в опубликованном 24 июня 1941 года стихотворении В. Лебедева-Кумача «Священная война», которое было положено на музыку А. Александровым, став самой популярной песней. Простые доходчивые слова запоминались, широкий напевный мотив делал её лёгкой для исполнения. Она стала музыкальным символом тех лет, одной из главных военных песен.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —

Идёт война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать.
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встаёт страна огромная,
Встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Во время Великой Отечественной войны со своими стихами выступали поэты разных поколений – и маститые лирики, пришедшие в литературу ещё в дореволюционные годы, и поэты, ставшие известными в 20–30-е годы, и молодые фронтовики. Среди них имена А. Ахматовой, А. Суркова, Н. Тихонова, М. Исаковского, А. Твардовского, И. Сельвинского, А. Прокофьева, М. Дудина, К. Симонова, В. Инбер, П. Антокольского, Ю. Друниной и др. Многие из их стихотворений стали популярными песнями времён Отечественной войны и последующих десятилетий. Часто поют их и сегодня.

Прочитайте предлагаемые в учебнике стихи о Великой Отечественной войне. Выберите одно-два стихотворения для самостоятельного анализа, сделать который вам помогут вопросы и задания.

Анна Андреевна Ахматова
(1889–1966)

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

Вопросы и задания

▸Что вкладывает Ахматова в слово «мужество»? Какие чувства она выразила в этом коротком стихотворении?

▸▸1. Что означают в стихотворении понятия «русская речь», «великое русское слово»? В чём смысл эпитетов «свободный», «чистый» применительно к русскому слову?

2. В стихотворении порой повторяются почти рядом одни и те же слова («ныне» в первой и второй строках, «час» и «часах» в третьей строке, союз «и», отрицательная частица «не»). Какое влияние оказывают повторы на содержание и форму стихотворения?

▸▸▸1. Автор пишет: «Не страшно под пулями мёртвыми лечь, / Не горько остаться без крова». В чём смысл и какова

композиционная роль этих строк в выражении её позиции? Какой художественный приём заключён в них?

2. Почему слово «навеки» занимает в стихотворении отдельную строчку?

Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971)

Москве

Вся Родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца —
Весь пояс твоей обороны
Идёт через наши сердца.

Идёт через грозные годы
И долю народа всего,
Идёт через сердце народа
И вечную славу его!

Идёт через море людское,
Идёт через все города…
И что это, братья, такое,
Что враг не возьмёт никогда!

Вопросы и задания

1. В стихотворении Прокофьева патриотические чувства и настроения автора передаются через его отношение к родному городу, столице страны. Какими художественными средствами связывается образ Москвы с образом всей страны?

2. Выделите художественные образы, через которые раскрывается связь лирического героя стихотворения с родиной.

3. В чём заключается роль повторений «идёт через», которыми начинаются несколько строк стихотворения?

Константин Михайлович Симонов (1915–1979)

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины…

А. Суркову

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: – Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша, изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: – Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём.

«Мы вас подождём!» – говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» – говорили леса.

Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На ваших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Вопросы и задания

1. Как обрисованы в стихотворении русские женщины? Какие качества русского народа воплощены в их образах?

2. К какому жанру лирики можно отнести стихотворение Симонова? Как выбор жанра повлиял на его основную тональность и восприятие его читателями?

1. Какими словами выражено в стихотворении патриотическое чувство автора? Почему образ Родины олицетворяет для него «не дом городской», а «просёлки, что дедами пройдены…»?

2. Отметьте композиционные особенности стихотворения, характер эпитетов, метафор, сравнений, другие особенности лексики.

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971)

Рассказ танкиста

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти-двенадцати. Бедовый.
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами – не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют…

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит – не выглянуть из башен, —
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, – сколько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
– Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал…
Я подползал, они вон там, в саду…
– Да где же, где? – А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт. – Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка – мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали. – Вот здесь. – И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: – Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал…

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,

А как зовут, забыл его спросить.

Вопросы и задания

⏩1. Как нарисован образ мальчишки? Обратите внимание на передачу рассказчиком особенностей его речи.

2. В стихотворении органически сочетаются повествовательно-эпические интонации с глубоким лиризмом. Какими лексическими и синтаксическими средствами достигается это сочетание?

3. Как вы думаете, почему строфа, с которой начинается стихотворение, его же и завершает? Как называется этот композиционный приём и в чём состоит его особое значение в лирике?

⏩⏩В чём, по-вашему, заключается основная тема этого стихотворения и как она связана со всей военной лирикой периода 1941–1945 годов?

Юлия Владимировна Друнина (1924–1991)

Зинка

Памяти однополчанки – Героя Советского Союза Зины Самсоновой

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждём, когда же начнёт светлеть.
Под шинелью вдвоём теплее
На продрогшей, гнилой земле.

– Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не счёт.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня – лишь она одна.

Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждёт…
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она – не счёт.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг – приказ: «Выступать вперёд!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идёт.

II

С каждым днём становилось горше.
Шли без митингов и знамён.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрёпанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по чёрной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
…Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Её тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

Знаешь, Зинка, я – против грусти,
Но сегодня она не счёт.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живёт.

У меня есть друзья, любимый,
У неё ты была одна.

Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
…Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

Вопросы и задания

▸1. Какие особенности военного времени отражены в стихотворении «Зинка»?

2. Какова, по-вашему, основная тональность стихотворения – трагическая, грустная, жизнелюбивая? Аргументируйте своё мнение анализом текста.

▸▸1. Обратите внимание на композиционные особенности стихотворения. В чём вы видите смысл почти дословного повторения второй и третьей строф первой части в финале (мысленное продолжение диалога поэтессы с однополчанкой Зиной)?

▸▸▸Попробуйте прокомментировать строки:

Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

Михаил Александрович Дудин (1916–1993)

Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях…

Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях.
И розовое облако вдали.
Душа моя, когда ж похорошеют
Обугленные площади земли?

Давно пора. Под пеленою пепла
Протухли трупы и свернулась кровь.
Душа моя, ты в сотый раз ослепла

От чёрствых слов и прозреваешь вновь.
Смотри – весна. И над равниной русской
Молочно-лиловатый свет.
…Влетела в амбразуру трясогузка
И весело уселась на лафет.

Вопросы и задания

Обратите внимание на смену настроения автора на протяжении этого короткого стихотворения. Как переданы его чувства?

1. Определите основной приём изображения фронтовой действительности в стихотворении Дудина. Как через него передаются чувства и ожидания лирического героя?

2. Чем объясняется повторяющееся обращение «душа моя»?

Алексей Александрович Сурков
(1899–1983)

Бьётся в тесной печурке огонь…

Софье Кревс

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло

От моей негасимой любви.

Вопросы и задания

⏩1. Холодная землянка – это примета фронтовой реальности, фронтового быта. Но только ли эту роль выполняет образ землянки в стихотворении? Что противопоставлено тяжёлым солдатским будням в землянке? Найдите в каждой строфе противопоставления и осмыслите их значение в выражении чувств героя.

2. Какими художественными средствами создаётся в стихотворении образ любимой? Почему, как вы думаете, здесь нет описания конкретных черт адресата стихотворения?

⏩⏩Песня на стихи А. Суркова о землянке – одна из самых популярных в военные и послевоенные годы. Чем близко это стихотворение читателям и слушателям? Какие общечеловеческие мотивы в ней развиваются? Только ли в военные годы актуальны переживания лирического героя?

Михаил Васильевич Исаковский (1900–1973)

Огонёк

На позицию девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не смог:
– Где ж ты, девушка милая,

Где ж ты, мой огонёк?

И подруга далёкая
Парню весточку шлёт,
Что любовь её девичья
Никогда не умрёт;

Всё, что было загадано,
Всё исполнится в срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонёк.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От её письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьёт паренёк
За советскую родину,
За родной огонёк.

Вопросы и задания

▶▶▶1. Михаил Исаковский – преимущественно поэт-песенник, автор таких известных произведений, как «До свиданья, города и хаты…», «Катюша», «Ой, туманы, мои растуманы…», «В прифронтовом лесу». Прослушайте на уроке записи песен на стихи Исаковского. Удалось ли передать композиторам мелодичность лирики поэта, его настроение?

2. Что сближает названные стихотворения в смысловом и художественном отношении?

3. Какие традиции русского фольклора вы находите в них?

На протяжении всей послевоенной истории и поэты-фронтовики, и поэты новых поколений продолжали и продолжают обращаться в своём творчестве к событиям Великой Отечественной. Но сейчас они уже воспринимают её в прошлом и осмысливают её влияние как на свою жизнь, своё сознание и чувства, так и на жизнь всего нашего общества. Скорбь о потерях в этих стихах сочетается с обретением жизненной мудрости, стойкости, нравственной чистоты. Трагические и

жизнеутверждающие мотивы соседствуют в них. Эта лирика не только обращена в прошлое, военные годы, но и в какой-то степени в будущее.

Предлагаем несколько стихотворений, представляющих этот значительный пласт русской поэзии XX века.

Булат Шалвович Окуджава (1924–1997)

До свидания, мальчики

Ах, война, что ж ты сделала,
подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат…
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте
высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и всё-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая,
сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
наши девочки платьица белые
раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься?
Да зелёные крылья погон…
Вы наплюйте на сплетников,
девочки.
Мы сведём с ними счёты потом.
Пусть болтают, что верить вам не
во что,
что идёте войной наугад…

До свидания, девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Евгений Михайлович Винокуров (1925–1993)

В полях за Вислой сонной…

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Владимир Семёнович Высоцкий (1938–1980)

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел.
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых важных дел:

Кому – до ордена, ну, а кому – до «вышки».

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны – артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы – штрафники,
Нам не писать: «Считайте коммунистом».

Перед атакой – водку? Вот мура!
Своё отпили мы ещё в гражданку.
Поэтому мы не кричим «Ура!»,
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец —
Коли, руби фашистскую бродягу!
И если не поймаешь в грудь свинец,
Медаль на грудь поймаешь «За отвагу».

Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надёжней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг – морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжёны.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас – обстрел.
Ну, бог войны! Давай – без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки».

Вопросы и задания ко всей теме

1. Самостоятельно подготовьте оглавление к сборнику стихов «Поэты о Великой Отечественной войне» и напишите к нему предисловие.

2. Выберите одно из стихотворений послевоенного периода и самостоятельно проанализируйте его.

3. Сопоставьте стихи о войне, написанные в период 1941–1945 годов и в послевоенные годы. Что их сближает и что отличает (мотивы, отношение к событиям, глубина

эмоционального отклика и т. д.)?

4. Подготовьте вечер поэзии «Строки, опалённые войной».

Леонид Максимович Леонов (1899–1994)

Л. М. Леонов прожил долгую творческую жизнь. Родившись накануне XX столетия, он был свидетелем и участником многих событий, выпавших на тот многострадальный век, и ушёл в вечность всего за несколько лет до его окончания. В произведениях Леонова запечатлена и осмыслена целая историческая эпоха.

Леонид Леонов – писатель философского склада. Он рассматривает важные исторические события с позиций общечеловеческой нравственности, размышляет о смысле человеческого бытия, счастье, патриотизме, о том, какое место в духовном мире человека занимает его чувство к родине, в том числе и малой родине, где он появился на свет и провёл своё детство, юность. «Патриотизм состоит не в огульном восхвалении или умолчании отечественных недостатков. Не на моём языке родилась поговорка ubi bene, ibi patria – где хорошо, там и отечество, – мудрость симментальской коровы, которой безразлично, кто присосётся к её вымени, было бы тёплым стойло да сладким пойло. Для мыслящего человека нет дороже слова **отчизна**, обозначающего **отчий дом**, где он появился на свет, где услышал первое слово материнской ласки и по которому впервые пошёл ещё босыми ногами. С малых лет мы без запинки читаем эту книгу жизни, написанную лепетом наших весенних ручьёв, грохотом нашего Днепра, свистом нашей вьюги. Мы любим отчизну, мы сами физически сотканы из частиц её неба, полей и рек. Не оттого ли последней мечтой политических скитальцев и даже просто бродяг было – вернуть в родную землю хоть кости свои с чужбины…»

Для обсуждения в классе (на выбор учителя и учащихся) предлагается пьеса Леонова «Золотая карета» (1946–1954), которая в творчестве писателя занимает особое место. В этой пьесе воплотились и исторические и философско-нравственные раздумья автора о только что прошедшей Великой Отечественной войне, о судьбах людских, о патриотизме, о самом сокровенном, чем живёт душа человека, о понимании им сущности человеческого счастья, наконец, о возмездии за содеянное.

Не сразу пьеса была разрешена к постановке в театре. Запечатлённая в ней страшная послевоенная действительность («обугленное пространство», «весь город ничком полёг»), обнажённый показ страданий и бедствий, принесённых войной,

вызвали негативную реакцию властей. Комитет по делам искусств и лично секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии Жданов возмутились и посчитали, что нельзя бередить рану. В 1946 году пьеса была запрещена к постановке в Малом театре в Москве.

«Я стремился сделать вещь прочно, с запасом прочности. Но какие усилия приходилось порой употреблять – не только написать, но и преодолеть заранее ощущаемое и неминуемое сопротивление к этой вещи!» – писал Леонов.

Золотая карета. *Пьеса в четырёх действиях*

Действующие лица

Щелканов Сергей Захарович.
Марья Сергеевна – его жена, председательница горсовета.
Марька – их дочь.
Берёзкин – полковник, проездом в городе.
Непряхин Павел Александрович – местный житель.
Дашенька – его жена.
Тимоша – его сын.
Кареев Николай Степанович – заезжий учёный.
Юлий – сопровождающий его сын.
Рахума – факир.
Табун-Турковская – мадам.
Раечка – секретарша.
Маслов – тракторист.
Макарычев Адриан Лукьяныч, Галанцев Иван Ермолаевич – председатели колхозов.
Отцы с невестами, командировочные и прочие.

Действие происходит в бывшем прифронтовом городке в течение суток, тотчас после войны.

Действие первое

Вскоре после окончания войны в бывший прифронтовой провинциальный городок по дороге на отдых заезжает известный академик-геолог Николай Степанович Кареев с сыном Юлием. От директора местной гостиницы Павла Александровича Непряхина, как оказалось, друга его юности, он узнаёт, что Машенька Порошина, в которую был когда-то влюблён, а ныне Марья Сергеевна Щелканова, работает председателем горсовета и

пользуется уважением и любовью горожан.

Юлий между делом открыл водопроводный кран над раковиной в углу, оттуда ничего не течёт, пощупал ледяную печь и сокрушённо покачал головой.

Юлий. Судя по хозяйству, в горсовете у вас тоже сом с аршинными усами сидит.

Непряхин. Каб везде-то такие сидели! Нашу председательшу, Марью-то Сергевну, ещё в какие города сманывали: с трамваями. А не отпустили трудящие-то.

Кареев (*не оборачиваясь*). Это какая же Марья Сергеевна?.. не Машенька ли Порошина?

Непряхин. Хватил!.. Порошиной она, почитай, годов двадцать пять назад была. Щелканова теперь, спичечного директора жена. (*Насторожась.*) Извиняюсь, живали у нас или так, проездом случалося?

Юлий. Мы геологи, любознательный старик. Это сам Кареев, академик, к вам пожаловал… слыхал такого?

Непряхин. Не возьму греха на душу, не слыхивал. Много на свете Кареевых-то. У меня дружок был, тоже Кареев. Сомов вместе ловили, на памирских горах погиб. Сколько я понимаю, в недрах наших пошарить приехали?.. Давно ждём. Нам бы не злато, а хоть бы слюдицу, керосинчик там али другую какую полезность отыскать. Больно с войной-то поизносилися; и деток жалко, и святыньки не на что починить.

Юлий. Нет, мы проездом… Ну, прописывай наши пачпорта и насчёт дровец похлопочи.

Что-то бормоча под нос, не чувствуя на себе пристального кареевского взгляда, Непряхин идёт с паспортами к двери, но с полдороги возвращается.

Непряхин. Зреньице моё с годами шибко поослабло. Дозвольте товарищу академику в личико бы заглянуть.

Они смотрят друг на друга, рассеивается туман двух десятилетий. К великому удивлению Юлия, следует молчаливое и несколько затянувшееся по вине Непряхина объятье.

Кареев. Ну, полно, полно, Павел… смял ты меня совсем. Кроме того, остерегись: простудился я в дороге.

Непряхин. Друже ты мой, друже… А я-то кажную осень об эту пору мысленно обегаю горы памирские, кличу тебя, братец ты

мой… и отзвуку мне нету. Ведь как одурел, ровно от вина: что и сказать тебе на радостях, не знаю… Миколай Степанович!

Кареев. Ладно… перестань, дружок, перестань. Всё пройдёт и сравняется… И зови по-прежнему: неужто я такой важный да старый стал?

Непряхин. Куды, ты ещё полный орёл. Вот я… Как Власьевна моя приказала долго жить, я с тоски-то на молоденькой женился, Дашенькой звать. Со стороны глянуть – вроде живи да поправляйся: при месте нахожуся, весь должностями окружён… музей тоже на меня возложен. Опять же обувку шить навострился за войну-то, тоже копеечка бежит. И кровля имеется, и сынок, слава Богу, живой с поля боя воротился. Слышь, как внизу орудует?

Юлий. Он и есть знаменитый тракторист?

Непряхин. Зачем, то другой. Моего-то мужики наняли в трактористову честь на гармони играть. Мой-то голова был, в городе Ленинграде на звездочёта обучался. Разов пять не то семь в заграничных вестниках печатали… Тимофеем звать. Вознёсся старый Непряхин гордынею, – тут его судьба спервa Дашенькой стуканула, глянула в очи – маловато!.. Тимошей добавила. У кого руку-ногу, у него глаза отобрала, война-то, у звездочёта моего!

Пауза молчания.

Окаянный, ай денег на марку не было: за столько годов весточки не прислал?

Кареев. Были тому особые причины, Палисаныч.

Непряхин. Понятно, понятно: копил, в мёртвых таился до поры. Жива, жива Машенька-то Порошина. Пронзи её своей славой, Миколай Степаныч, до самого сердца пронзи! Чего дровец… я вам и кипяточку погреться раздобуду!

Юлий снимает пальто с отца. **Непряхин** бежит исполнять обещанное. С порога оглянулся.

Местность у нас ветрена, круглые сутки ровно орда шумит. И дверь не прикрывайте – печка в коридоре утром топилася…

Снова вперемежку с ветром тяжкий гул самозабвенного пляса. Некоторое время старший Кареев разглядывает что-то в непроглядном, кабы не зорька на краю неба, пространстве за окном.

Кареев. Когда-то эти сорок километров я обыденкой хаживал… в непогоду у Макарычева в Глинках ночевал.

Былинный был богатырь… на войне не побили, тоже поди облунел весь. Бывает перед закатцем: молодость пройдёт прощальным маршем, жаром обдаст и дыханьем лугов… и в яму потом!

Юлий. Не жар ли у тебя, родитель, в лирику вдарило… Нука, я тебя пристрою начерно пока!

Он усаживает отца в кресло, наливает чарочку из походной, в жёлтой коже, фляги, потом даёт две большие белые пилюли. В полутьме коридора за открытой дверью проплывают смутные фигуры местных и командировочных.

Кареев. В этом самом городишке, однажды, юный совсем учитель полюбил девушку… каких нынче и не бывает на свете. Отец у ней был важный чиновник с жесточайшими седыми бакенбардами и такая же мать… если не изменяет память, уже без бакенбард. Так вот, ровно двадцать шесть лет назад этот нищий мечтатель отправился с ними на гастроль заезжего факира. Обожа-ал эти наивные провинциальные чудеса для бедных!.. но в тот вечер видел только мерцающий профиль своей соседки. В антракте чудак осмелился испросить у старика руку его дочки… и до сих пор мерещится мне, дружок, его зычный негодующий бас и этакое вращательное движение сердитых бакенбард… А получив афронт, он вот в такую же бездомную ночь и отправился искать счастья…

Юлий (*в тон ему, из потёмок*). На Памир, как говорит легенда. Аминь! Извини, ещё немного побеспокою…

Сын укрывает клетчатым пледом ноги отца, расставляет привезённую еду. Внезапно падает накал в лампочке, что заставляет младшего Кареева зажечь две свечи из чемодана.

И здесь эти судороги подыхающей войны. Тебе не дует ниоткуда?.. Это и была Машенька Порошина?

Кареев. Не вздумай включать это в мою академическую биографию!

Юлий. А я-то всю дорогу гадал: с чего тебя понесло в такую трясовицу? Грёза юности!

Кареев. Юность моя прошла безрадостно, однако не ропщу… В каждом возрасте содержится своё вино, только мешать не рекомендуется… во избежание изжоги и разочарований!

Голос с порога. Ну, ежели во благоразумной однородности мешать, тогда безопасно… Прошу дозволения войти.

Насколько можно разобрать в потёмках, на пороге стоит худой и высокий, с седыми висками незнакомый **полковник**. Через плечо висит набитая полевая сумка, в руке трофейная бутылка неожиданной формы. Слова свои он произносит замедленно, с суровым достоинством, причём время от времени утрачивает нить рассказа. Кажется, чёрное послевоенное безмолвие вступает сюда за ним по пятам. Юлий высоко поднимает свечу с клонящимся на сторону пламенем.

Юлий. Войдите… вам угодно?

Берёзкин. Прежде всего краткие описательные сведения. Полковник Берёзкин, бывший командир гвардейской бригады… в отставке. Случайно задержался здесь на сутки.

Он показывает колодку орденов, которая вслед за тем с оловянным звуком возвращается в карман. Юлий склоняет голову в полупоклоне.

Не ношу из деликатности перед этим обугленным городом.

Юлий. Ясно. А мы, Кареевы, по части геологии, тоже проездом. Итак, чем могу… полковник?

Берёзкин. Разве только совместно помолчать часок и, если найдёте причины основательными, пригубить этого занимательного напитка.

Юлий (*стремясь ослабить шуткой странно стеснение перед гостем*). Однако **оно** у вас зеленоватое. Сколько я понимаю в химии, это водный раствор медного купороса?

Берёзкин. Внешность вещей обманчива, как и у людей. (*Вскинув бутылку на просвет*). Данный состав содержит в себе малоизвестный мягчительный витамин «У». Незаменимо от простуды и одиночества.

Юлий жестом приглашает полковника к столу, куда тот дополнительно к расставленным выкладывает и свои припасы. Почему-то его, как и старшего Кареева, тянет к стеклянной двери.

Примечательно – прошёл со своей бригадой Европу наискосок… и след поучительный оставил. А вот вернулся, взглянул на это, милое, и стою, как мальчишка, и колени дрожат. Здравствуй, первейшая любовь моя…

Юлий. Кого вы подразумеваете, полковник?

Берёзкин. Россию.

Он открывает дверь на балкон, ветер относит занавеску, раскачивает лампочку на шнуре, гасит пламя одной свечи, которую не успел прикрыть ладонью Юлий. Слышно, как надсадно кричат грачи и грохочет где-то лист порванной кровли.

Юлий. Попрошу прикрыть дверь, полковник. Отец простудился в дороге, а мне не хотелось бы раньше срока остаться сироткой.

Кареев (*из своего угла*). Ничего, сюда не задувает.

Закрыв дверь, Берёзкин берёт свечу со стола и находит глазами кареевское кресло. Видимо, полковника вводят в заблуждение длинные волосы сидящего перед ним человека.

Берёзкин. Прошу прощенья, товарищ художник, не различил впотьмах. (*Сухо щёлкнув каблуками.*) Бывший военный Берёзкин.

Кареев. Приятно… но, как уже было сказано моим сыном, я не художник, а геолог.

Берёзкин. Прошу снисхожденья за дурную память: уволен по контузии. Сказали: ты своё отвоевал, теперь иди отдыхай, Берёзкин. Тогда Берёзкин взял чемоданчик и пошёл в пространство перед собою…

Что-то случается с ним; с закрытыми глазами он мучительно ищет порванную нить. Кареевы переглядываются.

Простите, на чём я остановился?

Юлий. Вы взяли чемоданчик и пошли куда-то…

Берёзкин. Точно, я пошёл отдыхать. Вот я хожу и отдыхаю. (*Неожиданно жарко.*) Я любил мою армию! У её походных костров мужал и крепнул ещё совсем юный и нищий пока, желанный мир… Тут я выяснил мимоходом, что именно первей всего нужно человеку в жизни.

Кареев. У нас также настроение по погоде, полковник. Хороший случай проверить действие вашего напитка…

Они садятся. Все трое смотрят на жарко полыхающую свечу. Течёт долгая объединяющая их минута.

Так что же, по вашему мнению, прежде всего надо человеку в жизни?

Берёзкин. Сперва – чего не надо. Человеку не надо дворцов в сто комнат и апельсиновых рощ у моря. Ни славы, ни почтенья от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой… и дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет чёрный хлеб счастья. Потом они сидят, сплетя руки, трое. И свет из них падает на деревянный некрашеный стол. И на небо.

Кареев. У вас большое горе, полковник?.. семья?..

Берёзкин. Так точно. В начале войны я перевёз их сюда с границы – Олю-большую и Олю-маленькую. Опрятный такой домик с геранями, на Маркса, двадцать два. Последнее письмо было от девятого, десятого их бомбили всю ночь. Вот третьи сутки сижу в номере и отбиваюсь от воспоминаний. Чуть сумерки, они идут в атаку. (*Потирая лоб*) Опять порвалось… не помните, на чём порвалось у меня?

Юлий. Это не важно… Раскроем и мы нашу аптеку. У нас тут имеется отличная штука от воспоминаний.

Берёзкин (*отстраняя его бутылку.*) Виноват, старшинство – войне!

Он разливает, и сперва Кареев прикрывает свою чарку ладонью, потом уступает полковнику, не выдержав его пристального взгляда.

Сожалею, что лишён возможности показать вам карточку моих Оль. Утратил по дороге в госпиталь. Только это и могло разлучить нас.

Он поднимается и с чаркой в руке, не чуя ожога, не то дразнит, не то обминает пальцами длинное, трескучее пламя свечи. Кареевы не смеют прервать его раздумья.

Ну, за мёртвых не пьют… тогда за всё, за что мы дрались четыре года: за этот бессонный ветер, за солнце, за жизнь!

Они закусывают, беря еду просто руками.

Кареев. На мой взгляд, витамина «У» здесь у вас шибко переложено… (*Морщась от напитка*). Большие раны требуют грубых лекарств, полковник!

Берёзкин. Если меня не обманывает болезненное предчувствие, вы собираетесь пролить мне бальзам на рану.

Кареев. Пожалуй. Увечья войны лечатся только забвеньем… Кстати, вы уже побывали там… на Маркса, двадцать два?

Берёзкин. Виноват, плохая голова, не схватываю манёвра. Зачем: удостовериться, порыться в головешках… или как?

Юлий. Отец хочет сказать: на это следует наглядеться один раз досыта и уезжать на край света. Раны, на которые смотрят, не заживают.

Снова откуда-то из подземелья осатанелый топот множества ног.

Берёзкин. Во имя того, чтоб не замолк детский смех на земле, я многое предал огню и подавил без содроганья. Малютки не упрекнут Берёзкина в малодушии… (*с ветром изнутри и положив руку на грудь* и пусть они берут что им сгодится в этом нежилом доме!.. Но как же вы порешились, товарищ художник, протянуть руку за последним моим, за надеждой? (*Тихо.*) А что, если выхожу я на Маркса, двадцать два, а домик-то стоит и дочка мне из окна платочком машет? Ещё не всё мёртво на поле боя. Не трогайте человеческих сердец, они взрываются.

Он снова отходит к балкону. В небе за стеклянной дверью осталась лишь жёлтая полоска дикой предзимней зари.

Какая глубина обороны! Ни одна твердыня не устоит, если двинуть со всего плеча этих континентальных расстояний…

Кареев. Но ведь вы затем и поехали в такую глушь, чтобы навестить ваших… милых Оль?

Берёзкин. Не совсем так. Я прибыл сюда с другим заданием – наказать одно здешнее лицо.

Юлий. Любопытно. Вас послали – суд, закон, командование?

Берёзкин. Меня послала война. <…>

Полковник Берёзкин рассказывает о неприглядном поведении на фронте Сергея Захаровича Щелканова, мужа Марьи Сергеевны, директора спичечной фабрики. Жена Непряхина Дашенька с удовольствием рассказывает сплетни о личной жизни Щелкановых, о том, что муж изменяет Марье Сергеевне и готов уйти к другой женщине.

Юлий (*для отца*). Несчастна, значит?

Дашенька. Промашка у ей вышла. Она из богатого дома, отец-то всем телеграфом у нас заведовал… учителишка один в неё и влюбись! Вроде и он по сердцу ей пришёлся, да только бедный: ни ножа в дому, ни образа, ни помолиться, ни зарезаться. В молодые годы сомов с моим-то ловили!.. Ну и высказали учителишке напрямки: чего ты, арифметика горькая, у крыльца

бродишь, травку топчешь, наших псов дразнишь? Чем ты королевну нашу одарить можешь, окроме нищеты да чахотки? А ты ступай в люди, добивайся да приезжай за ей в золотой карете. Тогда посмотрим, што за прынц такой – вон как!.. И пошёл он с горя в страну Памир, да и канул: то ли в пропасть кувырнулся, то ли со спирту зачах. А на третий, кажись, годок Щелкан-то и подвернулся… до гроба за ту вину её казнить!

Берёзкин. Вкусно сплетничаешь. (*Наливая ей.*) В чём же её вина, раз он сам от неё ушёл?

Дашенька. Не в том ейная вина, что ушёл, а в том, что вослед за ним не побежала.

Юлий (*жёстко и мстительно, за отца*). Вот именно в том, что босиком по снегу, в ночь глухую за ним не побежала!

Дашенька. Мой-то жижик сказывал: она впоследствии времени всё письма ему писала… (*с восторгом зависти*) на Памир, до востребования.

Вернувшийся с косынкой **Непряхин** машет ей рукой со стороны.

Чего размахался, ай опять подслушивал?

Непряхин. Иди домой, рыжая ты удавица!.. Не верь ты ей, Миколай Степаныч: семейство дружное, без взаимного попреку живут. И чего душа не захочет, полный стол у них имеется!

Дашенька (*зловеще*). Это верно: всё в доме есть, окроме нужды да счастья. <…>

В конце первого действия происходит знакомство Марьки Щелкановой и Юлия Кареева. Молодые люди явно заинтересовались друг другом.

Действие четвёртое

Вечер в доме Щелкановых. На день рождения Марьки собрались гости.

Домой возвращается **Марья Сергеевна**.

Марька. Здравствуй!.. Уж снег повалил? (*Снимая пальцами*) И капельки на бровях… Ну вот, ещё на год постарела твоя дочка.

Марья Сергеевна. Не огорчайся… Даже не подозреваешь, как хорошо на свете, Марька… несмотря ни на что. Даже этот непригожий снежок. (*Вполголоса.*) Тимошу привезла, куда-то за подарком тебе забежал… встреть. (*Гостям.*) Никак я к самому веселью подоспела. С кем ещё я тут не видалась-то?

Приветливо кивая по сторонам, она направляется к факиру, который под наблюдением Кареева готовит к сеансу свою адскую снасть: достаёт из дарёного чемодана мрачное покрывало с символами зодиака, на восковой свечке стерилизует старинный артиллерийский тесак.

Извините, скучать вас заставила, Николай Степанович. Повестка накопилась ужасно длинная… буквально с разбитого корыта каждую мелочь приходится начинать. Такое в зале поднялось, как о вашем приезде сообщила. Обнадёжились земляки-то, ведь вы у нас главный комендант при подземных кладовых!

Кареев. Об отъезде надо было, Марья Сергеевна… В следующий раз теперь, уж на отлёте мы. Хозяйку поблагодарить осталось. <…>

Пока они пошучивают перед расставаньем, появляется и **Тимоша**. Марька спешит к нему навстречу и вот пугается протянутых к ней Тимошиных рук. Так они стоят на глазах у обступивших сверстников по войне или школе.

Тимоша (*опуская руки*). Простите мне опозданье, Марька. У водников вечеринка по случаю соревнованья. Ставят суда на зимний ремонт… (*Начинает раздеваться*) Весь мокрый… снежная мгла и капель на улице.

Марька. Мы теперь вешалку туда перенесли, Тимоша.

Следует нетерпеливый, даже властный кивок Юлию, и тот с воодушевлением новой надежды приближается к Тимоше.

Юлий. Позвольте, я отнесу на место ваше пальто.

Он ловко принимает на руки Тимошину шинель, в порыве усердия стряхивает талую изморось с его обронённой шапки. Пожалуй, не столько его торопливое послушание бросается в глаза, как невозмутимое величие, с каким Тимоша принимает услугу от соперника.

Марька. Весь вечер… как мне вас не хватало, Тимоша. Но что же вы стоите, как чужой. Пойдёмте, тут у меня все наши прежние, мальчики и подружки, собрались.

Тимоша. Давно не бывал у вас, Марька!.. и вот уж не могу уловить происшедших перемен.

Марька. Вам с непривычки кажется, Тимоша. С тех пор как вы меня по алгебре готовили… ну, ни чуточки не сдвинуто с тех пор, кроме вешалки.

Тимоша. Нет, это вы, Марька, по своей доброте преувеличиваете мои несчастья. Самое главное я вижу острей, чем прежде. На вас голубое платье, например… верно?

> **Марька** подаёт знак окружающим молчать о его ошибке: платье на ней розовое.

Вижу чёрную ленточку на горле. И с левой стороны локон на бровку упал.

> Все аплодируют прозорливости слепого. Марька суеверно касается чёрной бархотки на шее, отводит назад прядку волос со лба.

Дашенька. Ладно, приступай к работе, гармонист… ребятам покружиться охота. А то скоро и свет выключат…

Тимоша. Погоди, тётя Даша. Долго думал, что вам подарить, но… к сожаленью, мало чего осталось достойного вас в нашем бедном городе. Только вот…

> Шумит бумага, и затем из громадного свёртка в Тимошиной руке показывается ослепительная на длинном черенке алая роза. Шелест восторженных восклицаний кругом: «Смотри, живая!» – «И даже роса на ней…» – «Мальчишки, ведь зима же, почти зима на дворе». – «Он, верно, душу чёрту заложил!» Старшие тоже подходят взглянуть на подношение слепого. Марька медлит, пятится, молчит.

Непряхин. Бери, не стесняйся, дочка… Нет ничего на свете щедрей солдата.

Дашенька. Забирай, девушка, должность ихняя такая, кавалерская. (*Марье Сергеевне*). Мой-то, бывалошнее дело, всё лимоны подносил. Положит на стол и вздыхает, аромат на всё общежитие. Знал, окаянный, чем сердце женщины покорить.

Тимоша (*тихо и внятно, про розу*). Не бойтесь её, она скоро завянет… возьмите, Марька!

> С погасшим лицом Марька принимает смутительный дар. Спеша на выручку дочери, Марья Сергеевна вскоре

отберёт его – подивиться, понюхать это не по сезону чудесное явление природы.

Вот я и готов к исполнению обязанностей. (*В полушутку.*) Теперь ведите, где он тут… мой железный стульчик?

Марья Сергеевна. Видать, придётся нам, милый Тимоша, до следующего раза танцы отложить. Да и молодёжь вон по домам собралась…

Дашенька. На последний автобус торопятся. Жалость такая: вроде и разрезание посмотреть не терпится, да и грязищу-то неохота мерить эку даль!

Часть молодёжи схлынула в прихожую одеваться.

<…> **Кареев** …Однако же примите от путешественников признательность за гостеприимство… и жаль, что у вас обеих такая, видимо, врождённая неприязнь к Памиру. (*Взглянув на часы*) Вы готовы к отбытию, незаурядный сын мой?

Тот давно уже держит наготове отцовское пальто. Судя по тишине в прихожей, гости без прощанья побежали на последний автобус. Краем своего тёплого платка прикрыв плечо прильнувшей сбоку дочки, Марья Сергеевна улыбкой прощается с молодостью… Свет предупредительно гаснет три раза.

И вот уж ночь стучится в жизнь.

Марья Сергеевна. Нет, ещё целых пять минут нам осталось.

Кареев. Что же, величайшие события истории укладывались в пять минут. (*Со значением, для Марьки*). При желании это целая груда времени…

Марья Сергеевна …иногда, пожалуй, даже нестерпимая, если делить её на дольки.

Юлий. Вот до самого отъезда я и буду вам напоминать звонком о каждой дольке… можно?

Церемонный поклон, и **Кареевы** уходят, провожаемые до порога. Пауза, и чуть позже, спохватившись при виде раскиданного факирского инвентаря, мать и дочь с запоздалым сожаленьем взирают друг на дружку.

Марья Сергеевна. Что же мы наделали-то, Марька?.. Можно было и Рахуму в пролётку к ним приладить. Марк Семёнович, где вы там?

Они спешат на его голос, и тогда шевеленье в углу, за жардиньеркой, напоминает нам о Тимоше; забытый, он ждёт там своего часа, откинувшись затылком к стене. Что-то, не только холод из распахнутой двери в прихожей, заставляет его выйти на опустелую сцену, где уже стоит **Берёзкин** с его шинелью на руке.

Тимоша (*шёпотом*). Время, полковник?

Берёзкин. Одевайся, солдат… отдохнули на привале, и в дорогу. Ни зги кругом… ни плачущих, ни провожатых: хорошо. (*Про рукав*). Теперь другой…

Правильно разгадав шарящее Тимошино движенье, он из-за спины, по праву тени, останавливает поиск слепого.

Кроме горсти пепла – ничего с собою. В дорогу к звёздам надо отправляться налегке.

Тимоша. Проститься…

Берёзкин (*сзади и в самую душу*). Не мешай ей, солдат. Сейчас её увезут в золотой карете… и до первых, скорых слёз она не вспомнит о тебе ни разу. Не расплещи своего горя, солдат, оно поведёт тебя в зенит… и до самой ночки своей она будет глядеть тебе вслед заплаканными глазами. <…>

Гости разошлись. Марья Сергеевна с дочерью остаются одни.

Марька. Посидим ещё немножко… люблю глядеть на первый снежок, хорошо. (*Вдруг.*) Интересно, а на Памире большие бывают снега?.. Ведь это правильно, мамка, что я от поездки отказалась, правда?

Мать и дочь пережидают, пока кончится повторная серия настойчивых звонков.

Скажи мне хоть что-нибудь, мамка!

Марья Сергеевна. Ты сама должна решать, Марька. И я вовсе не отговариваю тебя, но… прикинь заранее, хватит ли твоих силёнок на эту ношу.

Марька. Но ты же несёшь свою, вот и я буду… Хотя всё равно разлучаться нам с тобой. Правда, обсерватория Тимоше не нужна теперь, зато потребуются, наверно, трудные, главные книги. (*Убеждённо.*) И знаешь, мы с ним будем двое самых трудолюбивых на свете. Уж во всём городе погаснут окна, а ещё

будет светиться наш чердак. И мы всего добьёмся, потому что он сильный и ничего теперь не боится… ни тьмы, ни войны, ни смерти.

Опять звонки, заключительные.

Именно потому и глупо ему сердиться, если б я совсем ненадолечко вырвалась на мир посмотреть. Месяца мне за глаза хватит, даже меньше. Только разочек пройдусь по Памиру и – назад. Даже вещей брать не стану, а просто так, как есть… правда?

Марья Сергеевна. Ну, нельзя совсем без вещей, Марька. Как же ты обойдёшься первое время? Кстати, мой большой чемодан свободен. Примерь хоть начерно.

Они достают со шкафа чемодан: сообщницы!

Марька. Конечно, сюда всё поместится, даже тёплые вещи. Любопытно, суровая ли там зима?.. А ты думаешь, мне ещё не поздно?

Марья Сергеевна. Ах, в твои годы, Марька, ничего не поздно!

Мать легонько толкает Марьку в плечо, и теперь видно – всё давно примерилось в их воображении: где и что лежит. Как бы вихрь проходит по комнате: отовсюду, из сундука и ящиков вещи как попало летят в раскрытый на полу чемодан, цветными пламенами вспыхивая на лету.

Мой новый костюм бери. Убавишь в плечах, будет как раз впору…

Марька (*с колен*) …а сама, сама?

Марья Сергеевна. С деньгами соберусь, другой сошью. Скорее, там погладить. (*Высвобождаясь из её объятий*) Ладно, ладно, у тебя же считанное время… сейчас позвонят в последний раз. На ключ запри и одевайся… ветрено, потеплей!

Укладка наконец завершена. Мать сама закутывает в шарф Марькину шею. Всё готово. Обе долго и выжидательно смотрят на телефон, который молчит теперь.

Марька. Уехали…

Марья Сергеевна. Не может быть, им же по дороге.

Марька (*с пылающими щеками*). Значит, мимо проехали.

Медленное ночное время. В лихорадке нетерпенья как-то шелестяще-неразборчиво звучит Марькина скороговорка.

Теперь уже, наверно, к вокзалу подъезжают… (*Со слабеющей надеждой*) На всякий случай, если Палисаныч котёнка принесёт, обещал сибирского… скажи, что пока не надо. И Кате ничего не говори. Я же совсем ненадолго, ты даже пыли у меня на столе не вытирай. Вернусь – сама… (*После паузы*) Нет. Уехали.

Напрасно они ждут звонка, и наконец – желанный шум в потёмках прихожей, шевелится от низового ветерка брошенная на полу газета, – запыхавшийся **Юлий** предстаёт на пороге.

Юлий (*беспощадно*). Карета у подъезда и… ровно одна минута, Марька!

Он с ходу хватает приготовленный Марькин чемодан и с беглым жестом приветствия исчезает.

Марька. Прощай, мамка… ну, прощай же! Я тебе с дороги напишу. (*Плача и ликуя*). Только ты скажи Тимоше, ради Бога, что я ни в чём, ни в чём не виновата…

Марья Сергеевна. Да, да… опоздаешь, ступай!

Марька исчезает, чтобы через мгновенье еще раз показаться с заключительной полуфразой: «И ты объясни ему…» – после чего вступает в свои права ночь. Марья Сергеевна берёт чей-то нетронутый бокал с этажерки.

Так и не поздравила я тебя, милая ты моя. За твои горы высокие, Марька!

Вопросы и задания к тексту пьесы

1. Как вы думаете, о чём эта пьеса? Какие вопросы поставил её автор перед читателями и зрителями?

2. В чём заключается конфликт пьесы «Золотая карета», какие события способствуют его развитию?

3. Действие пьесы происходит в разрушенном послевоенном городе. Как повлияла война на судьбы и характеры героев пьесы? Какие проблемы заботят горожан и председателя горсовета Щелканову?

4. Что вы можете сказать о взаимоотношениях Марьки и Тимоши? Есть ли, по-вашему, у них общее будущее? Искренна ли

Марька, когда говорит о том, что всего лишь ненадолго уедет на Памир с Кареевыми, а потом вернётся к Тимоше?

5. Чем привлекают друг друга Юлий Кареев и Марька?

6. В чём видит Марья Сергеевна счастье дочери? Почему оказывается наготове чемодан, хотя предложение поехать с Кареевыми было сделано экспромтом?

7. Сопоставьте судьбы старших персонажей пьесы и только что намечающиеся пути в жизнь их детей. Не повторяет ли Марья Сергеевна ошибок своей молодости?

⏩1. Как вы понимаете выражение «золотая карета»? Вспомните известные вам литературные сюжеты, связанные с этим образом. Почему Леонов так назвал свою пьесу?

2. Многие персонажи часто в своих диалогах обращаются к выражению «золотая карета» (или «карета»). Раскройте понимание каждым из них смысла этого понятия.

3. Есть ли «золотая карета» в жизни Марии Щелкановой? Почему Кареев-старший говорит, что именно ей обязан всеми своими успехами?

⏩⏩1. Герои часто говорят о родине, в том числе о малой родине. Как понимают автор и действующие лица пьесы патриотизм? Как отражается это понимание в их поступках, в выборе жизненного пути?

2. Обратите внимание на план нового города, который показывает Марья Сергеевна академику Карееву. В чём смысл этого плана, какова его роль в пьесе? Что символизируют названия будущих переулков и проспектов, планируемые объекты и т. д.? Как раскрывается в этом эпизоде духовный облик Щелкановой?

3. Когда Кареев спрашивает о сроках претворения в жизнь плана города, Щелканова отвечает: «В данном случае это и не важно…» Как вы понимаете смысл этой фразы? Только ли в этом плане заключена мечта Марьи Сергеевны?

4. Какое значение в пьесе приобретает постоянное упоминание Памирских гор – это лишь информация о роде занятий Кареева или нечто большее? Вспомните, что в финале Щелканова обращается к дочери: «За горы твои высокие, Марька!»

5. Будущий академик Кареев после неудачного сватовства ночью уходит из города, чтобы добиться успеха; в тёмную ночь призывает Тимошу уйти вместе с ним Берёзкин, чтобы достичь высот; ночь вступает в свои права, когда с Кареевыми уезжает Марька. Это случайное совпадение или автор вкладывает определённый смысл в образ ночи?

6. Как вы думаете, чем объяснить сложные поиски Леоновым финала пьесы? Попробуйте понять нравственные и

художественные сомнения писателя.

Мотивы былого в лирике поэтов XX века

В знаменитом стихотворении «Юному поэту» поэт Валерий Брюсов, обращаясь к «юноше бледному со взором горящим», изложил для него «три завета». И первый из них —

…не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

В этих стихах В. Брюсов даже не вспомнил о прошлом. А между тем поэтическое осмысление минувшего заняло в его творчестве видное место: он пристально и неспешно наблюдал, как «шли дни, ряды десятилетий». Его взор был обращён и к Атлантиде, и к Элладе, и к Римской империи, к Средневековью и Возрождению, к Реформации и революциям, к XIX веку и мировой войне XX века. Но Валерий Брюсов не был одинок в обращении к былому. К исторической памяти призывал и законодатель мод в поэзии начала XX века Константин Бальмонт:

Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

Бальмонту вторит «король поэтов» Игорь Северянин:

Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Пылкому утверждению Северянина не противоречит спокойно-ироническое высказывание Георгия Иванова:

Так приятно в вольтеровском кресле
О былом повздыхать иногда.

В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Северянин, Г. Иванов и многие другие мастера стиха – это новое поколение поэтов, возникшее в недрах литературы XIX века. И если XIX век, ознаменовавшийся

великим расцветом русской литературы, вошёл в историю культуры как золотой век литературы, то поэзия начала XX века стала называться поэзией Серебряного века. Серебряный век с его великим культурным и интеллектуальным подъёмом – это эпоха длиной чуть более четверти века.

Блистательная плеяда поэтов Серебряного века положила прекрасное начало многоликой и богатой поэзии XX столетия. Многие из поэтов Серебряного века – А. Ахматова, А. Белый, М. Волошин, С. Есенин, М. Кузмин, В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак – остались жить в новой России. По-разному сложились их судьбы. Но их яркое, разноголосое поэтическое творчество оказывало благотворное влияние на литературу века.

Потребности и устремления эпохи 20-х годов выразили в своих стихотворениях и поэмах Н. Асеев, Э. Багрицкий, Н. Тихонов.

В эти же годы смело заявили о себе «юноши стального поколенья» М. Светлов, А. Безыменский, А. Жаров.

Свой голос и своё место в поэзии находят Н. Заболоцкий, А. Твардовский, В. Луговской, завоевавшие признание читателя уже в 30-е годы.

Поэзию второй половины XX века трудно представить без имён В. Фёдорова, А. Прокофьева, Я. Смелякова, Е. Винокурова. В 60-е годы зазвучали свежие, сильные голоса А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, Н. Рубцова. Широкую известность получили исполнители авторской песни Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий.

Глубокий лиризм и чуткость в осмыслении бытия характеризуют поэзию И. Бродского, который четверть века своей жизни прожил вне России.

В поэзии XX столетия выразились тревоги века. Ей пришлось «прожить, продумать до конца» «всей жизни каждый шаг и миг». Но поэтам века удалось «как бы ступить через межу» и заглянуть в «тьму былого», осмыслить «книгу сокровенную» столетий. Владимир Высоцкий от имени своего поколения имел полное право сказать и пропеть:

Чистоту, простоту мы у древних берём,
Саги, сказки из прошлого тащим,
Потому что добро остаётся добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

Прочитайте данные ниже стихотворения и выберите для самостоятельного анализа наиболее понравившиеся. При разборе

текста обратите внимание на вопросы и задания.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924)

В поэзии Брюсова отчётливо выделяются две главные темы: тема большого города с его грохотом, «буйством» людских скопищ, быстро мчащимися экипажами, с его соблазнами, противоречиями и тема исторического прошлого. По словам М. Горького, Брюсов обладал «тонким и редким даром проникновения в прошлое». Для поэта, историка по образованию, минувшее было «знакомым миром», с которым он «одной душой когда-то жил». В знаменитых циклах стихов Брюсова «Любимцы веков», «Правда вечная кумиров», «Властительные тени», «Завес веков» – «как будто в вечность приоткрылись двери»:

Столетия – фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!

В стихотворениях Брюсова перед читателем проходит вереница исторических и легендарных героев разных стран и эпох. Здесь и суровый воин, не представляющий жизни без битв, и ассирийский царь Ассаргадон, который «воздвиг свой мощный трон» «на костях врагов», и древний наблюдатель природы, постигающий «таинства миров», и полководец Александр Великий, и поэт Данте, и Наполеон… В далёком прошлом поэта притягивают личности яркие, носители сильных страстей, которые могут служить примером для «безгеройной» современности. Размышляя о прошлом, Брюсов соединяет его с настоящим и будущим. «Если бы мне жить сто жизней, – записал поэт в дневнике, – они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня».

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унестись в живительные сферы,

Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встаёт забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребённых, —

Как странно вновь стоять у тёмных их гробниц
И мёртвых заклинать безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Вопросы и задания

Что в прошлом особенно дорого поэту? С какими строками стихотворения соотносится его заглавие?

1. Почему осенний день назван поэтом «скучным»? Какие краски преобладают в пейзажной зарисовке первого четверостишия?

2. Каким настроением проникнуто второе четверостишие? Как вы понимаете метафору «волна небытия»?

3. Составьте схему рифмовки брюсовского сонета.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945)

Литературное наследие З. Н. Гиппиус составили пять стихотворных сборников, шесть сборников рассказов, несколько романов, драмы, литературная критика, дневники, две книги воспоминаний. Её одержимое, пламенное творчество поражает глубиной и энергией мысли, силой и остротой эмоций. «Ничто в мире не доставляет мне такого наслаждения, как писание стихов, – может быть, потому, что я пишу по одному стихотворению в год – приблизительно. Но зато после каждого я хожу целый день как влюблённая, и нужно некоторое время, чтобы прийти в себя». В стихотворениях Гиппиус, глубоких по содержанию и безукоризненных по художественной форме, всегда решаются коренные вопросы бытия. Чаще всего это раздумья о человеке, любви и смерти. Ряд её стихотворений имеет форму молитвы, воплощающей идеальные представления, порыв в вечность:

И не о счастии для вас молюсь —
О том молюсь, что выше счастья.

14 декабря

Ужель прошло – и нет возврата.
В морозный день, в заветный час,
Они, на площади Сената,
Тогда сошлися в первый раз.

Идут навстречу упованью,
К ступеням Зимнего крыльца…
Под тонкою мундирной тканью
Трепещут жадные сердца.

Своею молодой любовью
Их подвиг режуще-остёр,
Но был погашен их же кровью
Освободительный костёр.

Минули годы, годы, годы…
А мы всё там, где были вы.
Смотрите, первенцы свободы:
Мороз на берегах Невы!

Мы – ваши дети, ваши внуки…
У неоправданных могил
Мы корчимся всё в той же муке,
И с каждым днём всё меньше сил.

И в день декабрьской годовщины
Мы тени милые зовём.
Сойдите в смертные долины,
Дыханьем вашим – оживём.

Мы, слабые, – вас не забыли,
Мы восемьдесят страшных лет
Несли, лелеяли, хранили
Ваш ослепительный завет.

И вашими пойдём стопами,
И ваше будем пить вино…
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!

Вопросы и задания

1. Как в общем тоне и в отдельных словах стихотворения сопоставляются время изображённое и время, когда было написано стихотворение?

2. Как в начале стихотворения переданы высокие устремления тех, кто сошёлся «на площади Сената»? Как их подвиг оценивается спустя «восемьдесят страшных лет»? Почему, обращаясь к восставшим, поэтесса называет их «первенцами свободы»?

В каких словах стихотворения с особенной силой передана взволнованность Гиппиус, вспоминающей спустя годы о подвиге восставших? Почему в «14 декабря» так последовательно сопоставляются местоимения «они», «вы», «ваши» и «мы»?

Николай Степанович Гумилёв (1886–1921)

Н. С. Гумилёв – одна из ярких и самобытных фигур русской поэзии начала XX века. Первый сборник его стихотворений «Путь конквистадоров» вышел в Петербурге в 1905 году, когда его автор был ещё учеником гимназии. С тех пор тема путешествий в пространстве и времени, экзотики дальних стран прочно входит в лирику Гумилёва. Чтобы «в новой обстановке найти новые слова», поэт в 1908, 1910 и 1913 годах совершает путешествия в Африку. В 1914 году, с началом мировой войны, Гумилёв уходит добровольцем в армию. Поэт подвига, певец бесстрашия, на фронте – отчаянный разведчик, он награждается за храбрость двумя Георгиевскими крестами:

Святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

В сборниках «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан», «Костёр», «Огненный столп» его занимает тема душевных исканий человека и всего человечества. Многие стихотворения Гумилёва пронизаны «светом памяти» о любимом минувшем («…помилуй прошедшее!»). В них он проводит читателя «через Неву, через Нил и Сену», вспоминает о «мореплавателе и стрелке», об «угрюмом зодчем храма», о «достохвальной» кисти Андрея Рублёва. Гумилёв высоко ставил звание поэта и искренне считал, что поэзия может изменить мир. Его стихотворения, полные сильных страстей и жизнелюбия, отличаются изысканностью художественной формы.

Старина

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашеный,
В нём словно плавает туман,
В нём залы гулкие украшены
Изображением пейзан[31].

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тётки в юности
И танцевали контреданс[32].

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная,
Незолотая старина.

…Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и чёрные
Над гулким грохотом лавин!

Вопросы и задания

1. Говоря о существе поэзии, Гумилёв отмечал следующие её «отделы»: фонетику («звуковую сторону стиха» – «ритм, рифму, сочетание гласных и согласных»), стилистику («сочетание слов»), композицию («интенсивность и смену мыслей, чувств и образов, вложенных в стихотворение»). Можно ли сказать, что в стихотворении «Старина» названные особенности гармонически сочетаются?

2. Проследите за «звуковой стороной стиха». Какую роль в стихотворении играет чередование дактилических (рифмы с ударением на третьем от конца слоге) и мужских (с ударением на последнем слоге) рифм? Какие строки или строфы стихотворения показались вам наиболее благозвучными?

3. Какие особенности стилистики стихотворения позволяют

оттенить чувства, переживаемые лирическим героем? Что достигает поэт повтором слов «одну» – «одна», «гулкие» – «гулким»?

▶▶▶1. В первой публикации стихотворения между второй и третьей строфами была ещё одна строфа:

Тревожный сон… Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке
Как ряд скелетов – груды мебели
В пыли почиют и в тоске.

Подумайте, почему эти строки были изъяты из текста стихотворения в его последующих публикациях.

2. Проследите за «сменой мыслей, чувств и образов, вложенных в стихотворение». В какой мере они приближают читателя к постижению главной мысли стихотворения?

Прапамять

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седою гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши
От сна, я буду снова я —
Простой индиец, задремавший
В священный вечер у ручья?

Вопросы и задания

▸Какой предстаёт жизнь в восприятии поэта? Как показано в стихотворении движение времени? Какое значение имеет в стихотворении повторение союза «и» и частицы «вот», указывающей на последовательность действий, смену явлений?

▸▸Приставка *пра-* обозначает либо первоначальность, наибольшую древность (прародина, праславянский), либо степени родства (прадед, правнук). Как вы понимаете заглавие стихотворения Гумилёва – «Прапамять»? В первом издании в сборнике «Костёр» стихотворение было опубликовано под другим заглавием – «Жизнь». Как вы думаете, почему поэт в дальнейших изданиях предпочёл название «Прапамять»?

▸▸▸Николай Гумилёв мечтал о читателе-друге. «Этот читатель, – отмечал он, – думает только о том, о чём ему говорит поэт, становится как бы написавшим это стихотворение… Прекрасное стихотворение входит в его сознание, как непреложный факт, меняет его, определяет чувства и поступки». Что в позиции автора стихотворения особенно привлекает вас? Что утверждает поэт стихотворением «Прапамять»?

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

К вам душа так радостна влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»! —

так отозвался поэт Максимилиан Волошин о первой книге стихотворений Марины Цветаевой «Вечерний альбом», изданной втайне от отца, на собственные деньги. В гибких, завораживающих ритмах её первых стихотворений чувствуется глубокая искренность, открытость, чистота взволнованного сердца. Уже в «Вечернем альбоме» нашли отражение основные мотивы будущего творчества Цветаевой: жизнь, смерть, любовь, дружба… В последующих сборниках – «Волшебный фонарь», «Вёрсты» – расширяется художественное пространство: «безумное любование пустяками жизни» уступает место стремлению познать мир в его многоликости и сложности.

Сборник стихов «Разлука» издан уже за границей, в 1922 году. Он положил начало бесприютному и многотрудному существованию поэтессы в семнадцатилетней эмиграции – Берлин, предместья Праги, Париж… Стихотворения, составившие последнюю прижизненную книгу Марины Цветаевой – «После

России», приобретают трагедийную тональность: «…мой читатель остаётся в России, куда мои стихи… не доходят». Только в 1939 году Цветаева вернулась на родную землю, но силы её были на исходе: «Я своё написала, могла бы ещё…» В состоянии душевного надлома, под гнётом личных несчастий она ушла из жизни. «Каждое слово Марины Цветаевой принадлежит русской поэзии, принадлежит народу и будущим поколениям» (К. Паустовский).

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Тёмные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склонённые к пяльцам,
Взгляды портретов в упор…
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом её сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грозные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Вопросы и задания

С каким чувством обращается М. Цветаева к «домикам старой Москвы»?

1. Как вы понимаете слова:

Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

2. В статье «Поэт о критике» М. Цветаева отметила: «Обольщусь сутью, форма сама придёт». Проследите, к каким художественным средствам прибегает поэтесса, чтобы передать волнующее её чувство. Какие слова стихотворения говорят о преклонении поэтессы перед Москвой уходящей и о неприятии того, что приходит на смену старому? Какое значение в стихотворении приобретает использование уменьшительно-ласкательных суффиксов?

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, – вчера
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам всé вершины были малы
И мягок самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы

Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена…
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна…

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век…
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мёртвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли остриё —
И весело переходили
В небытиё.

Вопросы и задания

Каким чувством пронизано стихотворение?

1. Почему М. Цветаева построила своё стихотворение как обращение к «генералам двенадцатого года»? Найдите обращения

в тексте. В чём их особенность? Какие оттенки в характер поэтического переживания вносит употребление поэтессой междометий?

2. Какую роль играют в стихотворении восклицательные предложения? Почему в стихотворении местоимения «все» и «что» выделены логическими ударениями?

3. Какие эпитеты и определительные прилагательные передают неподдельное восхищение поэтессы «молодыми генералами»?

4. Каково значение антитезы в характеристике героев стихотворения? Какой оттенок сообщают стихотворению устаревшие и традиционно-поэтические слова?

▶▶▶1. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, ключом к которому могут стать слова М. Цветаевой: «А что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, за пределом слов… Чтение – прежде всего – сотворчество». Передайте в своём чтении то, что вам близко и дорого в стихотворении.

2. Какие строки стихотворения произвели на вас особенно сильное впечатление?

Евгений Александрович Евтушенко **(Родился в 1933 году)**

Евгений Александрович Евтушенко – поэт, прозаик, критик, кинорежиссёр. Первая книга его стихотворений «Разведчики грядущего» была напечатана в 1952 году, когда поэту исполнилось девятнадцать лет. Она положила начало многим поэтическим сборникам разных лет, романам, сборникам литературно-критических статей, киносценариям, переводам. Вся поэзия Евтушенко отмечена страстной и высокой гражданственностью («Гражданственность – талант нелёгкий…»). Он предстаёт в своих стихах летописцем быстротекущего дня, осознаёт высокую роль поэзии в преобразовании жизни. Поэтическое творчество Евтушенко пронизано пристальным и добрым интересом к человеку, и он не устаёт повторять: «Я жаден до людей, я жаден всё лютей». Поэт стремится «объять необъятное», нетерпеливо высказаться по многим вопросам бытия, занимающим людей, и даже попытаться их немедленно решить. «Для меня, – признаётся Евтушенко, – поэзия – это исповедь сразу перед всеми…» Пристально наблюдая повседневную жизнь, поэт проникновенно осмысливает прошедшее и обращает свой взор к будущему, тесно соединяя свою судьбу с судьбой России:

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы…

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я…

Когда звонят колокола

Ах, колокольчик под дугой,
ты, правда, крошечный такой,
но где-то спрятана в тебе большого колокола грусть,
и звоном душу мужика
ты выражала все века
от колокольчика до колокола, – Русь.

Когда звонят колокола,
роса особенно светла,
и васильки чуть привстают, как очи синие лугов.
Благословляет этот звон
героев павших вечный сон,
благословляет детский смех и чью-то первую любовь.

Когда звонят колокола,
они звонят, не помня зла,
но каждый колокол внутри – он затаённо не забыл,
что они были бунтари,
что их плетьми секли цари,
и, вырывая языки, везли их стражники в Сибирь.

Когда звонят колокола,
то просыпается зола
врагом сожжённых деревень на распроклятой той
войне,
и в каждом колоколе скрыт

набат, который чутко спит,
и в каждом русском скрыт набат – пусть где-то
в самой глубине.

Когда звонят колокола,
им даль бескрайняя мала,
и птицы медные летят и по полям и по лесам,
и ты, смиряя в сердце дрожь,
глаза закроешь и плывёшь
по зазвеневшим небесам, ну а куда – не знаешь сам.

Вопросы и задания

▸Почему поэт назвал своё стихотворение «Когда звонят колокола»?

▸▸1. Как в стихотворении сочетаются картины прошлого и настоящего? Как упоминание о «всех веках» в начальной строфе раскрывается в общем содержании стихотворения?

2. Какими художественными средствами передаётся в стихотворении взволнованность и острота поэтического переживания? Обратите внимание на начало стихотворения и его общее построение. Как подчёркивается стилистическое единство стихотворных строф?

3. Открыто делясь с читателем охватившими его чувствами, поэт создаёт в стихотворении цельный образ колоколов, колокольного звона и набата как сигнала тревоги, подаваемого ударами колокола. Какая роль в создании этого образа принадлежит олицетворениям? Выпишите олицетворения, которые содержатся в каждой строфе стихотворения. Почему поэт так последователен в использовании этого поэтического приёма?

4. Какую роль играют в стихотворении повтор слова «благословляет» и параллелизм «и в каждом колоколе скрыт набат…» – «и в каждом русском скрыт набат…»? С помощью каких изобразительных средств поэт создаёт яркие, запоминающиеся картины природы? Каков смысл переклички слов «душа» в начале стихотворения и «в сердце дрожь» в конечной строфе?

▸▸▸Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения «Когда звонят колокола». Обратите внимание, что большинство его строф представляет собой одно сложное предложение (лишь во второй строфе поэт прерывает их ряд, интонационно выделив слово «благословляет»). Подумайте, как воспроизвести в своём чтении удлинённые третий и шестой стихи каждой строфы.

Владимир Семёнович Высоцкий (1938–1980)

Творчество Владимира Высоцкого – яркое и многогранное явление русской культуры. Он был актёром одного из самых популярных театров – Московского театра драмы и комедии на Таганке, где среди многих ролей сыграл и роль шекспировского Гамлета, мечту всякого драматического актёра. Он сыграл двадцать пять ролей в кино, где выступил не только как актёр, но и как автор песен. Поэт много и плодотворно работал над авторской песней, считая её «неумирающим искусством»: он сам писал тексты, мелодии, сам их исполнял. «Самое главное в авторской песне, – говорил Высоцкий, – текст, информация, поэзия. Это вообще не песня – это стихи, которые исполняются под гитару и положены на ритмическую основу…» Владимиру Высоцкому принадлежит, по его признанию, «около тысячи» стихотворных текстов. «Если на две чаши весов бросить мою работу: на одну – театр, кино, телевидение, мои выступления, а на другую – только работу над песнями, то, я вас уверяю, песня перевесит!» – утверждает поэт в очерке «О песнях, о себе», который составился из его многочисленных интервью и публичных выступлений. Тематика поэзии Владимира Высоцкого многообразна. Это и городские песни, и «спортивные» песни, и песни-сказки… Большое место в его поэтическом творчестве занимает военная тема. Во многих своих стихотворениях и песнях поэт размышляет о судьбах своего поколения и о своей собственной судьбе, о своих душевных исканиях и сомнениях. При жизни стихотворения и песни Высоцкого публиковались нечасто, но поэт искренне верил, что его песни получат широкое народное признание:

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним…

Иногда как-то вдруг вспоминается…

Иногда как-то вдруг вспоминается
из войны пара фраз —
например, что сапёр ошибается
только раз.

Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,

А память, как колодец, – глубока:
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то – неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд:
Осторожно с прошлым, осторожно, —
Не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
Другие неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят, —
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.

И поток годов унёс с границы
Стрелки – указатели пути,
Очень просто в прошлом заблудиться, —
А назад дороги не найти.

С налёта не вини – повремени:
Есть у людей на всё свои причины —
Не скрыть, а позабыть хотят они, —
Ведь в толще лет ещё лежат в тени
Забытые заржавленные мины.

В минном поле прошлого копаться —
Лучше без ошибок, потому
Что на минном поле ошибаться
Просто абсолютно ни к чему.

Один толчок – и стрелки побегут, —
А нервы у людей не из каната, —
И будет взрыв, и перетрётся жгут…
Но, может, мину вовремя найдут
И извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
Но когда находят мины в ней —
Их берут умелыми руками
И взрывают дальше от людей.

Вопросы и задания

⏩1. Поэт признавался, что его стихотворениям и песням присуща «манера что-то сообщать, как-то разговаривать с близкими друзьями». Как воплощается такая «манера» в тексте стихотворения? Каким предстаёт перед читателем поэт, размышляющий о прошлом? В каких словах он серьёзен, в каких – ироничен, в каких – глубоко лиричен?

2. Как передано в стихотворении отношение людей к прошлому? Почему к прошлому, по мысли поэта, нужно относиться осторожно, избегать ошибок?

3. Характеризуя прошлое, поэт искусно использует сравнения и метафоры. Как они передают отношение автора стихотворения к прошлому? Обратите внимание на то, что слово «прошлое» поэт употребляет четырежды, каждый раз создавая новый образ. В чём смысл развёрнутой метафоры пятой, шестой, седьмой и восьмой строф стихотворения? Как соотносится с этими строфами эпиграф?

4. Как вы понимаете метафоры – «прошлое лежит», «поток годов», «в толще лет»? Как они дополняют образ прошлого в стихотворении?

5. В чём вы видите особенности ритмики стихотворения? Чем отличен ритмический строй стихов в чётных и нечётных строфах стихотворения? Почему поэт так часто сочетает в своих стихотворениях и песнях строфы, написанные разными стихотворными размерами?

Вопросы и задания ко всей теме

⏩⏩1. Какие строки из включённых в раздел стихотворений вы бы предложили в качестве эпиграфа к «Мотивам былого в лирике поэтов XX века»?

2. Каков масштаб осмысления прошлого поэтами Серебряного века?

3. Какое из стихотворений, включённых в раздел, произвело на вас наиболее сильное впечатление? Выучите наизусть это стихотворение и напишите письменный отзыв о нём.

Подведём итоги

Завершено изучение литературы в 8 классе. В течение года вы вновь и вновь встречались с художественными произведениями, которые помогали вам представить жизнь людей и происшедшие события на протяжении многих столетий.

Курс литературы 5–7 классов охватывал литературный процесс от древности до наших дней. В 8 классе эта модель повторилась, но в ней особую роль играл фактор времени. Вы как читатели не только видели на страницах художественного текста события и героев истории, но и оказывались свидетелями того, как само понятие времени при нашей встрече с художественным произведением становилось многозначным. Вы убеждались в том, что, знакомясь с тем временем, которое изобразил писатель, вы неизбежно думаете о времени, когда было создано произведение, и о том моменте, когда вы прочитали это произведение.

Размышление о многообразии времени неизбежно связано с позицией автора, которая становится очевидной при чтении его произведения. При этом у вас возникала масса вопросов: почему автор избрал именно то время, к которому он обратился? Он уходил от проблем своего времени и пытался найти прибежище в другой эпохе или искал в прошлом ответы на вопросы сегодняшнего дня? Что помогало ему увидеть другое время? Какие приёмы способствовали созданию достоверной и убедительной картины иного времени? Надеемся, что эти вопросы не остались без ответов.

Вопросы и задания

1. Какое из прочитанных произведений, посвящённых истории, запомнилось? Какое помогло ярко представить изображённую эпоху?

2. Как вы объясните важность понимания позиции автора при чтении художественных произведений?

3. Все ли произведения фольклора можно отнести к какому-то неопределённо далёкому времени? Приведите примеры.

4. Какие качества исторической личности привлекали

древнерусских авторов?

5. Какое из произведений XVIII–XXI веков помогло вам составить впечатление об этом времени, о людях, живших в этот период, их быте, нравах?

6. Чем отличаются исторический труд и художественное произведение, посвящённое историческим событиям? Ответьте на вопрос, используя произведения Карамзина и Пушкина.

7. Авторы XIX и XX веков с интересом и любовью обращались к былинам. Как вы считаете, их волновала родная история или художественные достоинства народных произведений? Попробуйте объяснить этот интерес.

8. Попробуйте кратко охарактеризовать, как повлияли на вас, читателей, три времени, которые связаны с повестью «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: время, которое изображено в произведении, время создания повести и настоящее время.

9. Назовите произведения, созданные Пушкиным на исторические сюжеты. Определите их жанры. Попытайтесь обосновать авторский выбор жанра.

10. События «Песни… про купца Калашникова» Лермонтова и «Тараса Бульбы» Гоголя происходят примерно в одно историческое время. Вспоминали ли вы про это, когда знакомились с текстами произведений, или об этом вы даже и не задумывались?

11. В поэме Лермонтова «Песня… про купца Калашникова» и в произведениях А. К. Толстого «Василий Шибанов» и «Князь Серебряный» один из героев – Иван Грозный. Попробуйте создать собирательный образ царя или указать на различия в его характеристике на страницах этих произведений.

12. Какое из прочитанных в 8 классе произведений произвело на вас наибольшее впечатление? Напишите отзыв.

Рекомендуемые интернет-ресурсы

Вам не всегда удаётся выполнять то или иное задание под руководством учителя. Наверное, не однажды при подготовке к урокам возникали вопросы, а дома не оказывалось нужной книги, не было никого, кто бы мог помочь. Теперь есть помощник. Это интернет. Именно в интернете за несколько минут можно найти необходимую информацию о писателе, о его творчестве, о книге. Можно даже прочитать само художественное произведение, найти нужный эпизод, посмотреть иллюстрации художников.

Предлагаем вам адреса нескольких сайтов. Внимательно прочитайте, что можно найти на них, прежде чем начнёте поиск.

http://school-collection.edu.ru – Образовательные Интернет-ресурсы: Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов.

Коллекция включает в себя цифровые образовательные ресурсы по каждому предмету и в каждой параллели обучения, в том числе по литературе и русскому языку, а также тематические коллекции. Предназначена для поддержки учебной деятельности школьников.

http://feb-web.ru/

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) – полнотекстовая информационная система по произведениям русской словесности, библиографии, научным исследованиям и историко-биографическим работам. Основное содержание ФЭБ представляется в электронных научных изданиях (ЭНИ), каждое из которых посвящено отдельному автору (Пушкин, Лермонтов…), жанру (былины, песни…) или произведению («Слово о полку Игореве»…).

Фундаментальная электронная библиотека содержит ссылки на другие электронные библиотеки русской литературы и на сетевые проекты, посвящённые русской филологии и фольклору, включая ссылки на информационные ресурсы ФЭБ.

http://lib.ru – *Lib.Ru:* Библиотека Максима Мошкова.

Это одна из самых полных и поэтому самых известных интернет-библиотек. Она открывает доступ к произведениям художественной литературы, к книгам по исторической, научно-познавательной и другим темам.

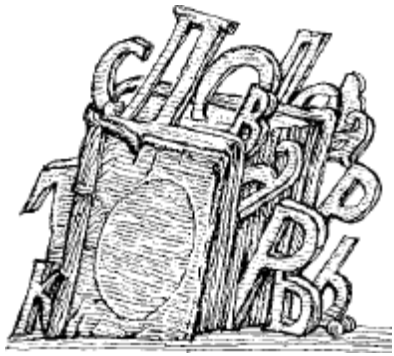
http://rvb.ru — Русская виртуальная библиотека.

В этой интернет-библиотеке размещены классические и современные произведения русской литературы. Пользователи получают доступ к научно выверенным текстам, снабжённым профессионально подготовленным справочным аппаратом и комментарием.

http://www.gramota.ru/ — Русский язык для всех. Портал Грамота.ру.

Справочно-информационный портал: словари, учебные материалы для поддержки грамотности, научно-популярные статьи о русском языке и культуре речи.

Краткий словарь литературоведческих терминов



Анахрони́зм (от греческих – обратно, против и время) – 1) ошибка в хронологии; 2) использование слов, присущих конкретному историческому периоду, при описании другой эпохи.

Архаи́змы (от греческого – древний) – слова и выражения, а также синтаксические обороты, вышедшие из активного употребления.

Архаи́ка (от греческого – старинный) – ранний этап в развитии какого-то явления.

Археоло́гия (от греческих – древний и учение) – наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей – археологическим памятникам.

Архи́в – 1) учреждение или его часть, хранящая документы; 2) совокупность документов, образовавшихся в результате чьей-либо деятельности.

Биографи́ческий рома́н – жизнеописание, жанр художественной прозы.

Варвари́змы – иноязычные слова и выражения, не полностью освоенные языком и искажённые, воспринимаемые как инородные.

Ви́ды истори́ческих рома́нов – исторический роман, роман-хроника, роман авантюрный, роман публицистический, роман биографический и др.

Вре́мя в худо́жественном произведе́нии – в философском смысле: время – форма последовательной смены явлений и состояний материи. Самые главные свойства времени – длительность, неповторяемость, необратимость. Историческое время связано со сменой событий в ходе истории. Среди событий

различного масштаба и значимости обширный пласт создают те, которые объединяются в историю культуры и её часть – историю литературы. Есть время, которое изобразил художник, и время, когда создавалось произведение. Однако есть и время, когда произведение читается.

Документа́льная литерату́ра – научно-художественная проза, основанная на фактах, достоверных материалах.

Дра́ма истори́ческая – жанр литературного произведения, в котором драматические конфликты отображают конкретные исторические события, воплощающиеся в поведении и поступках героев, в их диалогах и монологах.

Истори́зм – принцип подхода к действительности, который учитывает её изменение во времени.

Истори́змы – слова, вышедшие из повседневного употребления, поскольку предметы, понятия, которые они обозначали, уже неизвестны говорящим.

Исто́рия (от греческого – рассказ о прошедшем) – 1) процесс развития природы и общества; 2) комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества во всём его многообразии.

Исто́рия созда́ния худо́жественного произведе́ния – сведения о работе автора над созданием художественного произведения, изучение творческой лаборатории писателя при работе над созданием конкретного текста.

Истори́ческая литерату́ра – общее название литературы на темы истории.

Истори́ческий докуме́нт – документ конкретной исторической эпохи, один из источников изучения эпохи письменности.

Истори́ческий исто́чник – письменный документ или предмет, непосредственно отражающий исторический процесс и дающий возможность изучать прошлое. К историческим источникам относятся: памятники культуры, языка, письменности, обычаи, обряды и пр.

Истори́ческая пе́сня – жанр русского фольклора, эпические песни об исторических событиях.

Истори́ческий жанр – художественные произведения, связанные с историей. Чаще употребляется применительно к изобразительному искусству.

Леге́нда – 1) вошедший в традицию рассказ о чудесном событии, представляемый как достоверный; 2) в обиходном значении – что-то невероятное, выдумка.

Летопи́сец – автор, ведущий летопись, запись исторических событий по годам.

Ле́тописи – исторические произведения, вид

повествовательной литературы в России XI–XVII вв. Они состояли из погодных записей либо представляли собой памятники, состоящие из ряда различных записей, – так называемые летописные своды.

Мемуа́ры (воспоминания) – разновидность документальной литературы, литературное повествование о событиях общественной и литературной жизни, участником которой был автор.

Преда́ние – жанр фольклорного произведения, которое содержит сведения об исторических событиях, передающееся из поколения в поколение. При этом часто перерабатывается, связано с легендой.

Сказа́ние – в фольклоре: общее название повествовательных произведений исторического и легендарного характера. Среди сказаний различают предания, легенды, бывальщины и др.

Хронола́гия – 1) перечень событий в порядке их последовательности во времени; 2) вспомогательная историческая дисциплина.

notes

Примечания

1

Ста́нсы – небольшое стихотворение, каждая строфа которого выражает законченную мысль и состоит из четырёх стихов четырёхстопного ямба с перекрёстными рифмами.

2

Эле́гия – стихотворение, проникнутое грустным размышлением. Для элегии как жанра лирики характерна ритмическая неторопливость, плавность звучания.

З

Вы́я – шея.

4

Ритори́ческое восклица́ние – приём построения речи, утверждающий то или иное понятие в форме восклицания. Риторическое восклицание усиливает эмоциональность высказывания, сообщает ему поэтическое воодушевление и торжественную приподнятость. Ритори́ческий вопро́с – вопрос, не требующий ответа и усиливающий эмоциональность, выразительность высказывания.

5

Строфоками́л – страус.

6

Перстяно́е ожере́лье – оплечье.

7

Ры́нда – здесь: телохранитель, оруженосец.

Попле́чник – ровня, товарищ.

9

Саада́к – набор охотничьих принадлежностей.

грешневи́к – головной убор простолюдина.

11

Ещё (франц.).

12

Альфонс Карр (франц.).

дорогая (франц.).

как у Николая I (франц.).

15

Мятéль – метель (такое написание слова характерно для лирики К. Бальмонта).

16

Загне́тка – углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

17

Оны́ча – кусок плотной материи, навёртываемый на ногу при ношении лаптей или сапог.

18

Шело́м – шлем.

19

В название романа Тынянов вынес лицейское прозвище В. К. Кюхельбекера. Так его звали друзья-лицеисты.

20

Дани́лыч, ге́рцог Ижо́рский – Александр Данилович Меншиков, любимец Петра. Императору стали известны преступления Меншикова – захват частной и казённой собственности, взяточничество, которые были столь велики, что Данилыч не надеялся вернуть доверие царя и ждал расплаты. По его преступлениям уже велось следственное дело.

21

Го́род Бату́рин – столица малороссийского гетмана Мазепы. Был взят штурмом войсками под началом Меншикова.

22

Ма́етность – собственность, имение.

23

Да́ча – взятка.

24

Растре́ллий (Растре́лли Карло Бартоломео) – литейщик и скульптор, итальянец по происхождению.

25

Дук – французское «дюк», от латинского dux; значило: князь, воевода, также и – герцог. (Примечание Ю. Тынянова.)

26

Алте́сса – титул, примерно: «светлость». Говорили и писали: «ваше алтесса» и «ваша алтесса». (Примечание Ю. Тынянова.)

27

Фурм, фу́рма – чугунная труба для плавки. (Примечание Ю. Тынянова.)

28

Верéя, верéйка – небольшая лодка с парусом, шлюпка.

29

Пи́тер-Бас – голландское слово baas – заведующий работами, смотритель, мастер. Цеховое звание. Пётр получил его в Саардаме. Курс от корабельного подмастерья до баса он прошёл всего в два дня. Явный парад. (Примечание Ю. Тынянова.)

30

Апра́ксин Фёдор Матве́евич – граф, сподвижник Петра, генерал-адмирал; был назначен президентом Адмиралтейств-коллегий.

31

Пейза́не (пейза́ны) – крестьяне, изображённые в произведениях искусства идиллически.

32

Контреда́нс (контрда́нс) – старинный танец, исполнявшийся четырьмя, шестью, восьмью парами.